

1898 – 2018

Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края

Дальневосточный информационно-культурный центр
«Русское зарубежье» (секция ПКОО ВОО «РГО» – ОИАК)

Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства)

Харбинь.—Charbin. № 9.
Новый городъ. Вокзалъ.

Приморское краевое отделение Всероссийской общественной
организации «Русское географическое общество»
Общество изучения Амурского края (ОИАК)

Дальневосточный информационно-культурный центр
«Русское зарубежье»
(секция ПКО РГО – ОИАК)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ГОРОДА ХАРБИНА (120-летие строительства)

Сборник научных трудов

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2018

ББК 94.3
УДК 082
В74

Редакционная коллегия:

А.М. Буяков, председатель Приморского краевого отделения «Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края

И.К. Капран, канд. ист. наук, председатель Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» (секция ПКО РГО – ОИАК)

М.Б. Сердюк, д-р ист. наук, профессор Дальневосточного федерального университета
Редактор-составитель *И.К. Капран*

**Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и
В74 города Харбина (120-летие строительства) : сборник научных
трудов / ред. кол.: А.М. Буяков, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. – Влади-
восток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – 188 с.**

ISBN 978-5-9736-0503-2

Публикуются статьи и материалы об истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина, строительство которых началось в апреле–мае 1898 г. Рассматриваются экономические, политические, религиозные и культурные аспекты развития магистрали и города. Воспоминания бывших русских харбинцев дают представление о неповторимом колорите их жизни в окружении восточной культуры.

Для историков-исследователей, культурологов, востоковедов, аспирантов и студентов вузов, а также тех, кто интересуется историей КВЖД, Харбина и российской эмиграции в Китае.

ББК 94.3
УДК 082

ISBN 978-5-9736-0503-2

© Приморское краевое отделение
Всероссийской общественной
организации «Русское географическое
общество» – Общество изучения
Амурского края, текст, 2018

© ФГБОУ ВО «Владивостокский
государственный университет экономики
и сервиса», оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

<i>Капран И.К.</i> Исторические аспекты развития КВЖД и г. Харбина.....	4
<i>Антошин А.В.</i> «Наша группа и большой портрет Сталина вызывали большой энтузиазм»: члены Федерации русских канадцев в середине 1940-х годов	9
<i>Буяков А.М.</i> 25-летие Китайско-Восточной железной дороги: по страницам харбинской прессы	18
<i>Василенко Н.А.</i> История КВЖД и г. Харбина в публикациях китайских исследователей	31
<i>Гартунг Т.С.</i> Воспоминания детства	38
<i>Гартунг Т.С.</i> Прощание с Харбином	43
<i>Егорова Н.А.</i> Выставка, посвящённая Харбинскому политехническому институту, как опыт научного исследования	49
<i>Еремин С.Ю.</i> Восстановление исторического облика Иверского храма в Харбине	57
<i>Казачун Г.А., Хабибулин В.А.</i> Русскоязычные общины Канады в контексте политики мультикультурализма	64
<i>Каневская Г.И.</i> О чем рассказали письма	70
<i>Капран И.К.</i> Деятельность Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» для сохранения исторической памяти о дальневосточной ветви русской эмиграции	75
<i>Кротова М.В.</i> Харбин и Санкт-Петербург	81
<i>Ларкина Л.Л.</i> Таинственный странник с корнями российского императора в австралийской глубинке	89
<i>Мисюк Б.С.</i> Приморская Австралия	95
<i>Назарова В.Л.</i> Где КВЖД?	107
<i>Попов А.В.</i> Документы по истории Дальнего Востока в национальном архиве США	110
<i>Портнягин А.Д., Имтосими В.П.</i> Царский генерал с Кавказских гор на Дальнем Востоке	113
<i>Сердюк М.Б., Родионова К.И.</i> Религиозная жизнь Харбина: католики	122
<i>Смирнов С.В.</i> Иван Щелоков – «человек маньчжурского фронта»	127
<i>Суворов И.Н., Суворов Н.И.</i> На строительстве эстакады	132
<i>Сумская А.Г.</i> Судьбы русских семей в эмиграции	149
<i>Чернолуцкая Е.Н.</i> Конфессиональные общины как фактор сохранения этнической идентичности россиян в Харбине	159
<i>Шугайло Т.С.</i> Основные тенденции и особенности развития русскоязычной прессы в США в 1920 – первой половине 1970-х гг. (на примере ряда крупных изданий)	169
<i>Яхимович С.Ю.</i> Избирательная кампания в профсоюзе железнодорожников КВЖД осенью 1926 г.	180

УДК 625.1(571.6+518.3)(091)

Предисловие

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КВЖД и г. ХАРБИНА

И.К. Капран

*Общество изучения Амурского края
г. Владивосток, Россия*

История строительства русского города на китайской земле уже 120 лет не оставляет равнодушными российских и китайских историков, а также исследователей из разных стран мира. Это явление уникально с точки зрения мировой истории, так как история и культура одного народа, русского, развивалась по разным направлениям. В отличие от советской России, русское население Харбина сохранило национальные и культурные традиции дореволюционной России. В настоящее время обращение к истории и культурным традициям русского зарубежья может быть использовано в интересах возрождения и обновления современной России, для восстановления утраченных нравственных ценностей. Большую роль в сооружении КВЖД сыграло назначение С.Ю. Витте на должность управляющего министерством путей сообщения, а затем министра финансов России. При его непосредственном участии для строительства и эксплуатации дороги финансовые круги России и Франции учредили Русско-китайский банк, а затем и Общество КВЖД, акции которого могли приобретать только подданные Китая и России. Обществу КВЖД предоставлялось право безусловного управления своими землями в полосе отчуждения, т.е. отведенными на постройку и эксплуатацию железной дороги. Всего полоса отчуждения занимала общую площадь 113 951,03 га, из них Харбин – 11 990,39 га [6, с. 31].

27 августа 1896 г. в Берлине китайский посланник Сюй Цзинчэн от имени правительства своей страны и правление Русско-китайского банка со стороны правительства России заключили соглашение о предоставлении этому банку права постройки и эксплуатации железной дороги в Маньчжурии. Срок концессии устанавливался 80 лет после окончания строительства. По истечении этого срока построенная дорога со всем имуществом должна была перейти в собственность китайского правительства, которое через 36 лет имело право выкупить дорогу [4, с. 44–45].

Строительство КВЖД до пуска в эксплуатацию с 1897 по 1903 гг. обошлось России в 357 млн руб. золотом. Харбин стал административно-территориальным центром полосы отчуждения КВЖД, занимавшей общую площадь 113 951, 03 га [6, с. 123]. Русская колония Харбина стремительно росла: в 1910 г. русских в Харбине проживало 50 тыс. чел., в 1920 г., после массовой эмиграции из России, – не менее 150 тыс. чел., а в 1930 г. – 110 тыс. чел. Более 10 тыс. чел. до 1931 г. составляли штатные служащие и рабочие КВЖД, получавшие ежегодно в среднем около 1000 руб., в то время как средняя зарплата русского на небольшом предприятии составляла 472 руб. в год, что обеспечивало самый минимальный доход. На жалование своим служащим дорога тратила в 1920-е годы от 6 до 15 млн золотых рублей в год [7, с. 69]. Свои сбережения служащие КВЖД вкладывали в экономику Маньчжурии, обзаводились домашним хозяйством, открывали мелкие предприятия, строили недвижимость.

За весь период своего существования русская колония в Харбине претерпела изменения под влиянием политических, экономических и социальных процессов в среде русской эмиграции, на фоне политических и экономических изменений в России и Маньчжурии. Большинство исследователей истории русского Харбина выделяют политический фактор как основополагающий в его истории [1, 2, 8]. Поэтому условно историю русской колонии в Харбине можно разделить на следующие периоды:

1. 1898–1920 гг. – КВЖД существует как российское предприятие, проживающие в Харбине и полосе отчуждения КВЖД русские жители имели право экстерриториальности.

2. 1920–1924 гг. – Установление международного контроля на КВЖД Межсоюзным техническим советом. Подчинение русского населения Маньчжурии китайской правовой системе. Полоса отчуждения КВЖД вошла в Особый район Восточных провинций.

3. 1924–1935 гг. – Паритетное управление КВЖД СССР и Китаем. Совместное проживание на одной территории граждан с разными политическими идеологиями. Начало японской оккупации и образование государства Маньчжоу-Ди-Го.

4. 1935–1945 гг. – Период существования Маньчжоу-Ди-Го. Продажа КВЖД Японии. Деятельность Бюро по делам российских эмигрантов по защите интересов русских.

5. 1945–1950-е гг. – Освобождение Советской Армией территории Маньчжурии. Репрессии в среде русской эмиграции со стороны советских военных властей. Исход русских из Харбина [1, 2, 8].

В первый период в истории Харбина (1898–1920) под российской юрисдикцией был построен русский город на китайской земле – Харбин, который стал не только административным центром полосы отчуждения КВЖД, но и крупнейшим торгово-промышленным городом Маньчжурии. Для складывания стабильного русского населения в полосе отчуждения служащим КВЖД были предусмотрены льготы, повышенные денежные выплаты, пенсионное обеспечение. До 1920 г. на основании «Временных положений о служащих КВЖД» обеспечение таких жизненных условий населения, как жилье, одежда, питание было централизованным, за счет средств Общества КВЖД [3, с. 3–13]. Одним из пунктов своей программы освоения Маньчжурии российское правительство ставило

обеспечение казенным жильем служащих дороги и военных, обеспечивающих охрану. Семейные железнодорожные служащие и военнослужащие Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи получали казенные квартиры в домах усадебного типа. Для этой цели было построено 280 тыс. кв. м [6, с. 56]. Остальные служащие, не обеспеченные жильем, получали 25% прибавки к жалованию, так называемые квартирные, для съема жилья [3, с. 4]. Земельный отдел КВЖД всем желающим сдавал в долговременную аренду от 1 до 50 лет земельные участки для строительства частного жилья [9, с. 83]. Жилые здания возводились русскими архитекторами и строителями по новейшим проектам и технологиям того времени. Дома строились в зависимости от финансовой возможности собственника. Состоятельные жители возводили особняки в центре города, рабочий люд селился на окраинах – в Славянском и Корпусном городках. С 1908 г. муниципалитетом Харбина был установлен налог для владельцев домов и квартир, составлявший 1% от стоимости недвижимости [9, с. 84]. Крупные собственники недвижимости в 1912 г. объединились в Харбинское общество домовладельцев. Члены общества входили в состав муниципалитета – Харбинского общественного управления и участвовали в работе различных деловых комиссий [5, с. 3–5].

Второй период (1920–1924 гг.) характерен потерей политического влияния России в результате Октябрьской революции и Гражданской войны. Российские подданные были лишены права экстерриториальности и стали подчиняться китайским властям и законам. Благодаря грамотному руководству КВЖД сохранила свой экономический потенциал, превратившись в процветающее предприятие, предоставлявшее населению города щедрые дотации на культурные и благотворительные цели. Русские служащие КВЖД были защищены от произвола китайских властей мощной корпорацией и могли рассчитывать на ее помощь. Русский уклад жизни в Харбине способствовал быстрой и сравнительно мягкой адаптации беженцев из советской России.

К 1920 г. в Харбине сохранилась инфраструктура русского уклада жизни, ставшая материальной и духовной базой для дальнейшего развития русской колонии, но политическое положение русских подданных, проживавших в полосе отчуждения КВЖД, коренным образом изменилось. Специальные «Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан», изданные правительством Китайской республики 30 октября 1920 г, вводили такие ограничения: проживание только в определенных районах Китая, переезд с разрешения китайской полиции и т.д. Каждый русский эмигрант, имеющий определенное занятие, должен был получить вид на жительство и оформлять ежегодно паспорт на каждого члена семьи старше 16 лет, плата за который составляла значительную сумму [1, с. 99]. КВЖД перестала быть русской железной дорогой, и, хотя русские служащие продолжали оставаться на службе этого крупнейшего предприятия Маньчжурии, их правовое и финансово-экономическое положение заметно ухудшилось.

В 1920-е годы, в период притока беженцев из России, в Харбине активно строился частный жилой сектор, открывались магазины, лавки, ателье и мастерские, пункты общественного питания: кафешантаны, рестораны, закусочные. С новой волной эмиграции значение Харбина как торгово-промышленного центра возросло. В 1920-е годы русская колония Харбина переживала период своего экономического и культурного расцвета. Общая сумма капиталовложений рус-

ских в различные предприятия города составила к 1940-м годам около 29,5 млн американских долларов, а в домовладение и торговлю – 73,7 млн долл. (ГАХК Ф. 830, оп. 1, д. 218, л. 13–15). С притоком беженцев в харбинском обществе обострились и социальные контрасты. Бедные люди строили частные дома дешевым способом: из самана или так называемые, фаршированные дома (между внешней и внутренней стенами засыпались опилки) в пригородах Харбина. Иногда строительство велось стихийно: так появился Сунгарийский городок или, как называли его горожане, Нахаловка. К 1932 г., по данным муниципалитета Харбина, из 6567 домовладений 5 тысяч принадлежало русским [5, с. 7]. К концу 1930-х годов до 65% всех доходов города приносили средства русских домовладельцев [9, с. 83].

Третий период (1924–1935 гг.) – период паритетного советско-китайского управления КВЖД, его предприятий и учреждений, характерен формированием структуры русской колонии, состоявшей из бывших российских подданных, беженцев и советских граждан, служащих КВЖД. В это время русский Харбин переживал период расцвета своей экономики и культуры. Процессу адаптации русских в инокультурной среде Харбина помогала активная деятельность эмигрантской общественности. Особенно после организации таких крупных координирующих центров, как Харбинский комитет помощи русским беженцам (1924 г.) – ХКПРБ и Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (1934 г.) – БРЭМ.

Условия повседневной жизни русского населения Харбина существенно ухудшились в период японской оккупации 1932–1945 гг. и марионеточного государства Маньчжоу-Ди-Го. Созданное властями в 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) было призвано изменить экономическое положение русских в лучшую сторону. Проблему снабжения продовольствием русского населения решали Хозяйственный отдел БРЭМ и Продовольственная комиссия. В докладе председателя Продовольственной комиссии М.Н. Гордеева губернскому съезду Кио-Ва-Кай констатировалось, что в 1942 г. количество таких продуктов, как гречневая крупа, растительное и сливочное масла, мясо на каждого русского было недостаточно. Часто случались перебои с хлебом из-за недостатка муки (ГАХК Ф. 830, оп. 1, д. 59, л. 24–113). Введение карточной системы несколько упорядочило распределение продуктов, но не улучшило питания русских.

Четвертый период (1935–1945 гг.) время японской оккупации и существования марионеточного государства Маньчжоу-Ди-Го. После продажи советским правительством Японии своей части КВЖД меняется состав русского населения. Оставшиеся харбинцы стали эмигрантами или китайскими гражданами. Создав БРЭМ как административный центр русской эмиграции, японские власти решали проблему консолидации и превращения русской колонии Харбина в устойчивый социальный организм, сохранивший свою этнокультурную самобытность. БРЭМ в свою очередь в условиях военной диктатуры, когда правозащитные возможности были сильно ограничены, в рамках своей компетенции защищал гражданские и социальные права русского населения.

После освобождения Харбина Советской армией в 1945 г. начался период исхода русского населения и исчезновения русской колонии. Из 36 711 русских жителей, зарегистрированных БРЭМ на 1 октября 1942 г., около 15 тыс. русских харбинцев было арестовано в августе-сентябре 1945 г. сотрудниками управления

контрразведки «СМЕРШ» [2, с. 38]. После передачи советским правительством своих прав по совместному управлению Китайско-Чанчуньской железной дорогой (КВЖД) правительству КНР с 1950 по 1952 гг. начались массовые увольнения русских служащих дороги. Условия жизни изменились в худшую сторону. Новая власть в Китае не была благосклонна к русским эмигрантам: пристально наблюдала за образом их жизни, уплотняла жилплощадь, ущемляла в снабжении продовольствием и топливом. Указ советского правительства 1954 г. разрешил русским эмигрантам, ставшим советскими гражданами, возвратиться в СССР, но только при условии участия в освоении целинных земель. С массовым отъездом русских харбинцев в СССР, а затем и в другие страны Европы, Латинской Америки, в США, Австралию, русская колония Харбина прекратила свое существование [1, с. 374–386].

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае // Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: Русская панорама, 2005. – 429 с.

2. Аурилене, Е.Е. Русские в Маньчжоу-Ди-Го. Эмигрантское правительство / Е.Е. Аурилене, И.В. Потапова. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. – 127 с.

3. Временное положение о служащих КВЖД. – Харбин, 1914. – 26 с.

4. Гримм, Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Э.Д. Гримм. – М., 1927. – С. 44–45, 47–48.

5. Доклад правления харбинского Общества землевладельцев и домовладельцев чрезвычайному Общему собранию домовладельцев г. Харбина. – Харбин, 1942. – 35 с.

6. Исторический обзор КВЖД (1896–1923) / сост. Е.Х. Нилус. – Харбин: Тип. КВЖД и т-ва «ОЗО», 1923. Т. 1. – 690 с.

7. Лазарева, С.И. Из истории хозяйственно-экономической деятельности русских эмигрантов в Маньчжурии (1920–1930-е годы) // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы третьей науч. практ. конф., 5–7 сент. 2001 г. – Владивосток: Комсомолка-ДВ, 2003. – С. 69–76.

8. Мелихов, Г.В. Маньчжурия далекая и близкая / Г.В. Мелихов. – М.: Наука, 1991. – 320 с.

9. Юбилейный сборник Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев. – Харбин, 1937. – 132 с.

УДК 314.743(=161.1)(71)''194''

**«НАША ГРУППА И БОЛЬШОЙ ПОРТРЕТ СТАЛИНА
ВЫЗЫВАЛИ БОЛЬШОЙ ЭНТУЗИАЗМ»:
ЧЛЕНЫ ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ КАНАДЦЕВ
В СЕРЕДИНЕ 1940-х годов**

А.В. Антошин

*Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия*

Канада во многом является «забытой провинцией» Русского зарубежья. Большинство исследователей, занимающихся российскими диаспорами в Тихоокеанском регионе, пишут о США, Китае, Австралии. Между тем, Канада была и остается достаточно важным центром «русского рассеяния». Краткий очерк истории формирования и развития феномена русских канадцев был представлен в статье А.И. Черкасова [33]. Н.И. Голубева-Монаткина затронула в своем исследовании вопрос о том, как эволюционировал язык повседневного общения этой группы канадского общества в XX в. [28]. Особое внимание следует, на наш взгляд, обратить на работы проживающей в Белоруссии Л.Н. Семеновой. Она охарактеризовала основные этапы истории Федерации русских канадцев (ФРК), выросшей из русских рабочих клубов 1930-х гг. [31]. Осветив кампанию ФРК по сбору средств в помощь Советскому Союзу в годы Второй мировой войны, она показала, что большинство лидеров организации горячо симпатизировали социалистическому эксперименту в нашей стране, веря в справедливость советского строя. Однако отношение советских властей к этим людям было весьма противоречивым: так, главный печатный орган ФРК – издававшаяся в Торонто с 1941 г. газета «Вестник» – не была разрешена для общего пользования Главлитом СССР [30, с. 241].

Именно анализ материалов «Вестника» дает возможность глубже понять психологические и ценностные установки русских канадцев, мотивы, толкнувшие этих людей к сотрудничеству с Советским Союзом. Возможно, наиболее распространенным рядовым русским канадцем был трудовой иммигрант, уехавший еще из Российской империи или белорусских и украинских районов Польши в 1920–1930-е гг. Это были простые крестьяне старой России, которые, оказавшись за океаном, чаще всего и там потом и кровью добывали себе хлеб насущный. Многие из них не сделали себе состояния и в Канаде, относясь к социальным низам местного общества. Таков, например, Г.И. Кубара, родившийся в 1902 г. в селе Нуйна Волынской губернии в бедной крестьянской семье. Он

рано лишился отца, а в годы Первой мировой войны 13–14-летним подростком был забран немцами на работы в лесу. Вскоре умерла и мать, и парень остался круглым сиротой. Отслужив в начале 1920-х гг. в польской армии и по возвращении осознав, что не имеет перспектив на Родине, уехал искать счастья за океаном. «Но и здесь, – вспоминали потом его друзья, – он ничего лучшего не нашел» [7]. В конце 1920 – начале 1930-х гг., в условиях затронувшего Канаду мирового экономического кризиса, ему, как и многим другим людям, пришлось особенно тяжело. Его часто видели в те годы идущим пешком или едущим на крыше товарного вагона из города в город в поисках хоть какой-нибудь работы. Наконец, ему удалось найти работу на фабрике в Монреале. Но и тут его ждали испытания: Г.И. Кубара получил производственную травму и в значительной степени потерял трудоспособность. Ему пришлось переехать в Торонто, где он, работая на стройке, окончательно подорвал здоровье и умер.

Столь тяжелая судьба этого человека была одновременно и довольно типичной для рядовых членов ФРК. Случаи производственного травматизма были тогда в Канаде, к сожалению, нередкими. Среди тех, кто пострадал на производстве, был и уроженец Гродненской губернии В. Пугачевский, проживавший в Канаде с 1913 г. В 1923 г. он принял участие в стачке рабочих одного из сталелитейных заводов, стоял в одном из пикетов у проходной, из-за чего ему пришлось провести год в канадской тюрьме. После этого В. Пугачевский был занесен в «черные списки», на завод его больше не брали. Поэтому члену ФРК пришлось согласиться на непрестижную работу в службе канализации одного из городов Канады. Во время работы внутри канализационного люка он был завален горой земли и щебня, получил тяжелые травмы [18]. Целых 14 лет сидел без работы приехавший в Канаду из Подолии Ф.С. Колошенко, испробовавший в Новом Свете самые разные работы: железнодорожника, лесоруба, шахтера. На шахте он и потерял здоровье [15].

Многие другие члены ФРК – трудовые эмигранты из Российской империи десятилетия отдали работе на предприятиях канадской промышленности. Им удавалось избегать длительных периодов жизни без работы, однако судьбы этих людей также изобиловали нелегкими испытаниями. Земляком В. Пугачевского был, например, подписчик «Вестника» с первого номера издания газеты В.Р. Макаревич, родившийся в 1879 г. в селе Павловичи Пружанского уезда Гродненской губернии. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг., он пробыл год в японском плену. Возвратившись из плена и «не имея возможности обзавестись хозяйством», он выехал искать счастье в Канаду. С 1912 г. В.Р. Макаревич работал на железной дороге в провинции Онтарио, затем уехал в США, где трудился на угольных шахтах Западной Вирджинии. Но, как и у многих трудовых эмигрантов тех лет, его семья все эти годы оставалась в России. В 1919 г. В.Р. Макаревич поехал в охваченную Гражданской войной Россию, в Акмолинскую область, где его родные жили на положении беженцев. Ему удалось вывезти семью на родину, в Пружаны, которые оказались к этому времени в составе Польши. Поняв, что в родном селе перспектив у него немного, В.Р. Макаревич возвращается за океан. Двадцать два года он проработал на золотых шахтах компании «Голинджер». В.Р. Макаревич умер в 1945 г., дождавшись победы своей Родины в Великой Отечественной войне [12]. Последний год жизни болел и ждал письма от своего брата, который продолжал жить в советской Белоруссии. Из письма, полученного незадолго до смерти, В.Р. Макаревич

узнал о тех разрушениях и бедствиях, которые принесли его родной земле нацисты.

Белорусские земли относились к западным районам Российской империи, откуда до революции направлялись основные потоки эмигрантов за океан. Поэтому неслучайно, что среди членов ФРК было немало выходцев из Белоруссии. В Кожан-городке Мозырского уезда Минской губернии в 1882 г. родился, например, А.М. Густинович. Безземельный крестьянин, он работал на железной дороге. Революция 1905 г. захватила молодого парня. Он принял участие в забастовке и был уволен с работы. Трудился в разных местах, но через некоторое время решил поискать счастья за океаном. Успел эмигрировать в последний мирный год – в 1913-м. Но и здесь «работал на разных работах» [9]. Только через 16 лет, в 1929 г., смог перевезти свою семью в Канаду. Такие судьбы были типичны для многих белорусов, оказавшихся в Канаде.

Впрочем, конечно, трудовые эмигранты начала XX в. – члены ФРК были выходцами из самых разных мест. Однако всех их объединяла принадлежность до революции 1917 г. к социальным низам российского общества. В бедной крестьянской семье на хуторе Полунин Царицынского уезда Саратовской губернии родился Ф.Я. Кузнецов, уехавший в Канаду в 1913 г. и оставивший на Родине семью (жена умерла, так и не дождавшись мужа). В Канаде его ждала та же участь, что и тех, о ком мы уже сказали, – тяжелая работа на строительстве железной дороги в районе Эдмонта, в лесной промышленности и т.д. Однако Ф.Я. Кузнецов в отличие от них был не просто рядовым эмигрантом. Выдвинувшись в рабочие вожаки, он стал одним из создателей отдела ФРК в Эдмонтоне [11]. А его товарища по ФРК В.Т. Айларова жизнь забросила в Канаду из Владикавказа. В Новом свете тяжелая работа на шахте довела его до кремниевой болезни [12].

Активное участие Ф.Я. Кузнецова в канадском рабочем движении представляет собой отнюдь не единичный пример. Многие представители трудовой эмиграции из Российской империи и Польши полностью влились в рабочий класс Канады и по своей психологии, и по образу жизни. Поэтому им оказывались близки те акции, которые проводились рабочими организациями Канады. Советские историки уделяли значительное внимание движению безработных 1930-х гг., деятельности профсоюза лесорубов и т.д. [29, 32]. Активное участие в их акциях принимали и русские канадцы. После окончания Второй мировой войны ситуация в канадской экономике также была непростой. Росла безработица, продолжалась борьба профсоюзов за улучшение условий труда. Федерации русских канадцев наиболее близки были позиции Рабочей прогрессивной партии (РПП) – так стала называться с 1943 г. Компартия Канады. РПП проводила первомайские митинги и другие акции, которые активно освещались на страницах «Вестника» [20]. В Торонто русский отдел РПП был создан на основе ФРК [2]. Один из активистов ФРК в Ванкувере А. Музыченко вошел в состав созданного местным отделом РПП Комитета для борьбы против «черного рынка» [8]. Комитет пытался выступать против растущей дороговизны жизни, быстрого роста арендной платы за квартиры и т.д. Во многом те же цели преследовал и организованный в Виннипеге Рабочий комитет. Его члены выступали за снижение цен на проезд в трамвае, передачу городу всей электрической коммуникационной сети, строительство дешевого муниципального жилья, обложение местных бизнесменов налогами. Рабочий комитет Виннипега пытался бороться

и за снижение преступности среди несовершеннолетних, предлагая создание центров для «развлечения молодежи». Заметно в его деятельности, однако, и стремление снять с муниципального бюджета затратные статьи расходов (например, образовательную сферу) и переложить их на плечи федеральных властей [10]. ФРК активно поддерживала все эти идеи Рабочего комитета Виннипега. В целом, на наш взгляд, деятельность подобных структур, связанных с РПП, была объективно нацелена на получение на муниципальных выборах голосов представителей социально не защищенных слоев канадского общества, нуждавшихся в поддержке со стороны государства. Таких было немало среди членов ФРК-трудовых иммигрантов, многие из которых, как уже было отмечено, с трудом находили свою нишу в канадском обществе. Неслучайна постоянная апелляция «Вестника» к рабочим, позиционирование себя как главного защитника их интересов. Несмотря на достаточно прямолинейный характер агитации ФРК, учитывая социальное положение многих русских канадцев, эти лозунги действительно находили отклик в их среде.

При этом такого рода акции объективно носили оппозиционный по отношению к правившим в стране силам характер. На страницах «Вестника» неизменно подвергалась резкой критике Консервативная партия Канады, осуждалось ее участие в антисоветских акциях конца 1940-х гг. [4]. Не случайно поэтому, что поражение консерваторов на парламентских выборах в Канаде летом 1945 г. было с воодушевлением воспринято «Вестником». Впрочем, победу одержали либералы, а РПП получила лишь одно место в новом канадском парламенте [6]. Идеи радикального социализма, пропагандируемые ФРК, не находили отклика в канадском послевоенном обществе.

В конце 1940-х гг. началось создание Русской секции Рабочего общества взаимопомощи (РОВ) в Канаде, возникшего в начале 1920-х гг. Оно вводило для своих членов пожизненное страхование, больничные пособия, пособия по потере трудоспособности и т.д. Представляя собой чисто экономическую организацию, РОВ при этом была еще одним каналом влияния на иммигрантскую массу со стороны связанной с руководством ФРК русско-канадской политической элиты. Не случайно, выступая в декабре 1948 г. перед русскими канадцами Саскачуэна (провинция Саскачеван), представитель РОВ Ковалевич говорил, прежде всего, о своем участии во Всеславянском конгрессе в Чикаго, принявшем решение бороться против угрозы войны [25]. Весьма характерно и то обстоятельство, что первым призом для «ударников» (именно так они назывались в документах) – активистов РОВ, отличившихся в вербовке новых членов организации, был билет на поездку в Советский Союз [19].

Деятели ФРК действительно объединяли искренние симпатии к Советскому Союзу, где, казалось, возникает общество социальной справедливости. Добывавшие себе средства к существованию тяжелым трудом на шахтах, лесоповале и строительстве железных дорог, эти люди всячески желали победы в Великой Отечественной войне первому государству, которое провозгласило приоритет интересов простого труженика. Тем более, что это государство было покинутой ими когда-то Родиной. Они уезжали не от большевистской диктатуры, а от ощущения отсутствия перспектив жизни в условиях бюрократической российской монархии или капиталистической Польши. Поэтому тем сильнее были их симпатии к большевикам и Советской власти, уничтожившим остатки и монархии, и «панской» Польши. А в годы, когда Советский Союз в составе анти-

гитлеровской коалиции боролся с нацизмом, их охватил патриотический подъем. Таким был, например, Н.Ф. Саботюк, уроженец села Сенево Волынской губернии. Участник Первой мировой войны, он приехал в Канаду только в 1929 г., работал на фермах в Альберте и Манитобе. После его смерти друзья Н.Ф. Саботюка вспоминали его как «прогрессивного человека», ненавидевшего фашистов и с нетерпением ждавшего разгрома Германии [3].

Таким же, как Н.Ф. Саботюк, был Н. Давидович, который, как и некоторые из перечисленных выше членов ФРК был родом из Гродненской губернии. Переехав в Канаду в 1910 г., он работал сначала на предприятии никелевой компании в Судбури, а потом – на уже знакомых нам золотых рудниках компании «Голинджер», где трудился его земляк В.Р. Макаревич. Для Н. Давидовича эта тяжелейшая работа не прошла бесследно: как и владикавказец В.Т. Айларов, он подхватил кремниевую болезнь. Он регулярно участвовал в сборе средств в помощь Советскому Союзу в годы Второй мировой войны. О последних днях жизни этого человека его друзья вспоминали так: «Он умер с уверенностью в победу сил свободы и демократии над коричневой гитлеровской чумой и не дожил лишь четыре дня до безусловной капитуляции этой чумы» [4].

Многим товарищам Н. Давидовича по ФРК все-таки удалось дожить до Дня Победы. Его празднование стало, возможно, «звездным часом» для Федерации русских канадцев. Здесь они смогли в полной мере проявить все свои симпатии к Советскому Союзу и его вождю. Характерен, например, парад по случаю Победы, прошедший 8 мая 1945 г. в городе Виктория (провинция Британская Колумбия). В нем участвовали местные воинские части. Вслед за ними шли представители ФРК: впереди две девушки несли большой красивый портрет И.В. Сталина. За ними несколько девушек в национальных костюмах несли советский и союзные флаги. Корреспондент «Вестника» с удовлетворением отмечал: «В продолжение всего шествия наша группа и большой портрет Сталина вызывали большой энтузиазм. Все горячо аплодировали, автомобили гудели. Солдаты, не участвовавшие в параде, салютовали Сталину» [17].

И после окончания войны деятели ФРК продолжали ту деятельность, которую они начали в 1941–1945 гг. по организации помощи Советскому Союзу. Их Родина была разрушена войной, и русские канадцы собирали средства на ее восстановление. При этом они стремились к тому, чтобы и коренные канадцы участвовали в этих акциях. Конечно, не всегда это удавалось. Начиналась холодная война, и далеко не все граждане Канады были позитивно настроены по отношению к Советскому Союзу. Признавали это и сами члены ФРК. Так, Н. Вандревич, собиравшая средства в помощь Севастополю среди жителей города Виктория, отмечала: «Некоторые проходят безучастно или даже враждебно. Некоторые задают вопросы, приговаривают и прочее. Надо реагировать умело...».

Однако немало было и тех канадцев, кто искренне хотел помочь своим партнерам по антигитлеровской коалиции. Люди понимали, какие бедствия принесла советскому народу война, сочувствовали жителям разрушенных городов и сел. Та же Н. Вандревич вспоминала, как к ней, стоявшей с кружкой помощи Советскому Союзу, подошла группа детей.

«Спрашивают:

– Для кого ты собираешь?

– Для русских детей, таких, как вы, которых война сделала сиротами, лишила крова...»

Дети слушают, достают из карманов свои сбережения и кладут в кружку. Самый меньший из них, приблизительно лет шести, при этом добавил:

– Скажи русским детям, что и я дал им мои пенни.

– Хорошо, скажу.

– Я была одета по-русски, – объясняет Н. Вандревич, – и мальчик, очевидно, думал, что я приехала на этот день сюда из России» [1].

Такого рода мероприятия, конечно, имели целью и трансформацию образа Советского Союза в глазах канадцев. Атмосфера мая 1945 г., конечно, особенно благоприятствовала таким акциям. Неслучайно, именно в те дни в ряде городов Канады прошли концерты с участием акробатки и танцовщицы Тани Варчук, пианистки Катерины Тис и солистки радио Си-Би-Си Елены Пижукowej. Интерес к культуре победившей нацизм страны был огромен. Зал, например, в городке Ансонвилль (провинция Онтарио), был заполнен. По сообщениям «Вестника», публика была в восторге, и некоторые зрители даже заметили, что билеты были слишком дешевы для такого хорошего концерта [27].

А в другом городке той же провинции Онтарио – Форт-Вильяме – ФРК в те майские дни 1945 г. провела выставку советских картин, плакатов и фотографий. Трудно сказать, как бы была воспринята в Канаде демонстрация образцов советской пропаганды в другое время. Но в те дни выставку посетили полторы тысячи человек. В ходе демонстрации картин пел хор, из граммофона звучали советские песни, под которые посетители могли потанцевать. Сами деятели ФРК прямо признавали, что такие акции должны были способствовать сближению советского и канадского народов [26].

Однако эти мероприятия имели и другую цель. Руководство ФРК, как и эмигрантские объединения в других частях Русского зарубежья, было обеспокоено процессами ассимиляции среди подрастающего поколения. В данном случае ситуация, возможно, даже еще больше осложнялась: ведь многие трудовые эмигранты покинули Родину еще до Первой мировой войны, поэтому за океаном уже успело вырасти целое поколение. Именно знакомству детей с русским языком и культурой и служили создававшиеся в различных населенных пунктах Канады школы. Несмотря на все усилия руководства ФРК, далеко не всегда этим школам удавалось достичь поставленных целей. При этом заметим, что ФРК не скрывала недостатки в работе школ, а прямо писала о них на страницах «Вестника». Так, не раз отмечалось, что произношение учеников этих школ зачастую оставляло желать лучшего. Дело в том, что нередко дети только в этих школах и говорили по-русски: дома общение с родителями происходило на английском языке. Именно на эту проблему указывал присутствовавший на экзаменах в школе города Виндзор Н. Кучинский, заметивший: «Если дети будут говорить дома по-английски, а не по-русски, они не научатся хорошо русскому языку» [21].

На другую причину неправильного произношения многих детей указывал Р. Мотолянец, наблюдавший в том же 1945 г. за экзаменами в русской школе городка Кроуланд (провинция Онтарио). Он отмечал, что большинство членов ФРК здесь (да и не только здесь) составляли выходцы из Белоруссии и Украины, которые дома «не говорят правильным русским языком». Не всегда та крестьянская белорусская и украинская среда, в которой воспитывались дети членов ФРК, могла привить ребенку классический русский литературный язык. А ведь именно на последний ориентировались, прежде всего, авторы использовавшихся в школах учебников. Зачастую дети, отмечал Р. Мотолянец, перенимали «непра-

вильное произношение родителей» [22], а в большинстве случаев просто говорили с ними дома по-английски.

Кроме того, как свидетельствуют источники, не следует преувеличивать роль русских школ в повседневной жизни представителей восточнославянских общин Канады. Многие русские канадцы, как уже отмечалось, были небогатыми людьми, и, прежде всего, думали о поддержании достойного уровня жизни, что было весьма непросто в условиях послевоенной эволюции экономики Канады. В этих условиях тратить силы и время на русскую школу хотелось не всем. Среди русских канадцев – выходцев из крестьянских районов Белоруссии или юго-западной России немало было тех, кто и в эмиграции сохранял элементы привычного образа жизни. Перед ними вставала та же проблема, с которой всегда сталкивались сельские труженики России: имеет ли смысл посылать в школу детей, если их труд может пригодиться в хозяйстве? Эта ситуация была типичной, например, для школы русского языка и музыки в Эдмонтоне. Значительная часть русских здесь проживала за городом и имела свои огороды. Во время весеннего сева и осенней уборки урожая многие родители не хотели отпускать своих детей в русскую школу. Учитель этой школы А. Омелюсик со страниц «Вестника» пытался повлиять на родителей, советуя «не заставлять детей работать тогда, когда им нужно учиться» [24]. Он стремился убедить родителей уделять большее внимание учебе своих детей в русской школе, следить за выполнением ими домашних заданий, сетовал на отсутствие в школе родительского комитета... Вот только какова была эффективность этих заявлений школьного учителя, если родители-иммигранты прежде всего думали о том, как заработать деньги, чтобы прокормить себя и своих детей? Ведь, как показывают источники, такая ситуация была характерна отнюдь не только для Эдмонта. Подобная картина наблюдалась, например, и в Виндзоре. Здесь организаторы школы попытались обязать родителей по очереди присутствовать на занятиях своих детей. Корреспондент «Вестника» отмечал, что многие взрослые отнеслись к этому «весьма халатно»: были и такие, кто так ни разу и не пришел посмотреть, как занимаются его дети. Столь же равнодушно многие воспринимали и необходимость посещения родительских собраний: «Как будто школьные вопросы совсем их не касались» [5], – с возмущением указывал орган ФРК.

Некоторые из членов ФРК даже успели принять советское гражданство. Многие из этих людей мечтали вернуться на Родину. Однако редко кому из них улыбнулась удача. Советское правительство весьма избирательно подходило к репатриации эмигрантов. Многие так и не дожили до этого момента. В канадской земле, например, были похоронены советские граждане Ф.С. Глодик, Н.И. Бурко [14] и другие члены ФРК, активно поддерживавшие Советский Союз в годы Великой Отечественной войны.

Принадлежность деятелей ФРК к выходцам из социальных низов дореволюционного русского общества, незначительная доля среди них интеллектуалов вели к тому, что многие отделы ФРК испытывали очевидные организационные трудности. Большинство их членов были простыми людьми, отнюдь не активистами по своей психологии, никогда не стремившимися к тому, чтобы занимать руководящие посты. Да и соответствующими знаниями они не обладали. Поэтому вся работа зачастую ложилась на плечи небольшой группы русских канадцев, многие из которых прекрасно понимали неизбежность этой ситуации. Один из таких функционеров, секретарь отдела ФРК в Виндзоре Т.П. Новик отмечал, что

из 208 членов отдела занять его пост были способны человек 10–15. К тому же руководящая работа отнимала время, которое каждый член ФРК мог потратить иначе: заработать деньги, провести время с семьей и др. Т.П. Новик указывал, что при выборах должностных лиц отдела очень многие брали самоотводы [23]. Общественная нагрузка была бременем, от которого скорее хотелось избавиться. И такая ситуация была отнюдь не в одном Виндзоре. Мало было действительно активных и среди 500 членов ФРК в Торонто. Один из лидеров местного отдела Г. Долгун с раздражением писал по этому поводу: «Если бы каждый взрослый член относился серьезно к своим обязанностям, можно было бы ворочать горы. К сожалению же, многие увивают от работы в отделе, а многие просто не хотят ничего делать» [18]. Весьма распространенным явлением была и низкая явка членов ФРК на собрания, а те, кто все-таки приходил, нередко покидали помещение задолго до окончания мероприятий [15]. В результате не все из русских канадцев, входивших в состав ФРК, действительно активно участвовали в ее работе.

На наш взгляд, материалы газеты «Вестник» доказывают закономерность того факта, что многие члены ФРК проявляли симпатии по отношению к Советскому Союзу. Эти люди никогда не жили в условиях советской модели социализма, не знали, какова реальная ситуация в сталинском СССР. Будучи представителями социальных низов Российской империи и межвоенной Польши, они верили в то, что в СССР удалось построить общество социальной справедливости, где простой человек имеет все возможности для гармоничного развития своей личности. Эти их настроения умело использовало советское руководство, стремясь опираться на подобные ФРК структуры в начинавшейся холодной войне.

-
1. Вандревич, Н. Кружечный сбор в Виктории в помощь Севастополю / Н. Вандревич // Вестник (Торонто). – 1945. – 7 июля.
 2. Вестник. – 1945. – 19 мая.
 3. Вестник. – 1945. – 23 мая.
 4. Вестник. – 1945. – 2 июня.
 5. Вестник. – 1945. – 6 июня.
 6. Вестник. – 1945. – 13 июня.
 7. Вестник. – 1945. – 23 июня.
 8. Вестник. – 1945. – 15 августа.
 9. Вестник. – 1945. – 17 октября.
 10. Вестник. – 1945. – 14 ноября.
 11. Вестник. – 1945. – 17 ноября.
 12. Вестник. – 1945. – 19 декабря.
 13. Вестник. – 1947. – 1 января.
 14. Вестник. – 1949. – 22 января.
 15. Вестник. – 1949. – 5 февраля.
 16. Вестник. – 1949. – 19 февраля.
 17. Дерман, А. Празднование в Виктории Для Победы / А. Дерман // Вестник. – 1945. – 19 мая.
 18. Долгун, Г. О деятельности и задачах ФРК Торонто / Г. Долгун // Вестник. – 1945. – 22 авг.
 19. Ковалевич, Ю. 16-й съезд Рабочего общества взаимопомощи / Ю. Ковалевич // Вестник. – 1949. – 12 февр.

20. Кучинский, Н. 1 мая в Виндзоре / Н. Кучинский // Вестник. – 1945. – 16 мая.
21. Кучинский, Н. Экзамены русской детской школы при ФРК г. Виндзор / Н. Кучинский // Вестник. – 1945. – 26 мая.
22. Мотолянец, Р. Экзамены русской школы в Кроуланд / Р. Мотолянец // Вестник. – 1945. – 23 июня.
23. Новик, Т.П. К предстоящим перевыборам в руководящих органах ФРК Виндзор / Т.П. Новик // Вестник. – 1945. – 15 августа.
24. Омелюсик, А. О школе русского языка и музыки в Эдмонтоне / А. Омелюсик // Вестник. – 1945. – 23 июня.
25. Постников, С.И. Представитель РОВа посетил Саскатун / С.И. Постников // Вестник. – 1949. – 5 янв.
26. Тадейчук, Н. Выставка советских картин в Форт-Вильяме / Н. Тадейчук // Вестник. – 1945. – 19 мая.
27. Тюшкевич, И. Концерт русско-канадских артисток в Ансонвилле / И. Тюшкевич // Вестник. – 1945. – 19 мая.
28. Голубева-Монаткина, Н.И. О современной языковой культуре потомков русских эмигрантов в Канаде / Н.И. Голубева-Монаткина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 10. – С. 98–101.
29. Клейменова, К.И. Движение пролетарской солидарности и антивоенные выступления трудящихся Канады (1935–1939) / К.И. Клейменова // Американский ежегодник. – 1980. – М., 1981. – С. 272–300.
30. Семенова, Л.Н. Г.Р. Окулевич и русские канадцы / Л.Н. Семенова // Нансеновские чтения – 2009. – СПб., 2010. – С. 232–246.
31. Семенова, Л.Н. Русская Канада во Второй мировой войне / Л.Н. Семенова // Нансеновские чтения – 2009. – СПб., 2010. – С. 137–155.
32. Тишков, В.А. История Канады / В.А. Тишков, Л.В. Кошелев. – М., 1982.
33. Черкасов, А.И. Русские канадцы / А.И. Черкасов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 1. – С. 92–94.

УДК 625.1(571.6+518.3)''1923''

25-ЛЕТИЕ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: ПО СТРАНИЦАМ ХАРБИНСКОЙ ПРЕССЫ

А.М. Буяков

*Приморское краевое отделение Русского географического общества –
Общество изучения Амурского края
г. Владивосток, Россия*

История Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в разных ее аспектах представляла и представляет определенный интерес у отечественных и иностранных исследователей. Официальной точкой отсчета начала строительства называют 28 мая (9 июня) 1898 г., когда из Хабаровска на берег Сунгари в район небольшого китайского поселения, получившего вскоре название Харбин, прибыло строительное управление КВЖД [19, с. 118]. Фактически же начало земляных работ на главной линии дороги началось 16 августа 1898 г. [1, с. 54]. Версия о начальной дате постройки КВЖД и основании города Харбина, приведенная автором-составителем книги «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги» Е.Х. Нилусом, до недавнего времени оставалась преобладающей. В 1923 г., когда правление дороги рассматривало вопрос о праздновании 25 лет со дня начала строительства КВЖД, было принято решение провести юбилейные мероприятия именно в июне 1923 г., а не в августе, когда начались первые работы по постройке.

На наш взгляд, тема организации и проведения 25-летия дороги не может не представлять особый интерес для историков и всех интересующихся историей КВЖД. В кратком виде основные мероприятия юбилея получили освещение в работе Г.В. Мелихова «Российская эмиграция в Китае» [20, с. 192–193]. Упоминание о них шло в контексте исследования Мелихова, посвященного истории российской эмиграции, КВЖД и города Харбину в 1917–1925 гг., и было простым перечислением самих мероприятий.

Хотелось бы вернуться к июньским торжествам 1923 г., но только в более детальном рассмотрении. Как проходил юбилей? Что удалось сделать, а что и нет его организаторам? В этом главная задача данной публикации.

Местная пресса уделила проведению мероприятий пристальное внимание. Информация о предшествующих юбилею и о самих юбилейных событиях содержится в ряде основных публикаций в номерах харбинской газеты «Заря» за март–июнь 1923 г.

Прежде всего, в одном из номеров помещен материал «Китайская дорога в прошлом и настоящем. Юбилейная галерея» с фотографиями главных деятелей дороги с 1897 по 1923 г., а также ряд исторических фотографий зданий и публикация о Сергее Юльевиче Витте, которого считают «отцом КВЖД» [2, с. 3, 5].

Для проведения празднования была создана юбилейная комиссия при правлении общества КВЖД, в обязанности которой входила организация праздничных мероприятий, связанных с этой знаменательной датой. Первоначально председателем комиссии был назначен инженер дороги П.И. Кузнецов, которого 24 апреля 1923 г., практически накануне праздника, сменил член правления КВЖД Л.В. фон Гойер [3, с. 3].

Первые лица администрации Маньчжурии и КВЖД держали под своим контролем подготовку к юбилею. Так, в субботу, 19 мая, управляющий дорогой Б.В. Остроумов осмотрел помещения музея Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) на предмет размещения там юбилейной выставки, отражающей разнообразную хозяйственную жизнь Северной Маньчжурии. Им было предложено отвести под выставку не только помещения музея, но и также площадь перед Московскими рядами, где располагался музей, для строительства временных павильонов под экспонаты «импорта Маньчжурии» [4, с. 3]. В этот же день музей с аналогичными целями посетили председатель комитета ОИМК – председатель правления КВЖД доктор Ван Цзиньчунь и личный секретарь главноначальствующего в Особом районе Восточных провинций генерала Чжу Цинляня Чен Лю, которые осмотрели помещения музея и проверили ход работ по изготовлению витрин под экспонаты. Секретарь также подчеркнул, что после проведения выставки библиотека ОИМК пополнится старинными книгами на китайском языке [4, с. 3].

В материале «Гвоздь предстоящей выставки» в одном из номеров газеты «Заря» сообщалось об интересных диаграммах, подготовленных претензионным отделом и отделом статистики коммерческой части к юбилею дороги. Они показывали полную картину результатов эксплуатации КВЖД. «По исполнению, эти диаграммы – шедевр чертежного искусства; любая из них может быть образцом при преподавании черчения» [5, с. 3]. В диаграммах приведены и финансовые результаты дороги с 1903 по 1922 г. включительно, они выполнены в виде трех вертикальных рядов кубиков разных размеров. Первый – валовый доход, второй – расход, а третий – дефицит или чистая прибыль. Последний кубик выполнен в виде ящиков с золотыми монетами. Над ящиком с показателями 1914 г. находилась фигурка Фортуны, из рога которой высыпались деньги [5, с. 3]. И так по всем годам, с учетом обращавшихся денег: романовские кредитки, «хорватовки с паровозом», «сибирские» деньги и золотой рубль.

Далее шли диаграммы перевозки частных и государственных грузов и пассажиров. И они показаны в прогрессии в изображении вагонов составов по годам. Показаны диаграммы работ конкретных станций дороги за двадцать лет. Сто один лист, усеянный столбиками разной длины, давал ясную картину прогрессирующей или падающей работы этих станций: взлеты и падения в деятельности служб дороги за отчетный период [5, с. 3]. В целом диаграммы показали положительную динамику работы КВЖД по всем направлениям к 1922 г. Все диаграммы затем были представлены на юбилейной выставке.

Собрание Китайской Восточной железной дороги, г. Харбин

Управление КВЖД, г. Харбин

10 июня до общественности через прессу и объявления на афишных тумбах, расклеенных по всему городу, была доведена «Программа торжеств 25-летнего юбилея Китайской Восточной железной дороги. 1898.11/VI.1923» [6, с. 1].

Необходимо отметить, что юбилейный комитет хотел провести все мероприятия в течение трех дней, но из-за организационных и финансовых моментов пришлось все мероприятия свести к двум дням – 11 и 12 июня [6, с. 3].

Согласно «Программе» 11 июня в 10 часов юбилейные мероприятия должны были открываться торжественным молебном в Железнодорожном собрании. С 11 часов утра до 2 часов дня в этом же помещении должно было пройти торжественное заседание правления Общества КВЖД. В 4 часа 30 минут дня планировалась закладка здания смешанного русско-китайского училища на Большом проспекте около Метеорологической станции Харбина. На 7 часов 30 минут вечера было намечено открытие раут-спектакля в здании Железнодорожного собрания.

Программа на 12 июня включала: с 9 часов 30 минут до 11 часов утра открытие памятника первому председателю общества КВЖД Сюй Цзэнчэню на углу проспекта Сюя и улицы Цицикарской. С 11 часов до 12 часов 30 минут дня открытие выставки общества КВЖД и ОИМК в Московских торговых рядах. С 2 часов до 5 часов дня посещение железнодорожного депо, главных мастерских, телефонной станции дороги, начального училища, высшего начального училища, гимназии имени Д.Л. Хорвата, Харбинского коммерческого училища и Харбинского русско-китайского политехнического института. На 7 часов вечера было запланировано торжественное заседание городского совета Харбина в Коммерческом собрании и одновременно народные гулянья в городском саду Харбина [6, с. 1].

Небезынтересно, что официальная одежда на эти дни не была предусмотрена [6, с. 3]. Гостей, которым не хватило мест в гостиницах, разместили в вагонах класса «люкс» на станции Харбин I [6, с. 3].

Правление дороги объявило 11 июня неприсутственным, т.е. выходным днем. Принято было решение оплатить его всем служащим и рабочим, состоявшим на поденном расчете. Общая сумма затрат по оплате должна была составить 7000 рублей золотом [6, с. 3].

Выстроим в хронологическом и временном порядке все официальные мероприятия, запланированные на эти дни.

10 июня, накануне официального открытия юбилея, в 5 часов дня на Старом кладбище по Большому проспекту архиепископом Мефодием (Герасимовым), при участии всего духовенства, была отслужена панихида по умершим строителям и служащим КВЖД. На панихиде присутствовали члены правления, ревизионного комитета и управления дороги, сам управляющий дорогой Б.В. Остроумов и его помощники [20, с. 192].

11 июня – первый день торжеств. В 10 часов утра в фокстротном зале Железнодорожного собрания (Желсоба) на Большом проспекте архиепископ Мефодий (Герасимов) совершил торжественный молебен. В своей проповеди он подчеркнул, что «КВЖД – единственная и первая из российских железных дорог, имеющая свою епископию». На молебне присутствовали Б.В. Остроумов, генерал Ян Чжоу, Л.В. фон Гойер, К.Б. Рихтер, С.М. Вебер, Н.А. Коновалов, С.И. Данилевский, Г.К. Гинс, начальники служб КВЖД, представители Харбинского городского самоуправления – П.И. Тищенко, Н.С. Лопухин и П.П. Крынин, Н.Л. Гондатти, Л.А. Устругов, консулы, японские гости, монгольские князья, журналисты, «юбиляры» – старослужащие дороги. По окончании его все

присутствующие перешли в белый зал собрания, где состоялось первое в истории публичное торжественное заседание правления Общества [7, с. 3].

На сцене стоял стол, вогнутый внутрь овалом, покрытый зеленым сукном. На нем лежали экземпляры с золотым тиснением корешков первого тома нилусовской летописи КВЖД. Президиум занял свои места: за столом разместились главноначальствующий генерал Чжу Цзиньлан, председатель правления Общества доктор Ван Цзиньчунь, начальник штаба войск маршала Чжан Цзолина генерал Чжан Хуансян, управляющий дорогой инженер Б.В. Остроумов, Л.В. фон Гойер, инженеры Ю.И. Флебицкий, С.Ц. фон Оффенберг, Г.К. Гинс, М.П. Куренков, П.Ф. Козловский, Г.Г. Сатовский, К.А. Голиков, Н.К. Эльтеков, П.И. Кузнецов, Ян Чжоу, Чэн Хань, К.Б. Рихтер, С.И. Данилевский, Юй Жэньфэнь, Юань Цзинькай, С.М. Вебер [7, с. 3].

Ложы в зале тщательно и по рангу были распределены заранее – одна отдана для дипломатического корпуса, другая – для представителей ЮМЖД во главе с японским бароном Окура. Еще одна ложа отдана Биржевому комитету Харбина, в ней разместились Н.В. Водянский, С.Х. Соскин, Я.Р. Кабалкин, Сарманов и другие. Ложу справа от сцены заняли представители Харбинского муниципалитета во главе с П.И.Тищенко, Сон Хошином и Фу.

В зале, в партере, разместились почетные гости: сотрудники правителя Трех Восточных Провинций Китая маршала Чжан Цзолина, генерал-губернаторов Гиринской и Цицикарской провинций, представителей японского и китайского министерств путей сообщения, соседних железных дорог, поселковых общественных управлений и общественных организаций.

В первом ряду разместились и монгольские князья.

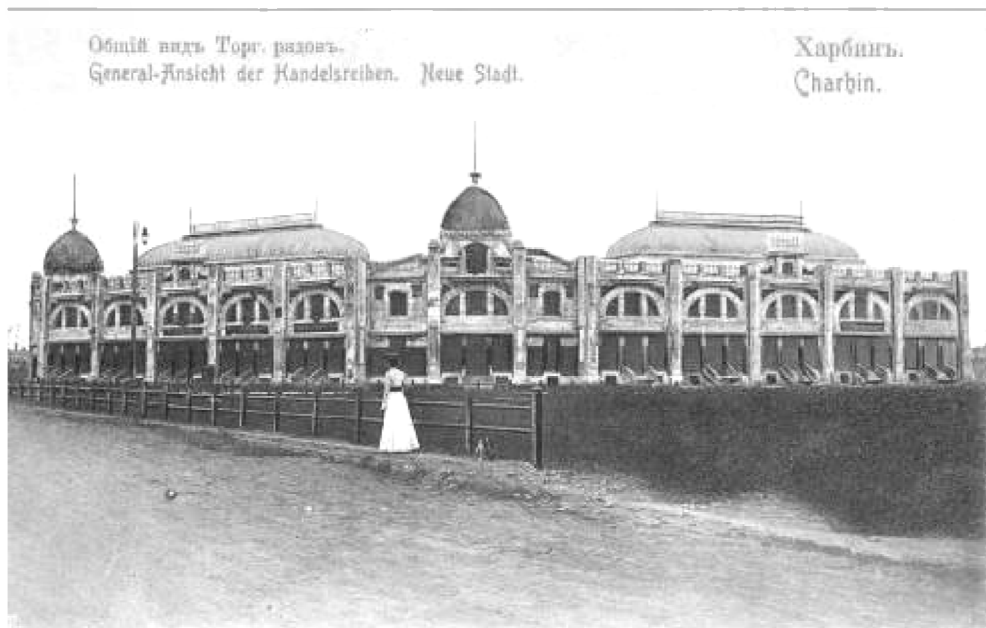
Торжественное заседание открыл председатель правления дороги доктор Ван. В своей речи он вспомнил имена двух великих деятелей Китая и России – Ли Хунчжана и С.Ю. Витте, которым дорога обязана своим рождением, а также остановился на ее славном прошлом. После него слово было предоставлено инженеру С.И. Данилевскому. Он дал краткий обзор деятельности правления КВЖД за 25-летний период работы. Председатель юбилейной комиссии Л.В. фон Гойер в своем докладе отметил, что «КВЖД – это продолжение, по кратчайшей линии, через китайскую территорию, великого сибирского пути» и отметил значение дороги в развитии дружбы между Китаем и Россией. Управляющий дорогой инженер Б.В. Остроумов сделал краткий очерк о деятельности управления дороги за истекший период и воздал должное великим трудам и подвигам тех, кто создавал КВЖД и выразил надежду, что дорога пойдет вперед к новым экономическим завоеваниям и к новым экономическим победам. От имени исторической комиссии выступил инженер П.И. Кузнецов. Генерал Ян Чжоу, член ревизионного комитета дороги, зачитал на русском языке приветствие с 25-летним юбилеем от маршала Чжан Цзолина.

Эффектно выступил главноначальствующий генерал Чжу Цинлань, прочитав небольшое поздравление в стихах. От дипломатического корпуса выступил генеральный консул Японии в Харбине С. Яманоучи. От министерства путей сообщения Японии с приветствием обратился инженер Ватанабе, а от руководства Южно-Маньчжурской железной дороги – барон Окура. Приветственные речи и поздравительные адреса, телеграммы и письма продолжались до 3 часов 50 минут дня [7, с. 3].

В 5 часов дня торжественно прошла закладка здания смешанного русско-китайского ремесленного училища. Под училище был отдан участок рядом с Метеорологической станцией Харбина по Большому проспекту. По проекту здание должно быть построено в два этажа площадью в 311 квадратов. Место закладки было огорожено и к нему вели три арки, украшенные зеленью и смешанными русско-китайскими флагами.

Здание вокзала в г. Харбине

Общий вид торговых рядов, г. Харбин

В церемонии закладки училища с русской стороны приняли участие инженеры Б.В. Остроумов, С.И. Данилевский, Л.В. фон Гойер, с китайской – член правления Общества Хэ, председатель ревизионного комитета дороги Чен Хан, член комитета генерал Ян Чжоу, начальник штаба охранных войск генерал Чжан Хуансян, полицмейстер Харбина генерал Ван.

Первый камень в фундамент будущей школы заложил генерал Чжу. «Почетные» камни затем заложил инженер Л.В. фон Гойер, генералы Чжан и Ян Чжоу. Вместо председателя правления общества доктора Вана в закладке камня участвовал его заместитель господин Юй Жэньфэнь. Последний камень был заложен управляющим КВЖД Б.В. Остроумовым.

От Харбинского городского самоуправления на церемонии присутствовал председатель П.И. Тищенко, от Харбинского биржевого комитета Я.Р. Кабалкин. Среди приглашенных были профессор Г.К. Гинс, Н.Л. Гондатти, Д.А. Дьяков, Н.В. Борзов [7, с. 3].

В 7 часов 30 минут вечера праздник завершился юбилейным раутом в Желсобе. В переполненном зале лучшие вокальные силы Харбина представили оперу «Паяцы».

С 10 часов вечера за многочисленными столиками в нескольких буфетах Желсоба, устроенных в разных фойе, начался ужин-фуршет. Организацией его занимался известный ресторатор Харбина Котенко. Меню фуршета было заранее представлено публике. По предварительным подсчетам, на банкете присутствовало не менее пятисот человек. Выпито было 500 бутылок шампанского, около 200 бутылок разных вин. Что касается водки, то из открытых 70 бутылок водки выпито было не больше 20. Остальные остались не тронутыми или отпетыми только частично. Выпито несколько десятков литров ликера. Гости съели два пуда паюсной икры и свыше двух пудов разных фруктов. Было подано около 400 больших блюд с разными закусками. Из осетрины было приготовлено 18 блюд. Кофе лилось рекой. Обслуживали мероприятие почти сто официантов и кельнерш. Ресторатору С.Г. Котенко обещали заплатить за раут 4000 рублей, но только одного спиртного было употреблено уже на эту сумму [7, с. 3].

После состоялись фокстротные танцы под музыку оркестра во главе с капельмейстером Винчи.

Атмосферу торжества создавали и наряды присутствующих дам. Корреспондент «Зари» отметил красоту этих платьев и специально выделил нескольких женщин, блиставших своими нарядами. Он писал: «Дамы харбинского света вчера блеснули совершенно исключительным разнообразием туалетов. Нельзя не отметить черно-белую робу г-жи Кореневской, простое строгое, но в то же время изумительно изящное коричневое платье г-жи Левитиной. Все же пальму первенства раут отдал туалету Е.А. Остроумовой, которая танцевала в изысканном туалете из серебряных кружев, сплетенных по-гречески в платье не передаваемого изящества и простоты. Г-жи Течер и Покровская поражали гармонией изумрудных платьев, особенно рельефно бросающихся в глаза, потому что эти дамы были неразлучно вместе. М.П. Соскина была в туалете, отделанном тяжелым жемчугом, последнего покэновского фасона. Г-жа Миллер в платье из водорослей и шляпе с перьями под щиплющую мелодию фокстрота привлекала общее внимание» [7, с. 3].

12 июня в 5 часов утра начался разъезд с юбилейного торжества из здания Желсоба.

12 июня. Второй день юбилейных торжеств начался с открытия памятника первому председателю правления общества КВЖД Сюй Цзинченю. Местом для памятника был выбран косогор спуска с Нагорного проспекта из Нового города по проспекту Сюя в Фудзядянь рядом с усадьбой В.Ф. Ковальского [8, с. 3]. Памятник (постамент вместе с фигурой в полный рост) был сделан из серого гранита высотой 7 с половиной метров, и его можно было хорошо разглядеть с улиц Фудзядяня. Он украшен четырьмя бронзовыми досками с декоративным орнаментом и атрибутами КВЖД, на которых были нанесены тексты на русском и китайском языках. Вокруг монумента был разбит сквер. На работы по его сооружению и разбивку сквера было отпущено около 20 000 рублей [9, с. 3].

После церемониала снятия покрывала с монумента было произнесено ряд речей от представителей правления и китайской администрации дороги, общественных организаций и городских властей. Мероприятие было ознаменовано игрой оркестра и салютом из десяти орудийных выстрелов. Открытие памятника завершилось небольшим парадом почетного караула – отряда русско-китайской учащейся молодежи в количестве 300 человек и батальона отборных китайских войск гарнизона Харбина [10, с. 3].

После этого церемониала почти все присутствовавшие проехали в помещение гимназии М.А. Оксаковской, где состоялось торжественное заседание Общества изучения Маньчжурского края по случаю юбилея КВЖД. Заместитель председателя ОИМК М.М. Мещерский пригласил на сцену почетных членов Общества – заместителей председателя правления дороги Юй и С.И. Данилевского, управляющего дорогой Б.В. Остроумова. Позже к собравшимся присоединился главноначальствующий генерал Чжу. В связи с болезнью председателя правления дороги доктора Вана заседание открыл Юй Чунхан. Он поприветствовал собравшихся и подчеркнул, что Общество является крупнейшей культурной организацией Маньчжурии и много сделало для ее изучения, пожелал дальнейшей плодотворной работы на пользу края. От имени президиума ОИМК выступил А.И. Погребецкий, который отметил вклад китайских и русских представителей правления и управления дороги в развитие Общества. Генерал Чжу поздравил всех с открытием музея ОИМК.

С приветствиями также выступили С.И. Данилевский, Б.В. Остроумов и глава городского самоуправления П.С. Тищенко. После поздравительных речей все присутствовавшие отправились по Хорватовскому проспекту к Московским торговым рядам для осмотра юбилейной выставки и экспозиций открывшегося музея Общества [10, с. 3].

Перед Московскими торговыми рядами образовался людской затор, а перед входом столпотворение, так как не только почетные гости, но и все желающие одновременно хотели попасть в здание нового музея.

Администрация музея вовремя не смогла навести порядок, что вызвало всеобщее недовольство. Тем же, кому повезло попасть внутрь музея, не знали с чего начать экскурсии: отсутствовали путеводители и каталоги. На лестнице, ведущей на второй этаж, появился новый затор, вызвавший слова негодования у посетителей. Недовольство высказали и владельцы торговых фирм, расположившие свои павильоны в музее, до них многие посетители так и не дошли [10, с. 3].

Подобные же нарекания вызвала деятельность выставочного комитета по размещению временных павильонов на площади против Московских торговых рядов. Павильоны-киоски были выстроены наспех, без определенной концепции

их размещения. Некоторые торговцы получили разрешения для строительства их за три-четыре дня до официального открытия выставки. И все-таки, несмотря на нераспорядительность администрации выставки, владельцам некоторых павильонов удалось многое.

Первыми от входа находились павильоны, выполненные в китайском стиле. Они привлекали внимание публики. Блистал павильон с водкой «Кристалл». Производила эффектное впечатление Эйфелева башня, выполненная из разнокалиберных по размерам бутылок винокурного завода акционерного общества спиртовой промышленности в Маньчжурии М.А. Бородин и Таката [10, с. 3]. Там же производилась бесплатная дегустация продукции фирмы. Владелец ханшинного завода Сюй Ванцзы поразил гостей огромным фонтаном из настоящей водки, устроенным в его киоске. Водка била из пяти бутылок и стекала в причудливо устроенный бассейн, сплошь уложенный бутылками с различными водочными изделиями. В углу павильона размещалась огромного размера водочная бутылка. Желавшие попробовать спиртное подставляли рюмки, стоящие рядом на столике, прямо под струи фонтана. Снаружи павильон тоже был устроен экзотично. Около входа изгородь из четвертных бутылок водки, которым устраивал смотр человек в треуголке, изображающий французского императора Наполеона. И этот рекламный ход владельца тоже привлек внимание публики.

В глубине выставочной площадки разместился большой павильон торгового дома Сон Хошина. Владелец его встречал посетителей у входа в старомодный длиннополым черном сюртуке, облачающем его массивную фигуру. Фирма была известна на всю Маньчжурию и за ее пределами своей сельскохозяйственной продукцией. Здесь же на полках образцы главной продукции – огромные круги жмыхов, пакеты с мукой различных сортов и отрубями высшего качества, вырабатываемые на его заводах. Но большее внимание привлекла продукция пивоваренного завода в Пекине – чудесное пиво высшего качества с пятизвездным знаком на этикетке, которым славилось его предприятие. Пива было много, им угощал многочисленных гостей павильона лично сам хозяин [10, с. 3].

В тени деревьев расположился киоск с чайными и прохладительными напитками. В более выгодном положении выступали мороженщики и владельцы походных квасных киосков. Они работали вне зоны ограждения, где толпились сотни желающих попасть на выставку харбинцев, куда вход был только по приглашительным билетам.

Позже по итогам выставки экспертный комитет ОИМК вручил золотые и серебряные медали, а также похвальные адреса за лучшие экспонаты [11, с. 3].

12 июня с 2 часов до 5 часов дня состоялось посещение на специальном поезде 8-го участка дороги и главных мастерских, где детально осмотрены были все цеха и железнодорожное депо. Гости также ознакомились с работой телефонной станции дороги, деятельностью начального училища, высшего начального училища, гимназии имени Д.Л. Хорвата, Харбинского коммерческого училища и Харбинского русско-китайского политехнического института.

В 8 часов вечера в Коммерческом собрании состоялось еще одно мероприятие – торжественное заседание собрания городских уполномоченных. На нем присутствовали 45 человек уполномоченных, имена которых зафиксированы в юбилейном списке. Член городского Совета П.П. Крынин встречал в вестибюле гостей – представителей всех слоев населения Харбина.

Заместитель председателя дороги генерал Юй открыл собрание. На заднике сцены были размещены портреты инженера Юговича и первого председателя правления КВЖД Сюй. Вверху, под занавесом, разместился щит с юбилейной датой Харбина.

В собрании приняли участие лорд-мэр – председатель городского Совета Харбинского общественного управления П.С. Тищенко, управляющий дорогой Б.В. Остроумов, начальник Харбинского городского и поселкового управления генерал Ма, епископ Нестор (Анисимов) и единственная женщина, госпожа Т.М. Данилевская, главноначальствующий генерал Чжу и представитель маршала Чжан Цзолина генерал Ян Чжоу, члены правления и сотрудники управления дорогой, служащие, коммерсанты и прочие [10, с. 3].

Председатель городского Совета П.С. Тищенко, открыв собрание уполномоченных, обратил внимание на то, что «постройка Китайской дороги русским капиталом и трудом русских инженеров при содействии Китая вызвала к жизни и Харбин. Основавшись на пустыре, Харбин через 25 лет стал городом, в котором вместе с Фудзядзяном до полумиллиона населения, с фабриками и заводами капиталом в 700 миллионов долларов» [10, с. 3].

С речами выступили официальные китайские представители генералы Ма Чжунцзюнь, Чжу, Юй Жэньфэнь и Ян Чжоу, от консульского корпуса французский консул Леписье, Б.В. Остроумов, от японского общества Фурусава, С.И. Данилевский и представитель биржевого комитета Н.В. Водянский, председатель китайского коммерческого общества Сюй Цзинфан, представитель общества домовладельцев Усков, председатель коммерческого собрания М.Э. Гильчер, епископ Нестор (Анисимов) и В.В. Сапелкин. В адрес собрания поступили приветственные телеграммы от Д.Л. Хорвата, В.Д. Лачинова, В.Л. Погодина и инженера А.И. Юговича [10, с. 3].

После официальной части состоялась неофициальная, в столовой собрания – за столиками, куда были приглашены все участники заседания. Она сопровождалась выступлениями харбинских артистов.

Вечером 12 июня в городском саду для населения Харбина были предусмотрены бесплатные народные гулянья. Тысячи человек вышли на праздничные гулянья. Сад был украшен феерической иллюминацией. На трех сценах шла программа зрелищ и развлечений, там выступали певцы и певицы, танцоры, юмористы, фокусники, играли оркестры, летали через весь сад четверо «чертей». В заключение гуляний состоялся праздничный фейерверк [7, с. 3]. Праздник удался на славу.

В рамках подготовки отдельно по поручению правления Общества и под редакцией специальной комиссии готовилось издание книги «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1898–1923 гг.» [19]. Миссия подготовки всестороннего исследования была возложена на бывшего полковника, агента правления Общества Е.Х. Нилуса. Евгений Хрисанфович являлся сам старожилом дороги и на его глазах, как очевидца, происходили многие события, связанные со строительством и эксплуатацией дороги, ее охраной. Именно ему удалось воссоздать историю КВЖД за указанный период. На долю автора-составителя выпала крайне не простая работа, так как многие документы в результате революции и гражданской войны в России, да и на самой территории самой Маньчжурии, где проходила дорога, были утеряны либо уничтожены. Несмотря на определенные сложности, Нилус великолепно справился с поставленной зада-

чей. К июню 1923 г. его труд вышел в качестве первого тома в типографии КВЖД и товарищества «Озо». Именно на ее страницах можно увидеть все значимые события, так или иначе, затрагивающие начальный период КВЖД. В книге использовались не только архивные документы, но и сведения справочного характера. Получился 690 страничный том с 116 листами портретов, фотографий, таблиц и карт формата 31×24,5 см [21, с. 74]. Многочисленные иллюстрации на отдельных страницах позволили наглядно представить разные этапы строительства железной дороги на различных ее участках, людей, которые ее строили и эксплуатировали. Книга успела к юбилею, правда, прочитать ее тогда смогли не многие, только гос-тям в первую очередь достались подарочные экземпляры.

Не осталась в стороне и пресса. Так, в дни торжеств в трех номерах «Зари» были помещены публикации журналиста К. Альбинина «Двадцать пять лет назад. Накануне юбилейных дней». Они были посвящены истории изысканий для постройки железной дороги на территории России и Маньчжурии инженеров Н.С. Свягина и Г.В. Андрианова, а также тем, кто стоял у истоков КВЖД – министру финансов России С.Ю. Витте, первому председателю правления КВЖД Сюй Цзинчену, заместителям председателя инженерам С.И. Кербедзь и А.Н. Венцелю, главному строителю инженеру А.И. Юговичу [12, с. 3; 6, с. 3; 13, с. 3].

За рамками официальных мероприятий, получивших широкий резонанс у общественности, оказалось и важное решение правления дороги, направленное на введение ряда льгот лицам, прослужившим определенный период на дороге. Так, тем, кто прослужил не менее 25 лет при увольнении за штат, предоставляли право без медицинского освидетельствования получить полностью заштатные деньги, независимо от степени потери трудоспособности. Выслужившим данный срок должны были выплатить еще два льготных месячных оклада. Те же, у кого выслуга составляла менее 20 лет, получали право на один месячный льготный оклад. Кроме льготных прибавок к заштатным деньгам, «юбиляры» и старослужащие должны были пользоваться определенными преимуществами при проезде по железной дороге, а их дети в учебных заведениях дороги получали право на стипендии. [14, с. 3]. Все это было сделано в рабочем порядке, поэтому не получило соответствующего освещения в прессе.

К юбилею над главным подъездом вокзала Харбина со стороны площади установили большие часы, которые стали украшением здания [14, с. 3].

Практически ничего не писалось о поездке по линии КВЖД на станцию Имяньпо. Имяньпо издавна служила дачным районом для харбинцев благодаря горному воздуху, реке, лесу, в котором было много хвойных деревьев, и считался «климатической станцией» – курортом. В связи с тем, что поездка на Имяньпо первоначально планировалась на третий день торжеств, то она была исключена из официальной программы. Юбилейным комитетом после бурных дискуссий принято решение эту поездку все же провести [6, с. 3]. 13 июня она состоялась. Гости на специальном поезде выехали на станцию и вернулись оттуда на следующий день [22, с. 4].

Юбилейная выставка КВЖД также вышла далеко за официальные праздничные дни. Администрация ее приняла решение об организации бесплатных экскурсий для учащихся средних учебных заведений Харбина с 16 по 18 июня для ознакомления с экспонатами [15, с. 3].

Далеко не все идеи и задумки удалось осуществить. Планировалось издать юбилейный полный русско-китайский словарь. Словарь должен был стать по-

лезным руководством для русских и китайских служащих дороги и «культурным памятником к юбилею» [16, с. 3]. К подготовке издания собирались привлечь русских и китайских языковедов. Работа по составлению и изданию должна была занять полгода. Но словарь так и не увидел свет.

Юбилейной комиссии было предложено сделать для гостей КВЖД документальный фильм о 25-летней истории дороги и ее деятелях, о зарождении и становлении города Харбина, но и этот проект также оказался не реализован [8, с. 3].

Хочется отметить, что практически сразу же после праздников в местных кинематографах стала демонстрироваться документальная картина об открытии юбилейной выставки в честь 25-летия КВЖД. На экране можно было увидеть все экспонаты выставки и лица ее посетителей [17, с. 1]. Первые показы фильма состоялись 24, 25 и 26 июня в театре гостиницы «Модерн», а с 27 по 29 июня в кинотеатре «Ориант» [18, с. 1]. Съемки были произведены на частные деньги и фильм был вне рамок юбилейных торжеств.

Современники отмечали крайне бедную световую иллюминацию в период торжеств. Фактически в Харбине было празднично освещено только четыре места. На здании Железнодорожного собрания висели гирлянды электрических лампочек и над фронтом в огромном оранжевом эллипсе из лампочек ярко светились три римские цифры «XXV». В центре Харбина, на Соборной площади, яркими огнями «горела» «Эйфелева башня» из водочных и винных бутылок, построенная предприятием Бородина и Таката. Слабо иллюминировано было здание городского Совета Харбина. Блестящим щитом из электрических лампочек с надписью «КВЖД» и с датой юбилея был украшен дом Н. Водянского на улице Китайской [7, с. 3]. И это была вся праздничная иллюминация на такой большой город.

Наряду с признанием масштабности юбилейных мероприятий, пресса сразу же отметила и явные недочеты. Выявилось, что многие старослужащие КВЖД оказались «за бортом» торжеств, т.к. им не прислали пригласительных билетов ни на одно из мероприятий, а они отдали железной дороги почти 25 лет службы. Среди них служащий 8-го участка Розлач, служащий городского участка КВЖД Ядревский и ряд других. Их просто не пустили на молебен и собрание без официальных пригласительных [7, с. 3]. Отмечалось, что действительно многие «юбиляры» были не учтены и обойдены вниманием, а в то же время пригласительные получили сотрудники, прослужившие в управлении дороги не более года...

Журналист М. Рокотов в статье «Юбилей без юбиляров» в номере «Зари» писал, о странностях выбора гостей на юбилейных торжествах. Он провел свое расследование и выяснил, что было разослано 500 приглашений, большинство из них было именных, а небольшое количество – безымянных. 40 билетов прислано было в управление дороги для распределения между старейшими служащими по службам эксплуатации, сборов, тяги и прочих. Более 400 пригласительных билетов было разослано по конкретным адресам: высшей китайской администрации Маньчжурии, представителям соседних дорог, русской и китайской администрации КВЖД, консульскому корпусу и городскому Совету Харбина, а также всем без исключения китайским служащим дороги. Билеты получили и представители железнодорожного и коммерческого бомонда. Кроме того, были приглашены представители «золотой» молодежи, дамы и девицы для настроения и фокстрота [10, с. 3].

Рокотов подсчитал, что на всей дороге имеется полных 19 юбиляров и плюс еще человек 200 тех, кто прослужил 20 и более лет, и мог рассчитывать на пригла-

шение. Так, например, железнодорожник Нигиревич прослужил на КВЖД 20 лет, Крутаков – 23 года, Ячницкий – 23 года, контролер Меклер и бывший главный контролер М.И. Мещерский служили с самой постройки [10, с. 3]. Попытка некоторых из них, как указано выше, пройти на мероприятия без пригласительных билетов закончилась тем, что их просто не пустили. Многие горожане увидели, что юбилейные празднества устраиваются для всех, но только не для старослужащих дороги. И это вызвало осуждение юбилейного комитета, который заявил, что учет это при проведении следующего юбилея.

Участник событий тех дней Михаил Загорский в заметке «Еще через 25 лет» писал: «Наблюдатели юбилейных торжеств единогласно отмечают, что грустная задумчивость преобладала над весельем, которое положительно не удалось. Печаль торжеств была именно и вызвана предчувствием предстоящих трудностей» [10, с. 1]. Автор заметки оказался прав, вскоре трудности наступили для многих служащих дороги и следующий 50-летний юбилей не удалось отпраздновать: сначала китайские власти с 1 августа 1923 г. сократили земельный отдел и его служащих, затем 31 мая 1924 г. было подписано соглашение между СССР и Китаем о совместном управлении дорогой [1, с. 147] и многие служащие КВЖД были просто уволены. 23 марта 1935 г. был подписан договор о продаже Советским Союзом Маньчжоу-Го (фактически Японии) КВЖД [1, с. 273], означавший, что дорога, как предприятие созданное русскими людьми, прекратила свое существование.

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в) / Н.Е. Аблова. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004.

2. Заря (г. Харбин). – 1923, № 51. – 6 марта.

3. Заря. – 1923, № 90. – 24 апреля.

4. Заря. – 1923, № 111. – 20 мая.

5. Заря. – 1923, № 126. – 8 июня.

6. Заря. – 1923, № 128. – 10 июня.

7. Заря. – 1923, № 129. – 12 июня.

8. Заря. – 1923, № 50. – 5 марта.

9. Заря. – 1923, № 23. – 30 января.

10. Заря. – 1923, № 130. – 13 июня.

11. Заря. – 1923, № 142. – 27 июня.

12. Заря. – 1923, № 127. – 9 июня.

13. Заря. – 1923, № 131. – 14 июня.

14. Заря. – 1923, № 125. – 7 июня.

15. Заря. – 1923, № 133. – 16 июня.

16. Заря. – 1923, № 119. – 31 мая.

17. Заря. – 1923, № 138. – 22 июня.

18. Заря. – 1923, № 139. – 23 июня.

19. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т. 1. – Харбин: типографии КВЖД и товарищества «Озо», 1923.

20. Мелихов, Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г.В. Мелихов. – М., 1997.

21. Экономический вестник Маньчжурии (г. Харбин). – 1923, № 21–22. – 10 июня.

22. Экономический вестник Маньчжурии. – 1923, № 25. – 1 июля.

УДК (571.6+518.3)(091):001.9(=581)

ИСТОРИЯ КВЖД и г. ХАРБИНА В ПУБЛИКАЦИЯХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Н.А. Василенко

*Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского
г. Владивосток, Россия*

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), как один из важных отрезков Транссибирской магистрали, соединив западную часть России с ее восточными рубежами, в конце XIX – начале XX в. имела огромное стимулирующее значение для заселения и освоения российского Дальнего Востока. И то, что она прошла через территорию соседнего китайского государства, несомненно, имело неоспоримое значение для экономики северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии).

Истории строительства КВЖД, влиянию дороги на развитие торгово-экономических связей между Россией и Китаем, формированию многонационального состава населения вдоль полосы отчуждения и ее роли в становлении и развитии местной промышленности, торговли, предпринимательства, образования, науки и других отраслей посвящено немало работ, научных, публицистических, мемуарных и др.

В последнее десятилетие XX столетия особое внимание исследователей сосредоточилось на самостоятельном научном направлении, а именно, изучении истории возникновения русского зарубежья на территории Китая. Конечно, многие аспекты, связанные с формированием русского населения в полосе отчуждения и в административном центре – Харбине, рассматривались и раньше, но в основном в контексте изучения роли русских людей в строительстве КВЖД, населенных пунктов, инженерных сооружений, в развитии торгово-экономических отношений между двумя странами и т.д.

История русского зарубежья, в частности, история русского анклава на территории КВЖД почти одновременно заинтересовала не только российских исследователей, но и китайских. За короткий период российскими учеными была проделана большая работа по сбору и анализу материалов, которые легли в основу многих научных статей и монографий, содержание которых проливает свет на причины, характер и масштабы миграционного движения из пределов России в Китай, особенно в период строительства КВЖД и г. Харбина. КВЖД стала рассматриваться как важный фактор возникновения русского «государства в государстве», а г. Харбин – местом будущего сосредоточения русской эмиграции.

Что касается китайских исследователей, то можно отметить, что их интерес к проблеме российской эмиграции в Китае проявился почти одновременно с разработкой этой темы в российской исторической науке. Это стало возможным, прежде всего, благодаря открытости двух стран мировому сообществу и исчезнувшим преградам идеологического плана, существовавшим в исторической науке. Для китайских историков 80-е годы прошлого века были периодом настоящего «прорыва», когда Китай начал осуществлять политику реформ и открытости миру. Перед китайскими учеными встала задача – обогатить историю страны новыми исследованиями с устранением исторических «белых пятен».

Таким «белым пятном» оказалась важная страница в истории КВЖД – изменение этнодемографической ситуации в северо-восточной части Китая, известной в истории как Маньчжурия, вызванной строительством КВЖД и формированием русской колонии в пределах китайского государства. Больше внимание стало уделяться строительству КВЖД как фактору привлечения мигрантов из России.

Китайские исследователи считают, что сооружение КВЖД по территории Маньчжурии способствовало как внутренним, так и внешним миграционным процессам. Поскольку КВЖД считалась совместным предприятием, возведенным по обоюдному соглашению между правительствами двух стран, то, естественно, первыми поселенцами на ее территории были выходцы из внутренних районов Китая и ближнего зарубежья, т.е. с российской территории. Однако точки зрения у китайских исследователей разнятся.

Как известно из исторических источников, Маньчжурия до конца XIX в. представляла собою слабозаселенную и малоосвоенную окраину Цинской империи. Основным населением были многочисленные тунгусо-маньчжурские племена, а китайцам (ханьцам) запрещалось переселяться, если только в качестве ссыльных. С началом строительства КВЖД запрет был снят, тем более что срочно потребовались рабочие руки. «В конце эпохи Цин в районе Хэйлунцзян произошли два заметных явления, положившие начало к изменению этнического состава в провинции. Первое – это массовый приток китайских переселенцев (ханьцев) и второе – вторжение империалистических стран, среди первых была царская Россия» [9, с. 47].

Авторы Синь Пэйлинь, Чжан Фэнмин и Гао Сяоянь согласны с тем, что КВЖД положила начало внутреннему переселенческому движению. А что касается политики России, то ее по-прежнему связывали с эпохой колониальных захватов, когда Китай после тяжелых испытаний – «опиумных войн» и внутренних потрясений – превратился в полуколонию многих капиталистических стран, в т.ч. и царской России. По их мнению, царская Россия посредством КВЖД стремилась расширить сферу влияния на северо-восточные провинции Цинской империи при содействии учрежденных административных и судебных органов, полиции и охранной стражи и др. Такую же позицию занимали и другие китайские исследователи, занимавшиеся изучением истории российской эмиграции в Китае, в частности, на территории Маньчжурии, по которой прошла КВЖД.

С одной стороны, КВЖД изображается как капиталистическое предприятие, эксплуатировавшее китайскую рабочую силу, с другой – проведение КВЖД способствовало быстрому заселению северо-восточной окраины Цинской империи новыми переселенцами из внутренних регионов страны. Первых же российских строителей КВЖД называют эксплуататорами, с которых якобы началась

официальная история угнетения китайского населения и захват природных ресурсов Северо-Восточного Китая [1, с. 84–85]. Создание в полосе отчуждения КВЖД российской Охранной стражи, призванной отвечать за безопасность на дороге, например, такой автор, как Сюэ Сяньтянь, связывает с осуществлением Россией военного контроля в Маньчжурии. Он считает, что Охранная стража служила политическим орудием царской России в продвижении своих агрессивных замыслов в Маньчжурии и «прокладывала дорогу с помощью казачьих шашек...» [10, с. 11]. Более позитивную оценку дают другие авторы, как Го Юньшэнь, Цзай Усань, Хуан Динтянь и др. Не отрицая агрессивных замыслов России, они, тем не менее, попытались избежать крайностей в оценке КВЖД. Го Юньшэнь акцентирует внимание на положительной роли КВЖД в развитии прежде всего российско-китайских торговых связей, на ускорении темпов передвижения грузов из одной страны в другую и обратно новым видом транспорта [2, с. 12–13].

Цзай Усань отметил значительный рост многонационального населения в связи с постройкой железной дороги, назвав этот процесс «великим переселенческим движением» [11, с. 203]. Движение было двусторонним, как из России, так и из внутренних регионов Китая. Первыми поселенцами вдоль строящейся дороги были российские железнодорожные специалисты и прочее население, многонациональное по составу. Китайцы привлекались в основном для выполнения трудоемких работ по прокладке туннелей, земляных работ и пр. Благодаря самоотверженному труду народов двух стран появилась не только сама дорога, но и новые населенные пункты с административным центром, каковым стал на долгие годы г. Харбин.

Харбин закладывался одновременно с началом сооружения железной дороги, именно в нем находилось главное управление КВЖД, которое в 1898 г. было перенесено из Владивостока. Площадь города расширялась, появлялись новые городские районы. За год до начала пуска КВЖД в эксплуатацию в 1902 г., по данным Чжу Цюэ, российских подданных в городе насчитывалось 30 тыс. чел. [13, с. 39]. Харбин превратился в главный транспортный узел, от которого в три стороны уходили ветки железной дороги: западное, восточное и южное направления.

Из имеющихся работ китайских авторов можно заключить, что наиболее заселенной оказалась восточная ветвь КВЖД, связавшая российскую часть с китайской. По окончании строительства КВЖД, по сведениям Ли Дэбина и Ши Фана, число русских иммигрантов продолжало с каждым годом увеличиваться. Для сравнения, в 1902 г., по данным Чжу Цюэ, в Харбине насчитывалось 30 тыс. русскоподданных, а по данным Ли Дэбина и Ши Фана, в 1912 г. городское население только одного Харбина составляло около 68 549 чел., из них российских подданных было 43 091 чел., или 63,7% от всего городского населения [6, с. 138]. Эти цифры показывают, насколько за 10 лет выросло русское население в районе КВЖД. Если на начальном этапе строительства дороги требовались в основном инженерные и рабочие специальности, то по мере образования населенных пунктов, увеличения населения стали появляться различные промышленные, перерабатывающие и др. предприятия, обеспечивавшие жизнь россиян за рубежом.

Для скорейшего заселения полосы отчуждения, как сказано в одной из работ китайских исследователей, российский министр финансов С.Ю. Витте в 1903 г.

на специальном заседании предложил переселить в пределы Маньчжурии представителей торгово-промышленного класса и отставных нижних чинов с семьями. Предложение С.Ю. Витте было поддержано императором Николаем II, и были разработаны «Правила заселения территории КВЖД русскими поселенцами» [8, с. 70].

О Харбине и русском населении в нем китайскими авторами написано достаточно много. Большинство авторов пытались объективно показать историю Харбина, рассматривая появление города как результат строительства КВЖД. Кроме известной работы харбинских исследователей Ши Фана, Гао Лина и Лю Шуана [14], посвященной истории русской эмиграции в Харбине, самой полной по содержанию, имеются и другие публикации. Так, например, Ли Мэн пишет, что после поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг. началось политическое и экономическое проникновение России в Китай и согласно ряду двусторонних договоров «Россия фактически колонизировала огромную территорию Китая, где и построила город Харбин» [7, с. 97].

Известный китайский историк, автор многих статей по истории Харбина, Ли Шусяо отмечает, что Харбин существовал еще до начала сооружения КВЖД, только на его месте у реки Сунгари располагались небольшие рыбацкие сооружения местных людей, т.е. фактически на пустом месте стал закладываться город. Начиная с XX в., отмечает он, Харбин постепенно из деревни, где преобладало феодальное, натуральное хозяйство, превращался в современный город, ставший известным не только внутри страны, но и за ее пределами, а также стал политическим, экономическим и культурным центром на северо-востоке Китая [8, с. 1–4].

Что касается других населенных пунктов, где проживали российскоподданные, то в работах китайских авторов упоминаются районы Трехречья и Барги, Синьцзян, города Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Циндао и Далянь, не считая поселений вдоль КВЖД. Следует заметить, что русскоподданные в указанных местах селились в разные исторические периоды и по разным причинам, одни в поисках свободной жизни, другие – по религиозным причинам и т.п. Тем не менее в работах китайских исследователей по отношению ко всем русским людям, независимо от времени и мотивов их появления на китайской земле, применяются термины «эцяо» («эмигрант из России») или «цяоминь», «иминь» и «ицзюй», что в переводе на русский язык означает «эмигрант, мигрант; переселенец». Фактически, на китайском языке не существует четкого разделения между этими понятиями.

Китайские исследователи в своих работах не делают большого разграничения между понятиями легальной и нелегальной эмиграцией, между т.н. «трудовой эмиграцией» и вынужденной. Все российскоподданные, независимо от времени их появления и вида деятельности на территории китайского государства, рассматриваются китайскими авторами внешними мигрантами (переселенцами). А строительство КВЖД, по мнению большинства китайских исследователей, положило начало массовому притоку внешних мигрантов не только из России, но и из других стран.

Бесспорно, что железнодорожное строительство привлекло в полосу отчуждения не только контрактных специалистов железнодорожного дела, но и другой контингент населения. Среди первых поселенцев были российские предприниматели, которые вкладывали свой капитал в зарождавшуюся торгово-эконо-

мическую жизнь Маньчжурии. Покупательский спрос на местном рынке, низкие пошлины, отсутствие национальных ограничений и дешевый китайский труд были залогом успеха российских коммерсантов.

Частный капитал русских предпринимателей вкладывался в различные отрасли обрабатывающей промышленности. По данным китайских исследователей, к 1905 г. в районе КВЖД существовали 19 крупных и мелких русских мукомольных предприятий, 12 из которых располагались только в одном Харбине [14, с. 41]. На русском капитале были основаны маслобойные, винокуренные, мыловаренные и другие производственные цеха. Харбин привлекал деловых и предприимчивых коммерсантов, а также людей свободных профессий, готовых вкладывать свой капитал в развитие того или иного производства. Авторы монографии «История русской эмиграции в Харбине» отмечают, что за годы строительства КВЖД в Харбине появились объекты социально-бытового и культурно-образовательного назначения. О многонациональном составе русского населения вдоль железной дороги свидетельствовали построенные храмы различных конфессий, в самом Харбине мирно сосуществовали православные церкви, мечети, костелы и др. В этой же работе отмечается высокий уровень образованности русской интеллигенции, чей труд был направлен на сферы образования, науки, здравоохранения и т.д. Важной задачей являлось образование детей, чтобы, находясь вдали от родины, молодежь не забывала русского языка, традиций и обычаев русского народа. К периоду исхода из России т.н. «белой эмиграции» как последствия революционных событий 1917 г. и окончания гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в Харбине была создана сеть учебных заведений, начиная с дошкольных до средних, специальных и др. Хорошо организованный процесс обучения давал детям эмигрантов прекрасное образование в условиях зарубежья [14, с. 286].

После первой мировой войны на территории, примыкавшей к КВЖД, по сведениям Сюэ Сяньтяня, насчитывалось около 200 тыс. чел, из них железнодорожных служащих и рабочих – около 20 тыс. чел. [10, с. 177]. Вместе с другими социальными группами российского населения, прибывавшего на КВЖД и в Харбин, они составляли основу русского анклава, который численно возрос после исхода с российской территории т.н. «белой эмиграции». По словам Жао Лянгуна, «после Октябрьской революции в России наметилась вторая волна переселения русских в Харбин, более мощная, чем первая» [4, с. 286].

Первая волна русской эмиграции в Китай носила длительный и затяжной характер и связана она была с первыми попытками установления двусторонних отношений между ее Россией и Китаем, когда переселение российских подданных носило эпизодический и стихийный характер. С сооружением КВЖД в конце XIX в. добавились контрактные и свободные поселенцы. Вторая волна берет отсчет от февральских и октябрьских событий 1917 г. в России и после окончания гражданской войны на российском Дальнем Востоке. Изменение политической ситуации толкало многих россиян искать новое местожительство, и в этом отношении полоса отчуждения и Харбин оказались самыми близкими как по расстоянию, так и по русскому укладу жизни.

О мощном оттоке части российских подданных, росте иностранного населения в Харбине, писал, к примеру, Чжао Дэцзю. По его словам, Харбин представлял собою международную выставку «рода человеческого» [12, с. 88]. Опасаясь влияния и распространения революционных событий в России на КВЖД, в Хар-

бине активизировались иностранные государства, которые учреждали консульские учреждения и торгово-промышленные предприятия.

Новая волна иммигрантов, разных по политическим взглядам и экономическому состоянию, внесла существенные изменения в структуру населения Харбина. По мнению Го Яншуня, прибывшие в Харбин активные белоэмигранты ставили перед собой цель организации белого движения против Советской России, пассивная часть – в ожидании восстановления старых порядков в России [3, с. 96]. Тем не менее, как считают Ши Фан, Гао Лин и Лю Шуан, приток иммигрантов вызвал появление новых районов в Харбине, возросла плотность городского населения. Увеличение населения в городе привело к тому, что занятия в школах проходили в две смены, появились новые фирмы и компании [14, с. 64]. Или, как отмечает Жао Лянглун, Харбин в период с 1924 по 1929 г. был оживленным и богатым городом, и в этом «была большая заслуга русских эмигрантов, проживавших в городе; они внесли свой вклад в городское строительство, просвещение, литературу, искусство, издательское дело, спортивное движение Харбина и т.д.» [4, с. 288].

Однако с середины 20-х годов XX в. в жизни россиян, оказавшихся по разным причинам в Харбине и на территории КВЖД, наступают сложные времена, вызванные внутренним расслоением русского населения, изменением политической ситуации в Китае и другими причинами. Решалась судьба фактически всех россиян, оказавшихся за рубежом.

В целом, характеризуя отношение китайских исследователей к истории русского зарубежья, сформировавшегося в полосе отчуждения КВЖД и в Харбине, можно отметить неоднозначность подхода к изучаемой теме, но все-таки положительных моментов в их работах отмечается больше, чем негативных. И в современном г. Харбине до сих пор можно найти «отпечатки» былого присутствия российских людей, запечатленные в зданиях, названиях, заимствованиях из русского языка и т.п.

1. Гао, Шэндоу. О восстании ихэтуаней в Харбине / Гао Шэндоу // Бэйфан вэньбу. – 1988. – № 4. – С. 84–85.

2. Го, Юньшэнь. История чайной торговли между Китаем и Россией / Го Юньшэнь. – Харбин, 1995. – 208 с. Кит.яз.

3. Го, Яншунь. Размежевание: Русские эмигранты в Северо-Восточном Китае в годы гражданской войны / Го Яншунь // Россия и АТР. – 1994. – № 2. – С. 81–95.

4. Жао, Лянглун. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. / Жао Лянглун // Дальний Восток России – Северо-восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина. – Хабаровск, 1988. – С. 286–288.

5. История агрессии царской России в Китае. – Пекин, 1990. Ч. 4. – 532 с. Кит. яз.

6. Ли, Дэбин. Краткий очерк об иммигрантах в провинции Хэйлунцзян / Ли Дэбин, Ши Фан. – Харбин, 1987. – 320 с. Кит. яз.

7. Ли, Мэн. Харбин – продукт колониализма / Ли Мэн // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 1. – С. 96–103.

8. Ли, Шусяо. Историческая летопись Харбина (1763–1949) / сост. Ли Шусяо. – Харбин, 2000. – С. 1–5. Кит. яз.
9. Синь, Пэйлинь. История освоения провинции Хэйлунцзян / Синь Пэйлинь, Чжан Фэнмин, Гао Сяоянь. – Харбин, 1999. – 816 с. Кит. яз.
10. Сюэ, Сяньтянь. Охранная стража КВЖД и политическая ситуация в Маньчжурии / Сюэ Сяньтянь. – Пекин, 1993. – 335 с. Кит. яз.
11. Цзай, Усань. О первых железных дорогах Маньчжурии и их влиянии на социально-экономическую жизнь / Цзай Усань // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. – 1992. – № 2. – С. 200–205. Кит. яз.
12. Чжао, Дэцзю. Экономическое положение империалистических держав в Харбине в 1919–1923 гг. / Чжао Дэцзю. // Бэйфан вэньбу. – 1992. – № 4. – С. 84–89. Кит. яз.
13. Чжу, Цюэ. Краткие сведения об европейских поселенцах в Харбине / Чжу Цюэ // Хаэрбин шичжи цунькань. – 1985. – № 1. – С. 39–42. Кит. яз.
14. Ши, Фан. История русской эмиграции в Харбине / Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. – Харбин, 1998. – 608 с. Кит. яз.

УДК 518.3(091)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Т.С. Гартунг (ур. Буровникова)

г. Сиёней, Австралия

В начале 1950-х годов мы жили в отдалённом районе Харбина, называвшемся Славянский городок – там был семейный дом моего папы, построенный дедом Буровниковым. Последние пару лет, после подачи прошения на выезд из Китая, мы снимали квартиру ближе к центру в районе Харбина, Мадягоу, в так называемом «подворье» Воронцова. Это был обнесённый забором комплекс отдельных домов, в каждом из которых находилось по несколько квартир – все семьи, живущие там, были русскими. До сих пор мой друг Иннокентий Суворов, который тоже живёт сейчас в Австралии, говорит, что мы «однодворники» из Воронцовского подворья. В связи с переездом в дом Воронцова приведу эпизод попытки продать наш семейный дом.

К середине 1950-х годов отношение китайского населения к русским значительно ухудшилось – назревала культурная революция. После смерти Сталина и хрущёвской «оттепели», которую Мао Дзе-дун считал отступлением от идей коммунизма, произошёл раскол между двумя странами. В общем, папа никак не мог продать наш дом, а когда он возмущался, китайцы говорили ему: «Дом твой, а земля китайская. Хочешь уезжать, бери свой дом в руки и уезжай». Я так и не помню, продали ли мы свой дом или нет, но фактически это не имело значения, так как тем, кто выезжал за границу, не разрешали вывозить ничего драгоценного, и деньгами, кажется, только долларов 20 на семью. Всё остальное надо было оставлять в Китае. При выезде, на границе, людей осматривали и отбирали всё ценное. К тому времени у нас самих уже вообще ничего не было, а вот многие богатые харбинцы шли на разные ухищрения – забивали сделанные из платины гвозди в сундуки, глотали бриллианты. Рассказывали, что некоторым таким богачам давали при выезде слабительное, проверить, не вывозят ли они что таким образом. Также рассказывали об одном случае, когда друзья потихоньку положили бриллианты в банку с вареньем и попросили своих друзей отвезти это варенье, как якобы подарок, родственникам в Бразилию. По дороге банка треснула и, не зная ничего о бриллиантах, друзья выбросили её в море так как варенье потекло. Когда посылавшие варенье об этом узнали, им стало плохо.

Сейчас, живя в жаркой Австралии, морозные зимы Харбина вспоминаются с удовольствием, а когда нам надо было ходить при морозах за -30°C в школу, то это было совсем другое дело. Из Славянского городка нам надо было минут 15 идти до первой трамвайной остановки, чтобы доехать до нашей школы в Мадя-

гоу. Стоя на остановке, мы следили за лицами друг друга и, если у кого щека белела, моментально начинали растирать ее снегом. Зато летом, для детей начиналась безмятежная свободная жизнь. Наш дом находился вблизи от огромного поля, которое тянулось до железнодорожной насыпи. В доброе старое время это было гольф поле, а в наше время оно было всё засажено злаками и овощами. Китайцы очень трудолюбивый народ и любят работать на земле – любой клочок земли приспособят под огород. Так вот, встав рано утром мы с со старшей сестрой Верой и нашей самой близкой подругой детства Анфой уходили и целый день могли где-то пропадать. Гуляя по этому полю, где росли кукуруза, подсолнухи, морковь, баклажаны и прочая снедь, мы, конечно, постоянно что-то жевали. Например, вытянешь морковку, вытрешь о штаны и ешь. Как мы не получили какую-нибудь холеру, не знаю, так как удобрение на китайских огородах в то время было только «натуральное». Если иногда у кого-то из нас заболел живот, мы шли к бабушке, Людмиле Вячеславовне. У неё для этой цели всегда стояла настойка чеснока и красного перца на хане (хана это китайская водка, с каким-то неприятным запахом). Другое место, где мы любили играть, был сад дяди Вани. Дядя Ваня, человек преклонных лет, жил со своей супругой в большом вишнёвом саду. Эта вишня была особого сорта – японская, невысокие кусты с мелкой очень сладкой и вкусной ягодой, которая как бы облепляла веточки. В саду также росли крыжовник, чёрная и красная смородина. У дяди Вани в саду мы любили играть в прятки, причём под каким кустом спрячешься, то и ешь. И опять часто в ход шла бабушкина хана. Весной мы очень любили собирать фиалки в поле. Они росли главным образом вдоль железной дороги и мы, собирая их время от времени, прикладывали ухо к рельсам проверить – не идёт ли поезд.

Моя старшая сестра Вера и я с любимой кошкой в нашем Воронцовском «подворье». Харбин, 1957 г.

Летом в саду мама варила в медном тазу на «хибачи» (что-то вроде примуса) варенье. У нас во дворе росло огромное абрикосовое дерево и каждое лето мама заготавливала варенье на зиму. Да и летом, помню, как на веранде всё время пили чай с абрикосовым и клубничным вареньем.

В то время в Харбине было много разных «торгашей» китайцев, которые ходили по городу и что-то продавали, покупали и предлагали разные услуги. Например, к нам часто приходил очень высокий худой китаец в пальто, который

торговал картошкой и другими овощами. Мы его прозвали «селёдкой» из-за его худобы и роста. Вот рано утром слышим крик у калитки: «Каратушка»! Мы бежим к маме и в свою очередь кричим: «Мама, селёдка с картошкой приехал»! А вот идёт паяльщик и кричит: «Мадама (так китайцы называли русских женщин, а мужчин – капитана), дырка паййяй»! А следом старьевщик кричит: «Старовещи пай (старые вещи покупаю)!»

В 1950-е годы большинство русского населения Харбина жило бедно – мы относились к этой категории. Помню, мама ходила продавать кольца, чтобы на вырученные деньги покупать нужные для жизни вещи. Еда главным образом у нас была самая простая, хотя мама ухитрялась всегда смастерить что-нибудь вкусненькое. Очень часто мы ели чумизу, картошку и перловую крупу с домашними солёными огурцами и помидорами – и как это было вкусно! Такие продукты, как сыр и ветчина, мы видели разве что на Пасху и Рождество. Наша мама не признавала китайских ресторанов для детей, и поэтому я могу посчитать на пальцах одной руки, сколько раз я ела в китайских ресторанах в Харбине. Здесь в Австралии мы наоборот не вылезает из китайских ресторанов! Зато мы очень любили ходить с папой в китайскую «пивнушку». Там папа пил пиво, а мы или тоже немного пива (харбинское пиво было очень слабым – по моему только 2 процента алкоголя) или

«бузу» – безалкогольный напиток, сделанный на дрожжах. К пиву подавали солёный арахис. Летом мы любили «пин-го» – мороженное на палочке, а зимой липучки (сделанные из патоки и кунжутного семя), «та-ху-лу» (мороженная бьярка на палочке в сахаре), мороженные «каки» (хурма) и горячие каштаны, которые мы клали себе в карманы и грели о них руки. Также всегда покупали подсолнечные семечки, от которых наши рты становились почему-то очень грязными. Мама боялась, что мы заболеем, так как всё это покупалось на уличных лотках и в таких условиях, что о гигиене и говорить нечего, и сердилась на нас. Летом в жару на углах улиц кипели большие китайские самовары. Прохожие китайцы покупали пиалу кипятка, вешали на шею маленькое полотенце, садились на тротуар и пили кипяток. Мы говорили, что они «уравняли температуру» и таким способом охлаждались.

В годы моего раннего детства мы жили в Новом Городе, на Ашихейской улице, в доме (по-моему купца) Слинкина. Бабушка, Людмила Вячеславовна, после того как семья покинула Россию в 1922 году, зарабатывала на жизнь сдачей комнат с пансионом в этом доме. У неё был повар китаец и молодой китаец «бойка», который исполнял разные мелкие поручения и также помогал смотреть за сестрой и мной. Они были как члены семьи и очень заботливо относились к нам. Повар работал у бабушки много лет и мама рассказывала, что, когда она собралась выходить замуж, то он волновался и говорил: «Как наша Вера там будет?!»

Школьный билет на проезд
в городском транспорте.
Харбин, 1956 г.

Вера кухня ходи, два пальчика котлетка бери и уходи!» Конечно, в 50-х годах уже не могло быть и речи о каких-то поварах и бойках.

Так как я уже училась при коммунистическом режиме, у нас в школе в обязательном порядке преподавали китайский язык. Учитель китайского языка был полный, добродушный, спокойный китаец. Мы пользовались этим и шалили. «Лао-ши (учитель по-китайски) – говорили мы, когда он входил в класс «ти дин лапши?» (в смысле, сколько лапши съел). В каждом классе обязательно висел огромный портрет Мао Дзе-дуна, а у него на подбородке была большая бородавка. Один раз мальчишки старших классов, от нечего делать, решили соревноваться, кто попадёт жёванной бумагой в эту бородавку. Когда об этом узнал директор – Боже мой, что началось! Ребятам чуть не пришили политическое дело. Вызывали в органы родителей, но слава Богу в конце концов здравый смысл восторжествовал: ребята и их родители отделались сильным испугом.

В Харбине был большой универсальный магазин Чурина и К°. Мой папа был председателем благотворительного общества этой компании, и поэтому мы с сестрой бывали там часто. Там ставились детские постановки, устраивались Рождественские ёлки, был европейский ресторан. В самом магазине был также большой гастрономический отдел, в котором в лучшие времена можно было купить всевозможные «вкусности». Конечно, со временем всё это стало исчезать и, откровенно говоря, последние пару лет моей жизни в Харбине даже не помню, что там было (мы уехали в 1957 году).

Рождество был наш с сестрой самый любимый праздник. В Харбине январь обычно был снежным, и когда мы с папой шли покупать ёлку, брали с собой сани. Китайцы очень смекалистый народ и сразу же приспособились торговать тем, что было нужно русским. На Рождество везде торговали ёлками. Помню ёлки лежали штабелями, замёрзшие и перевязанные верёвкой. Поэтому было трудно выбрать ёлку попушистей, и ещё мы всегда старались посмотреть, есть ли на ней шишки. Выбрав ёлку, папа клал ее на сани, сам в них впрягался, и мы торжественно везли её домой. Ёлку вносили в дом, ставили в деревянный крест и разрезали верёвки. И вот ветки ёлки медленно, с лёгким треском начинали распрямляться, и по всему дому разносился чудесный запах Рождества. Когда ёлка полностью раскрывалась, можно было увидеть, ровная ли она или кое-где не хватает веток. Если где-нибудь надо было добавить ветки, папа срезал их снизу, высверливал в стволе дырки и вставлял ветки, куда надо. На Рождество нас вели на детскую ёлку к Чурину. В большом зале стояла огромная ёлка – причём все ёлки в Харбине были настоящие, я не помню, чтобы я когда-то там видела искусственную ёлку (первый раз увидела в Австралии). Все дети получали мешочки, сшитые из разноцветной материи, в которых были конфеты и орешки, причём грецкие орехи, для красоты, часто были обернуты в серебряную бумагу. Все дети готовили какие-нибудь стишки, так как, по традиции, дети должны были быть готовы прочитать под ёлкой стихотворение. Был Дед Мороз со Снегурочкой, дети танцевали, водили хоровод вокруг ёлки. Потом было угощение – чай, бутерброды, пирожные. Тогда всё это казалось необыкновенно великолепным. Я была очень впечатлительным ребёнком и всегда чувствовала себя на этих ёлках как в сказке. Конечно, последние несколько лет уже не было ни чуринских ёлок, ни пирожных – детская сказка прошла, наступали суровые реалии. Правда, худо-бедно, но у нас дома по-прежнему на каждое Рождество была настоящая ёлка.

Так как в пятидесятые годы мы, как и большинство харбинцев, жили бедно, то главным образом все больше заботились о «хлебе насущном», а не о нарядах. Мама не умела шить, поэтому у нас в доме то и дело появлялись какие-то порт-

нихи, которые всё время что-то перешивали, подшивали, распускали и пр. Всю неделю мы с сестрой ходили в школьной форме, которая была сшита из материала, называемого «доба». По моему, тогда все школьники в Харбине ходили в этой «добе». У нас было по одному выходному платью. Мама всегда была одета со вкусом, но скромно, и платья у неё были в очень ограниченном количестве. Вообще, откровенно говоря, на одежду я тогда особенного внимания не обращала. Зимой мы ходили в тёплых шубах, вязанных рейтузах и валенках. Я не помню, чтобы я мёрзла в Харбине, несмотря на сильные морозы. Транспорт отапливался, помещения отапливались, дома было центральное отопление. Как ни странно, но первый раз в жизни я замёрзла, когда мы приехали в Австралию! Тогда в Сиднее домишки были из фибры или дерева, правда были и кирпичные, но наши спонсоры жили в фибровом домике и у них был только один маленький электрический обогреватель, который носили за собой из комнаты в комнату, а из-за близости океана зимы в Сиднее, как говорят, «промозглые». Сейчас у всех, конечно, кондиционеры и другие приборы для отопления, так что мёрзнуть зимой в Австралии я стала меньше.

Летом харбинцы ездили «за Сунгари». По другую сторону реки Сунгари находились дачные места. Солнечный остров, Зотовская протока, эти названия навсегда остались в моей памяти. За Сунгари надо было ехать на лодке. Лодочники были китайцы. У некоторых харбинцев были свои частные дачи. Там также была дача компании Чурин. Мы обычно ездили на дачу дяди Шуры и тётки Тамары (мы её звали тётя Том) Стасиневичей. Это была маленькая деревянная дачка на отдалённом мысе – с двух сторон были протоки. На этой дачке тётя Том с подругами все выходные дни «жарились» в маджан и карты, а их мужья вместе с дядей Шурой купались, загорали и, как мы с Верой говорили, «чирикали», флиртуя с купальщицами. Папа иногда брал нас на чуринскую дачу, где он играл в городки со своими сослуживцами. Городки – игра с деревянными палками, из которых строились разные фигуры, и их надо было сбивать, бросая в них другую палку. Играли обычно одни мужчины. Мне запомнилась жена одного из папиных сослуживцев – интересная молодая дама. Когда мужчины играли в городки, она обычно лежала в купальном костюмчике в лонгшезе и читала. Временами она хлопала в ладоши и говорила: «Мальчики!» Игра останавливалась и все подходили к ней, и она им что-то вычитывала из книги. Потом игра опять возобновлялась. На меня это произвело большое впечатление и ещё тогда, будучи в детском возрасте, я подумала – вот как надо владеть мужчинами!

В связи с Сунгари и лодками приведу интересный случай. На харбинском вокзале стоял образ Св. Николая Чудотворца в ките и рядом большой подсвечник, где всегда горели свечи. Внизу образа находилась доска, на которой по-китайски была написана следующая история. Сунгари была очень коварная река. Погода могла быстро поменяться и начаться буря. Так вот на доске было написано, как один китаец-лодочник попал в бурю и стал тонуть и тогда он крикнул: «Старика вокзала (так китайцы называли Св. Николая Чудотворца) помогай!» и появился Старик, который протянул ему руку и спас его. Китайцы очень чтили этот образ. Когда пришли коммунисты, то распорядились, чтобы образ перенесли из вокзала в часовню Св. Николаевского собора. Рабочие китайцы, пришедшие переносить икону, сняли шапки, бережно перенесли икону и отказались взять за это деньги...

УДК 518.3(091)

ПРОЩАНИЕ С ХАРБИНОМ

Т.С. Гартунг (ур. Буровникова)

г. Сидней, Австралия

Осень была всегда моим любимым временем года, наверное потому, что я родилась как раз «золотой маньчжурской» осенью в Харбине в октябре 1943 года. Я – харбинка второго поколения, так как мой папа тоже родился в Харбине.

Здесь приведу немного информации о моих родителях.

Мой отец, Сергей Семёнович Буровников, родился в 1911 году в Харбине в то время, когда эта часть Китая принадлежала России в связи с постройкой Китайско-Восточной железной дороги. Его отец, мой дед Семён Яковлевич Буровников, порт-артуровец, вахмистр Приморского драгунского полка, кавалер четырёх степеней Св. Георгия, был родом из Курска. Будучи раненым, он попал в Харбин после русско-японской войны 1905 года и так там и остался работать в охране на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), привезя себе жену Надежду Максимовну Феодосову (мою бабушку) из родного Курска.

Мой отец окончил известный на весь мир Харбинский Политехнический Институт, получив диплом инженера механика. Благодаря этому диплому по приезде в Австралию он сразу получил работу по специальности в частной американской фирме, а затем был принят в Австралийское общество инженеров и на государственную службу.

В Харбине отец был активным общественным работником и, в частности, много лет был бессменным председателем общества взаимопомощи компании Чурин и К^о. Приехав в Австралию, он продолжал трудиться на благо русской общественности, принимая участие в благотворительных организациях и в жизни Русской православной церкви. К сожалению, мой отец скоропостижно скончался, прожив в Австралии всего семь лет.

Моя мать, Вера Николаевна Буровникова (ур. Стасиневич) родилась в 1914 году в Варшаве, в то время, когда Польша была частью Российской империи. Её отец, мой дед Николай Степанович Стасиневич был генеральным контролёром привисленских железных дорог. Он родился в Белой Церкви близ Киева. Мамина мама, моя бабушка Людмила Вячеславовна Стасиневич (ур. Ганус) родилась в поместье своего отца, которое находилось недалеко от Варшавы. Её отец, словак по происхождению, был фабрикантом.

С началом Первой мировой войны, а потом революции 1917 года, мамина семья отступала на восток с частями Белой Армии – Смоленск, затем Омск. Её

старшие братья, Александр и Дмитрий, были кадеты Омского кадетского корпуса, и в 1920 году, вместе с кадетским корпусом вся семья была вывезена на Русский остров города Владивостока. В 1922 году с приходом большевиков семья покинула Россию, перейдя границу в Китай, и стала жить в Харбине. Моей маме тогда было 8 лет.

Хочу рассказать один эпизод из жизни моего деда Стасиневича. Я думаю, что этот случай сегодня будет актуален, так как в связи с 100-летним юбилеем революции 1917 года, опять разгорелась дискуссия по поводу «белых» и «красных». На мой взгляд, и с той и с другой стороны были идейные люди, патриоты, но и с той и другой стороны были «шкурники». Как я уже писала, семья моей мамы, покинув Варшаву в 1914 году и пробыв короткое время в Смоленске, задержалась до 1920 года в Омске, где дед получил должность контролёра омских железных дорог. Когда красные подошли к Омску и должны были его забрать, Омский кадетский корпус и семьи кадетов были вывезены на Русский остров, но мой дед отказался уезжать! Он был страшный службист и долг службы для него был превыше всего. Он заявил, что пока не сдаст свой пост следующему контролёру, он никуда не уедет. Таким образом, вся семья уехала во Владивосток, а дед остался в Омске. Время шло, семья жила на Русском острове. Со временем «красное» движение продвигалось на восток и вот как раз под самое Рождество, рассказывала моя бабушка, вечером она услышала, что под окном кто-то поёт Рождественские «колядки» и узнала голос деда. У него был прекрасный голос, он всегда пел в церковном хоре и в молодости учился в Киевской бурсе на священника. Конечно, радости и слезам не было конца и тогда дед рассказал, что с ним произошло. После того как «белые» покинули город и вошли «красные», к деду в контору пришёл красноармейский командир. Дед отпрапортовал, что он ждёт следующего контролёра, чтобы передать ему полномочия. Тогда командир сказал: «Ну, отец, ты молодец, обещаю тебе, что как возьмём Владивосток, отправлю тебя к семье» – и сдержал своё слово.

В Харбине мама училась во Французском Конvente Св. Урсулы, а затем окончила гимназию им. Ф.М. Достоевского и также Первую Харбинскую Музыкальную Школу по классу фортепиано. В течение 10 лет, 1935–1945 гг., моя мама работала диктором на Харбинской радиостанции. Потом она нам рассказывала, как во время Второй мировой войны потихоньку слушала Хабаровск, и первая песня, которая «прорвалась» к ней в эфир, была «Катюша». Мама записала слова, а её подруга, певица, – музыку. (Во время войны, в патриотическом порыве, большинство русских эмигрантов в Харбине, включая и мою семью, остро переживали судьбу Советского Союза). Мне позже рассказывали, что я пела «Катюшу», сидя в детском стульчике. После войны мама частным образом преподавала музыку и французский язык.

По приезде в Австралию мама несколько лет проработала в конторе Тюремного департамента НЮУ (Department of Prisons of NSW). Она принимала активное участие в жизни Русской православной церкви, а также работала волонтером в начальной школе, безвозмездно занимаясь с детьми музыкой. Мама была большая патриотка России и, когда произошла «горбачёвская» перестройка, первая наладила контакт с детскими домами в Курске и начала организованную помощь обездоленным и нуждающимся детям и семьям в России. Она также помогала восстанавливающимся церквям в России. За свой неутомимый труд на

благо России и русского народа мама была награждена медалью от российской организации «Родина».

Мама оставила светлую память о себе не только в Австралии, но и в России. Русский поэт, главный редактор журнала «Наш Современник» Станислав Юрьевич Куняев, познакомившись с мамой во время своего посещения Австралии в 1988 году, посвятил ей следующие стихи:

Русская женщина в дальнем Сиднее
Перекрестила меня на прощанье...
Возле куста австралийской сирени
Мы постояли в глубоком молчанье.
Мы помолчали. О чём? Не о том ли,
Что повстречались случайно на свете,
Что не бывает горестней доли
Той, что извели русские дети...

Они оставались близкими друзьями до конца маминой жизни в 2000 году. Несмотря на то, что я родилась и росла во времена всевозможных политических потрясений – оккупация Харбина японцами, война, начало китайского коммунистического режима после освобождения Маньчжурии Красной (Советской) армией – как и присуще детям, я всё воспринимала как нормальную жизнь. Моё мировоззрение изменилось в середине 50-х годов, когда русское население Харбина «зашевелилось» и начало «выбираться» кто куда мог – либо «за речку» (за границу), либо «за горку» (на целину в СССР). Папа мой был «бесподданный», т.е. у него не было советского паспорта и поэтому путь в СССР нам был закрыт. Нас «спонсировал» в Австралию соученик папы по Харбинскому политехническому институту. Для того чтобы получить разрешение на выезд из Китая, надо было сначала «сняться с учёта» в харбинском ДОБе – Департаменте общественной безопасности. И вот тут-то и начинались муки! Те, кто хотели ехать за границу, буквально сидели на чемоданах иногда по два-три года, выжидая, чтобы их сняли с учёта. Таким образом харбинцев пытались заставить ехать в СССР. Наша семья была одной из тех, кто «сидел на чемоданах». К тому же, как только было подано прошение в ДОБ с просьбой о выезде за границу, папу уволили с должности инженера с «волчьим билетом» (без права поступления на работу по специальности). Но жить было надо – семья, двое детей, и папа сделался «агентом» по отправке отъезжающих харбинцев.

Так как Сергей Семёнович был хорошо известен в харбинских кругах как многолетний общественный деятель и даже носил прозвище «эмигрантский консул», дело у него быстро пошло. Он отправлял всех кого куда, организовывал упаковку и отправку вещей, билеты и пр. Несмотря на то, что папа родился и вырос в Китае, он совсем не знал китайского языка, как и большинство харбинцев его поколения. До прихода коммунистов Харбин был русским городом, всё велось на русском языке, и китайцы говорили на ломаном русском. Поэтому, чтобы заниматься отправкой, папа нашёл себе двух помощников-китайцев. Один из них был пожилой китаец, которого звали товарищ Джан. Он приходил к нам рано утром, садился на кухне и начинал заполнять по-китайски всевозможные анкеты на выезд, бланки на багаж и пр. – по-русски он не говорил. Мы с сестрой Верой, между собой, называли его «Джанище – поганище», так как у него был рот полон медных зубов, и он без конца курил страшно вонючую «козью ножку». Второй был молодой китаец маленького роста. Его мы

любили. Звали его Та-Жир. Он тоже не говорил по-русски. По утрам мы уми-
рали со смеху, наблюдая, как наш папа с ним договаривался. Возвышаясь над
маленьким китайцем, папа обращался к нему с высоты своего двухметрового
роста: «Та-Жир, твоя миньтянь («завтра», кит.) вокзала тележка лайла («при-
ходи», кит.) – понял?» «Туй, туй («понял», «понял» кит.)» – отвечал Та-Жир.
Так вот они и работали.

В то время над нами, детьми тех, кто ехал за границу, тучи также сгушались.
В школе я была отличницей и носила красный галстук «юнака» – юного актив-
ста, что-то вроде пионера в СССР. Мне тогда было 13 лет, и я училась в шестом
классе харбинской Советской средней школы. И вот, в один далеко не прекрас-
ный день, вызывают меня и одну мою соученицу, тоже юнака, к директору. Я
всегда была «паинькой» в школе и заволновалась – первый раз вызывают к ди-
ректору! Зашли в кабинет, а там, кроме директора, сидят ещё двое неизвест-
ных – и начали нас распекать: «Вы, юнаки, позорите красные галстуки! За гра-
ницу собрались ехать! Да мы с вас будем снимать красные галстуки под бара-
банный бой!» и т.д. Я окаменела, а моя подруга, храбрая девочка, сказала им: «А
мы дети, если наши родители поедут в СССР, то и мы поедem в СССР, а если
наши родители поедут в Бразилию, то и мы поедem в Бразилию». Когда я при-
шла домой, я сказала маме, что в школу я больше не пойду – и не пошла! К сча-
стью, через несколько недель нас сняли с учёта.

Здесь сделаю маленькое отступление и расскажу о «пророчестве» китайца – со-
трудника ДОБа. После того как мы получили разрешение из Советского консульст-
ва на выезд в Австралию, мама пошла в ДОБ сниматься с учёта. (Так как у папы не
было подданства, дети были вписаны в мамин паспорт). Она потом нам рассказала,
что сотрудник ДОБА (китаец) сказал ей: «Ну, что радуетесь, что уезжаете от нас. Но
знайте, что мы с вами прощаемся только лет на тридцать, а потом мы опять встре-
тимся». Тогда это было удивительно, так как в Австралии до 1973 года практикова-
лась «белая» политика в отношении иммигрантов, но он как в воду глядел! Сегодня
в Австралии, когда я выхожу на улицу и вижу всё больше и больше людей китай-
ского происхождения (по статистике Австралии, китайский язык сейчас занимает
второе место после английского в обиходном общении), то сразу вспоминаю маму и
«пророчество» того сотрудника ДОБа.

Наступило время и нам уезжать. За несколько дней до нашего отъезда пришёл
маленький Та-Жир и, стеснясь, пригласил папу к себе домой на прощальный ужин.
Мама отказалась идти, так что с папой пошли мы с сестрой. Как и большинство ки-
тайцев Та-Жир жил в китайской части Харбина, которая называлась Фу-дзя-дзян.
Мы шли за ним, петляя мимо глинобитных фанз («домов», кит.). Зайдя в его ма-
ленькую фанзу, мы увидели на канах (настил в китайских фанзах) за круглым сто-
ликом сидящего, белого как лунь, старого китайца, отца Та-Жира. Сам Та-Жир с
женой и детьми был на кухне и с нами за стол не садился, только всё время прино-
сил из кухни новые блюда. Мы уже больше не могли есть, а он всё приносил и при-
носил. Тогда папа сказал: «Ну, девочки, сейчас я отрыгнусь и скажу чи-пола» («на-
елся», кит.). И когда он это сделал, вся семья радостно заулыбалась и перестала но-
сить пищу. (По китайскому обычаю, если человек наелся, он должен отрыгнуться и
сказать, что он наелся).

И вот подошёл день отъезда. Уезжали мы холодным мартовским днём. На
харбинском вокзале китайская полиция уже недружелюбно смотрела на нас. Мы
стали садиться в вагон, как вдруг слышим крик: «Капитана!». Смотрим, к нам

бежит маленький Та-Жир и размазывает кулачком слёзы по лицу. Папа спрыгнул с подножки вагона, и они обнялись – два харбинца, русский и китаец. Папа снял с себя зимнее пальто и надел на Та-Жиру. Оно на нём было длиннющим, до самой земли. Поезд уже трогался. Папа запрыгнул в вагон. Поезд удалялся, а я смотрела и смотрела на маленького плачущего Та-Жиру в папином пальто, и у меня мелькнула мысль – сюда я больше никогда не вернусь!

Вера и Татьяна Буровниковы. Харбин, 1940-е годы

Прощальная фотография всей семьи – сзади собранные вещи. Сидят, слева направо: дядя Шура Стасиневич (старший брат мамы), бабушка Людмила Вячеславовна, папа. Стоят, слева направо: тётя Тамара (жена дяди Шуры), сестра Вера, мама, я. Харбин, 1957 г.

**Мы уезжали, а дядя и тётя оставались. Они приехали в Австралию на год позже*

Через три недели мы были в Гонконге, а 8 мая 1957 года пароходом прибыли в Австралию – «благословенную страну удачи» – где я и живу по сей день.

Как же сложилась моя жизнь в Австралии? Мне было около 14 лет, когда мы прибыли в Австралию, и я пошла в среднюю школу, по окончании которой поступила в Сиднейский университет (University of Sydney). В 1966 году я окончила Сиднейский университет с дипломом бакалавра гуманитарных наук в отрасли психологии и философии (Bachelor of Arts), а в 1968 году, в том же университете, получила диплом магистра гуманитарных наук в отрасли психологии (Master of Arts – Psychology).

В 1976 году я вышла замуж за Игоря Ивановича Гартунга, который, как и я, тоже родился в Китае, только в Шанхае. Его отец, Иван Николаевич Гартунг, офицер Белой Армии, с её частями прошёл Ледяной Поход и попал в Харбин, где выучился на провизора, а после женитьбы и переезда в Шанхай выучился на архитектора. Прадед моего мужа со стороны матери, Аксель Вальден, прибыл из Финляндии на Дальний Восток в XIX веке на шхуне капитана Гека и стал одним из основателей города Владивостока. Он открыл золотые прииски на острове Аскольд и сделал большие вклады в строительство Владивостока, одно время занимая пост заместителя городского головы. Дед моего мужа, Франс Акселевич Вальден, был известным юрист-консулом в Китае. Семья моего мужа, как семья белого офицера, была вывезена американскими военными в Японию из Китая по окончании Второй мировой войны, до того, как в Шанхай вошли коммунисты. Впоследствии семья Гартунгов попала на Филиппинский остров Тубабао и в 1949 году прибыла по контракту на работу в Австралию. Более 40 лет мой муж проработал специалистом по индустриальным алмазам.

Тридцать четыре года я проработала психологом сначала в Департаменте образования, а затем в Департаменте здравоохранения, специализируясь в отрасли детской и семейной психологии. Последние одиннадцать лет возглавляла Отдел здравоохранения ребёнка и семьи. В течение этого времени я также получила диплом библиотекаря от Университета НЮУ (University of NSW) в 1982 году, а после выхода в отставку в 2005 году получила аккредитацию переводчика русского языка.

С конца 1980-х годов мы с мужем активно занялись общественной деятельностью, главным образом направленной на укрепление контактов между Австралией и Россией. Став вице-президентом/основателем Русского Этнического Представительства в штате НЮУ в начале 1990-х годов, я возглавила Комитет по обмену школьниками между Россией и Австралией и была координатором программы привоза школьников старших классов из России в Австралию. По этой программе восемь школьников из России проучились по полному году в престижных сиднейских школах в 1993–2000 гг. Мой муж был моим верным помощником во всех общественных делах до последнего дня своей жизни – он скончался в 2015 году. Я продолжаю заниматься общественной работой: состою в редколлегии «Австралиада» (издание литературы на русском языке), принимаю участие в ежегодном кинофестивале русского кино «Русское Возрождение» (инициатор и бессменный директор Фестиваля – мой племянник Николай Максимов), в благотворительных проектах в пользу России и других общественных мероприятиях.

В заключение надо сказать, что по настоянию моего старого друга и соученика по харбинской школе, Юры Скорнякова, через пятьдесят с лишним лет я всё-таки побывала в Харбине, когда в 2009 году там состоялся съезд соучеников и Весенний бал. Какие чувства я испытывала тогда – это, как говорится, «разговор для следующего раза».

УДК 06.064:378.662(518.3)

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЁННАЯ ХАРБИНСКОМУ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ, КАК ОПЫТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.А. Егорова

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.
г. Москва, Россия*

2 апреля 2017 года исполнилось 95 лет со дня создания Харбинского политехнического института (ХПИ) – первого русского высшего учебного заведения в Китае. Уникальный вуз, основанный как Русско-Китайский техникум для подготовки кадров по строительству и обслуживанию Китайско-Восточной железной дороги, ХПИ продолжал работать и в период японской оккупации Маньчжурии (1932–1945), и после прихода советских войск до передачи Китайской Народной Республике (1945–1950). В период японской оккупации Маньчжурии для русских студентов был образован Северо-Маньчжурский университет (СМУ). Он работал в 1938–1945 гг. и являлся продолжением ХПИ. После капитуляции Японии в 1945 году русский политехнический институт в Харбине был восстановлен. Датой основания в Китае считается год создания техникума – 1920-й, а в России 1922-й – год преобразования техникума в институт. Современный Харбинский технологический институт (Harbin Institute of Technology) с гордостью считает себя преемником ХПИ.

В Москве в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в 2012 году к 90-летию ХПИ была оформлена фотодокументальная выставка «Путь к многим в жизнь он дал», подготовленная на основе публикаций в журнале «Политехник», который с 1969 года издаётся в Сиднее Ассоциацией инженеров, окончивших ХПИ/СМУ, и помещает сведения об инженерах-политехниках, проживающих в разных странах. Журнал помогал найти коллег, писал о русских не только в Китае, но и после их исхода из Китая. Самым информационно-насыщенным был юбилейный 10-й номер (1979). Именно в нём нашлось много фотографий для экспозиции и статей об истории ХПИ. Заголовком послужила цитата из стихотворения Маргариты Кореневой, посвящённого институту [7, с. 109].

Выставка открывалась краткой исторической справкой, знакомящей с основными вехами создания, становления и развития ХПИ. Более подробно история института освещена в статье доктора исторических наук, профессора кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета

Г.И. Каневской «Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников». С согласия автора эта работа размещена на сайте Дома русского зарубежья [6].

В экспозиции были представлены фотографии профессорско-преподавательского состава, студентов, помещений института. Демонстрировались подлинные предметы и копии документов из архивного и музейного собрания Дома русского зарубежья, а также предоставленные потомками выпускников ХПИ. Выставка включала 5 разделов: «Подвижники просвещения», «Студенты ХПИ», «Из семейного архива», «Достижения выпускников», «Из жизни Объединений инженеров, окончивших ХПИ/СМУ». Над проектом работали: автор Н.А. Егорова, дизайнер Е.В. Хорина, редактор Т.П. Митрофанова, куратор Т.А. Королькова. На сайте Дома русского зарубежья им. А. Солженицына можно познакомиться с электронной версией выставки [14].

В первый раз годовщина основания ХПИ была отпразднована в Сиднее в апреле 1942 года коллегами В. Румянцевым, М. Юхотским, С. Медовым, В. Махно и Е. Борисоглебским в китайском ресторане на Кингс-Крос. Эту информацию сообщил журналу «Политехник» Владимир Дмитриевич Румянцев, поступивший в институт при самом его основании в 1922 году [11, с. 15].

В конце 1940 – начале 1950-х гг. вместе с другими беженцами из Китая политехники провели несколько лет на острове Тубабао (Филиппины). На выставке были помещены фотографии: Празднование 27-й годовщины основания ХПИ, о. Тубабао, 1949; Явочный лист с росписями инженеров, принявших участие в праздновании 27-й годовщины основания ХПИ, о. Тубабао, 02.04.1949.

«Высокие стандарты образования, заложенные в ХПИ, способствовали тому, что диплом института был признан во всем мире, а его питомцы, рассеянные по континентам и странам, проявили себя как квалифицированные специалисты: инженеры, преподаватели, учёные» [5, с. 30].

Выпускники ХПИ трудились в разных странах, где они проектировали важные строительные объекты, становились директорами крупных промышленных предприятий, выдающимися учёными. В разделе экспозиции «Достижения выпускников» нашла отражение деятельность инженеров-строителей В.М. Игнатенко, А.В. Кулябко-Корецкого, И.А. Брагина, А.А. Логунова, В.Ф. Салатко, В.А. Бакича, И.М. Торновского, М.А. Бакича, В.И. Бабия.

Ярким примером успешной деятельности русских инженеров за рубежом является участие выпускников ХПИ – В.А. Бакича, В.Ф. Салатко, И.М. Торновского – в строительстве крупнейшей в мире гидроэлектростанции «Итайпу» на границе Бразилии и Парагвая. «Итайпу» являлась самой мощной электростанцией в мире до декабря 2007 года, уступив первое место ГЭС «Три ущелья» (Китай). Однако, несмотря на большую установленную мощность ГЭС «Три ущелья», по состоянию на 2011 год «Итайпу» производила большее количество электроэнергии в год.

Виктор Францевич Салатко на строительстве «Итайпу» возглавлял инженерный отдел и руководил проектами ГЭС и двух подстанций. Владимир Андреевич Бакич был проектировщиком вспомогательных механических систем и трубопроводов. Игорь Михайлович Торновский работал в финансовой дирекции, осуществлял контракты на закупку материалов и оборудования для «Итайпу» [12, с. 58–62].

В наполнении раздела «Из семейного архива» большую помощь оказали потомки выпускников Харбинского политехнического института. Первым отклик-

нулся Александр Николаевич Тимофеев из Красноярскa, уроженец Харбина, краевед, давний читатель библиотеки Дома русского зарубежья. Как оказалось, его отец Николай Яковлевич Тимофеев (05.02.1922, Харбин – 19.02.1985, Красноярск) окончил Северо-Маньчжурский университет в 1943 году. Тимофеев прислал копию диплома отца и его фотографию. Так появился первый герой выставки.

Для сбора материала была предпринята поездка от Дома русского зарубежья в Красноярск, где Александр Николаевич организовал встречу автора выставки с уроженцами Харбина, проживающими в городе – Эмилией Матисовной Семёновой, Кириллом Владимировичем Поповым, Константином Семёновичем Гордеевым, Ольгой Петровной Богушевой, Кирой Борисовной Маркевич. В ходе встречи бывшие харбинцы поделились воспоминаниями, показали фотографии и документы из семейных архивов, связанные с жизнью в Китае. Была произведена видео и аудио-запись воспоминаний, сделаны копии документов для будущей выставки.

Среди участников встречи оказались и потомки выпускников ХПИ. Отец Киры Борисовны – Борис Константинович Маркевич (12.03.1910, ст. Хэндаохэцзы – 12.05.1999, Красноярск) окончил институт по двум специальностям: инженера-механика (1934) и инженера-электрика (1936). Кира Борисовна передала в дар Дому русского зарубежья им. А. Солженицына фотопанораму города Харбина 1926 года; книгу, содержащую списки членов правления и служащих КВЖД (Харбин, 1918); принадлежавшие её отцу рукопись воспоминаний о годах учёбы в ХПИ, диплом, зачётные книжки и форменную тужурку с вензелем на наплечниках студента Харбинского политехнического института.

Александр Николаевич Тимофеев передал из семейного архива в дар Дому русского зарубежья картину с изображением харбинского Свято-Николаевского собора и несколько номеров журнала о судьбах русских соотечественников в Маньчжурии «Русская Атлантида» (Челябинск). Благодаря его помощи были также получены копии документов Георгия Алексеевича Тялшинского (5.12.1920, Харбин – 14.10.1991, Черногорск, Хакасия): диплома об окончании СМУ и фотографии в форменной тужурке студента. Кирилл Владимирович Попов предоставил для выставки копии документов: аттестата об окончании Технического железнодорожного училища при ХПИ своего отца Владимира Ивановича, и входного билета студента ХПИ, своего дяди Николая Ивановича.

Через публикацию в новосибирской газете «На сопках Маньчжурии» [3, с. 3] была выявлена информация о том, что во Владимире проживает дочь ещё одного выпускника ХПИ – Анатолия Николаевича Иванова-Инина (23.03.1927, Харбин – 05.10.2002, Владимир) – Татьяна (в замужестве Томилова). В личной переписке была достигнута договорённость о предоставлении для выставки копии диплома Анатолия Николаевича на русском и китайском языках. Оказалось, что и мама Татьяны Анатольевны – Екатерина Георгиевна Иванова-Инина (урожд. Бадаева) (род. 08.10.1929, Харбин) – тоже училась в ХПИ, там она и познакомилась с будущим супругом.

Так постепенно наполнился раздел выставки «Из семейного архива», в котором демонстрировались фотографии и вышеназванные документы, предоставленные потомками выпускников ХПИ. Всё это сопровождалось биографическими справками, составленными благодаря помощи родственников. Украшением выставки стали подлинные вещи – форменная тужурка с вензелем на наплечниках студента ХПИ, принадлежавшие Б.К. Маркевичу, и фуражка студента ХПИ

из музейного собрания Дома русского зарубежья, переданная ранее из Сиднея и принадлежавшая Борису Ананьевичу Савранскому. Работа над выставкой продолжилась и после её окончания. Толчком к этому послужила встреча с бывшей харбинкой Людмилой Александровной Соколовой, которая на одной из групповых фотографий, размещённых на выставке, узнала свою маму и её коллегу, работавших в библиотеке ХПИ. Она подтвердила этот факт справками из семейного архива. Для выставки Людмила Александровна предоставила не только справки, но и фотографии своей мамы Юлии Бертольдовны Баландиной (урожд. Бауэр) (22.07.1922, Хайлар, Китай – 15.05.1989, Ивантеевка, Московская обл.) и её коллеги Людмилы Сергеевны Буйновой (урожд. Наумовой) (13.10.1924, Хайлар, Китай – 23.04.1999, Костанай, Казахстан). Соколова назвала и имя заведующего библиотекой – Платон Аркадьевич Казаков (15.01.1896, Николаев – 21.04.1966, Сидней).

Дальнейшие поиски информации о библиотекарях ХПИ привели в Государственный архив Хабаровского края (ГАКХ), где хранится архив БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). В числе прочих там содержатся личные дела Ю.Б. Баландиной, Л.С. Буйновой, П.А. Казакова, а также ещё одной сотрудницы библиотеки ХПИ 1950-х годов – Ольги Павловны Опаринной (в замужестве Петлеванной) (род. 21.05.1923, Харбин). ГАКХ предоставил для выставки копии личных дел на основе которых были составлены биографические справки, а копии отдельных документов и фотографий вошли в экспозицию. За это особая благодарность главному специалисту отдела использования и публикаций ГАКХ Любови Анатольевне Кривченко.

Биографию П.А. Казакова удалось восстановить по публикациям в справочниках и журналах из фонда Дома русского зарубежья. Недостающий номер журнала «Русская Атлантида» с большой статьёй [4] сына Казакова о своём отце передала в дар Дому главный редактор этого издания – Надежда Глебовна Разжигаева. В электронном каталоге современного Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого была найдена брошюра «Список студентов Электромеханического отделения С.-Петербургского политехнического института императора Петра Великого: (выверен в ноябре 1912 г.): 1902–1912 гг.» [13]. На странице 33 этого издания значится фамилия П.А. Казакова, учившегося в институте в 1912–1915 гг. В библиотеке Дома русского зарубежья были выявлены издания, в выпуске которых принимал участие Платон Аркадьевич – книга «Пушкин и его время» (Харбин, 1938), журнал «Церковное слово» (Сидней).

В период работы над выставкой Дом получил в дар журналы «Друзьям от друзей» (Стрэтфилд, Австралия) от Союза окончивших учебные заведения харбинского Христианского союза молодых людей. Их передала Татьяна Владимировна Павлович. Отдельные номера содержали публикацию воспоминаний Ольги Павловны Петлеванной. В конце 1950-х гг. О.П. Петлеванная переехала из Китая к сестре в Австралию. В 1980–90-х гг. работала в Сиднее в Пятой субботней школе русского языка (Свято-Николаевская родительская школа). В 1990 году она совершила поездки в Китай, СССР и США, где повидалась с друзьями юности. Своё путешествие описала в статьях: «В стране нашей юности» [9], «Встреча с друзьями на американском континенте» [10].

Большинство ценных данных о развитии и жизни библиотеки ХПИ опубликованы в журнале «Политехник», куда их прислал Борис Борисович Роган, проживающий в Сан-Франциско (данные на 1973 год) [2].

Таким образом, благодаря Л.А. Соколовой, Л.А. Кривченко, Н.Г. Разжигавой, Т.В. Павлович были частично реконструированы биографии некоторых служащих библиотеки ХПИ 1950-х годов и описана её история. Так появился новый раздел выставки, посвящённый библиотеке института и её сотрудникам.

Библиотека ХПИ была заложена ещё во время создания Русско-Китайского техникума в 1920 году. Каждый учебный год старостат выбирал Библиотечную комиссию, а одному из членов старостата поручалось заведование библиотекой. Количество книг и пособий в фонде не превышало 200–300 томов. Наиболее ценными для студентов являлись отпечатанные на машинке и изданные литографическим путём лекции преподавателей техникума, прочитанные ими в течение академического года или приготовленные заранее, в виде манускриптов.

После преобразования техникума в Политехнический институт администрации удалось приобрести небольшое количество старых учебников и книг по основным и прикладным техническим предметам. Первым штатным заведующим библиотекой, не из числа студентов, был письмоводитель В.Н. Орлов. Размещалась библиотека в небольшой комнате при канцелярии института.

В 1926 году на должность заведующего библиотекой пригласили Платона Аркадьевича Казакова, который, будучи служащим Центральной библиотеки КВЖД (1923–1926), имел необходимый опыт и знания. Ему библиотека ХПИ обязана своей организацией и развитием. В конце 1926-го года для библиотеки отвели две комнаты на нижнем этаже здания, у главного входа в институт. Актёрский зал института оборудовали необходимыми шкафами и стеллажами для хранения книг и журналов, изготовленными по чертежам Казакова. В то время когда актёрский зал не требовался для публичных функций, он предоставлялся под читальный зал.

Число книг в библиотеке стало возрастать. Благодаря установленным связям с книготорговыми организациями, с 1927 года книжный фонд начал пополняться книгами из Советской России, Европы и Америки. Одновременно Казаков был техническим редактором всех изданий института. Под его руководством были составлены каталоги книг и журналов, внедрена картотека для быстрого отыскания нужной книги, выполненная на передовом информационном уровне того времени.

Помощником у П.А. Казакова оставался В.Н. Орлов, выдачу книг осуществляли Г.И. Максимов и Неелов, машинисткой была приглашена Н.Я. Дмитриева. К 1935-му году число книг в библиотеке ХПИ возросло до 10000 томов, и студенты имели возможность получить справку по всем интересующим их вопросам. Платон Аркадьевич заведовал библиотекой в течение 10 лет, а затем он был вынужден покинуть службу в институте. В 1956 году П.А. Казаков уехал в Австралию, в Сидней. Там он преподавал русский язык, занимался научными переводами, литературной и церковно-общественной деятельностью [4]. В 1966 году П.А. Казаков скончался.

Выпускница ХПИ Людмила Станиславовна Зубарева (урожд. Таргонская, 1930–2010) вспоминала о библиотекаря 1950-х гг.: «...Юлия Бертольдовна Баландина работала в библиотеке ХПИ в 1950–54 годах. Она принимала участие в общественной жизни института – была помощником заведующего культотдела и членом местного комитета. Я вспомнила эту милую, доброжелательную к студентам женщину, которая, как Ольга Павловна Опарина и... Людмила Сергеевна Буйнова (Наумова), тоже работавшие в библиотеке, создавали благоприятную атмосферу для занятий с учебниками, книгами справочниками» [3, с. 3].

По-разному сложились судьбы библиотекарей 1950-х. Ю.Б. Баландина в 1954 году выехала с матерью Анной Семёновной Бауэр и детьми Людмилой и Анатолием на освоение целинных земель в СССР, в Казахстан в село Ново-Кубанка Шортандинского района. Работала в МТС «Организатор». В ноябре 1954 года семья переехала в Акмолинск (1961–1992 – Целиноград). Около двадцати лет Юлия Бертольдовна работала в должности кассира областной и республиканских контор Госбанка СССР в Акмолинске, Кокчетаве, Алма-Ате. В 1973 году семья переехала в г. Ивантеевка Московской области. Баландина работала кассиром в Институте повышения квалификации «Минстройдормаш» и сварщицей пакетов в объединении «Мосэлектронкомплекс» Московского управления нетранзитных поставок до выхода на пенсию. Её дочь – Людмила Александровна Соколова – живёт в г. Обнинске Калужской области, где до недавнего времени работала в библиотеке.

Л.С. Буйнова в 1954 году выехала с семьёй в СССР на целину в Казахстан, работала по специальности в Кустанае (ныне Костанай) в различных организациях, в том числе в Кустанайском совнархозе. Последние 18 лет, перед уходом на пенсию (1982), была старшим экономистом «Кустанайэнэрго». Награждена медалями: «За освоение целинных земель», «Ветеран труда».

Обновлённая экспозиция «Путёвку многим в жизнь он дал» в феврале 2016 года была представлена в г. Павлодаре (Республика Казахстан) и имела большой резонанс. Открытие выставки состоялось в Доме Дружбы в рамках вечера «Русский Харбин и Павлодар», организованного Славянским культурным центром Павлодарской области и Музеем А.И. Цветаевой.

Выставка оказалась актуальна для Павлодара, среди жителей которого нашлись бывшие харбинцы, и даже потомки выпускников ХПИ. Многие из них оставили яркий след в истории города, внесли значительный вклад в его культурное становление и развитие. В их числе скульптор Иван Пантелеймонович Лопатин, врач отоларинголог и талантливый фониатор Елена Николаевна Иванова, организатор первой павлодарской оперетты Агния Владимировна Егорова-Лопатина, педагог-авиамоделист Валентин Александрович Ермаков, педагог Валентина Николаевна Флейшер, семьи Горшковых, Чипизубовых и многие другие. Презентация выставки послужила поводом для встречи уроженцев Харбина, проживающих в Павлодаре, у них появилась возможность рассказать о своих судьбах на вечере в Славянском культурном центре, и павлодарцы узнали много нового о земляках.

В День памяти жертв политических репрессий 31 мая Славянский культурный центр и Музей А.И. Цветаевой вновь пригласили на встречу харбинцев-павлодарцев, семьи которых в той или иной мере пострадали от сталинских репрессий. Среди присутствующих оказался ещё один выпускник ХПИ – Евгений Францевич Зентка. Специально для этого вечера в Москве было подготовлено Приветствие от харбинцев из разных городов, включающее их напутственные слова, пожелания, фотографии. Среди тех, кто упоминался в Приветствии, Евгений Францевич узнал свою одноклассницу.

Истории семей павлодарских харбинцев дополнили общую летопись русской эмиграции в Китае. Своеобразным итогом проделанной работы стала радиопередача о выставке «Путёвку многим в жизнь он дал» в Павлодаре, записанная на радио «Русский мир» в авторской программе Натальи Осиповой «Культурный слой» (эфир 16.02.16) [8].

31 июля 2016 года выставка о Харбинском политехническом институте была представлена на ежегодных XX Венёвских чтениях памяти Б.Н. Абрамова в г. Венёве Тульской области. На Чтениях прозвучал и доклад автора «Достижения русских инженеров-эмигрантов, выпускников Харбинского политехнического института». Неожиданно созвучно ему оказалось выступление Н.А. Бикаловой (Москва) об одном из выпускников ХПИ – художнике Владимире Васильевиче Болгарском (Борегаре) (1913, Казань – 1996, Нитерой).

Выставка о ХПИ в Венёве была представлена в ответ на прошедшую в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына выставку «Верхний путь Духа: жизнь и творчество Б.Н. Абрамова», подготовленную Тульским Рериховским исследовательским центром (автор-составитель Н.В. Башкова). Борис Николаевич Абрамов (02.08.1897, Нижний Новгород – 05.09.1972, Венёв, Тульская обл.) – ближайший ученик Н.К. Рериха и Е.И. Рерих, мыслитель, культурный деятель с начала 1920-х по 1959 гг. находился в эмиграции в Китае. Он жил в Харбине, в 1950-е гг. был консультантом китайских преподавателей русского языка и преподавал русский язык в Харбинском политехническом институте.

На открытии выставки в Доме русского зарубежья присутствовали уроженцы Харбина, их прямые потомки, рериховцы. От харбинцев выступила Маргарита Павловна Таут, которая лично знала ученицу Абрамова Н.Д. Спирину. Она рассказала об их совместной работе и переписке.

Работе над выставкой «Путёвку многим в жизнь он дал» был посвящён доклад автора на Всемирном конгрессе выходцев из Харбина, состоявшемся в июне 2017 года в Харбине. Исследование продолжается. Собран материал о преподавателях и выпускниках Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого и других высших учебных заведений Санкт-Петербурга, которые трудились в ХПИ. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына будет чрезвычайно признателен за любые материалы, связанные с историей Харбинского политехнического института и русской эмиграции в Китае в целом.

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАКХ)

2. В.Р. О библиотеке института, и её создателе П.А. Казакове // Политехник. – Сидней, 1973. – № 5. – С. 9–10.

3. Зубарева, Л.С. И снова о ХПИ / Л.С. Зубарева // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск, 2001. – № 85. – С. 3.

4. Казаков, Г.П. О любимом отце Платоне Аркадьевиче Казакове / Г.П. Казаков // Русская Атлантида. – Челябинск, 2000. – № 4. – С. 15–20: фот.

5. Каневская, Г.И. Русский Харбинский политехнический институт и судьба его выпускников / Г.И. Каневская // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – Владивосток, 2010. – № 2. – С. 25–33: фот. – Библиогр. в тексте, в подстр. данных.

6. Каневская, Г.И. Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников: (к 75-летию со дня основания ХПИ) [Электронный ресурс] / Г.И. Каневская // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: [сайт]. – URL: <http://www.bfrz.ru/?mod=static&id=748> (20.10.17)

7. Коренева, М. К семидесятой годовщине ХПИ / М. Коренева // Политехник. – Сидней, 1995. – № 14. – С. 109.

8. Культурный слой: «Путёвку многим в жизнь он дал» [Электронный ресурс] // Русский мир: информ. портал фонда «Русский мир»: [радиопередача: эфир

16.02.16]. – М., 2016. – URL: <http://www.ruskiymir.ru/media/radio2/programs/all/202639/> (20.10.17)

9. Петлевая, О.П. В стране нашей юности / О.П. Петлевая // Дружбам от друзей: ХСМЛ. – Стрэтфилд, 1991. – № 34. – С. 66–69; № 35. – С. 62–65; 1992. – № 36. – С. 30–33; № 37. – С. 65–67; 1993. – № 38. – С. 43–44.

10. Петлевая, О.П. Встреча с друзьями на американском континенте / О.П. Петлевая // Дружбам от друзей: ХСМЛ. – Стрэтфилд, 1996. – № 44. – С. 15–17.

11. Румянцев, В.Д. Первая встреча харбинских политехников в Сиднее / В.Д. Румянцев // Политехник. – Сидней, 1969. – № 1. – С. 15.

12. Салатко, В.Ф. Гидроэлектрический гигант в Южной Америке / В.Ф. Салатко // Политехник. – Сидней, 1995. – № 14. – С. 58–62: ил.

13. Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. Электромеханическое отделение. Список студентов Электромеханического отделения С.-Петербургского политехнического института императора Петра Великого: (выверен в ноябре 1912 г.): 1902–1912 гг. – [Б.м.: б.и.]. – [38 с.].

14. Фотодокументальная выставка «Путёвку многим в жизнь он дал»: к 90-летию Харбинского политехнического института [Электронный ресурс] // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: [сайт]. – URL: <http://www.bfrz.ru/?mod=static&id=739> (20.10.17)

УДК 72 (518.3)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ИВЕРСКОГО ХРАМА В ХАРБИНЕ

С.Ю. Еремин

*Русский клуб в Харбине
г. Харбин, Китайская Народная Республика*

Свято-Иверский храм, построенный по проекту архитектора К.Х. Денисова, по праву считался самым красивым культовым сооружением города Харбина. Он был построен за многие тысячи верст от Москвы по указу российского Императора Николая Второго. Утверждают, что, когда проект был представлен последнему русскому монарху, Императрица и ее сестра Елизавета Федоровна, восхитившись обликом церкви, пожертвовали на его строительство половину сметной стоимости храма из личных средств. Освящен Иверский храм был уже в 1908 году, стройка была завершена очень быстро – за один строительный сезон.

Второе название Иверского храма – Офицерский, потому что построен он был в память о погибших в русско-японской войне 1904–1905 годов русских воинах. Около 54 000 жертв понесло наше Отечество в тех далеких по времени и по удаленности от России сражениях. И как бы мы сегодня ни относились к предыстории, ходу и результатам давнишней войны – память о погибших за Родину священна у любого народа.

Убранство храма было необычно. Здесь находились переданные на вечное хранение иконы и полковые знамена воинских частей, покидавших северо-восток Китая после войны. Росписи стен имели и батальные сюжеты.

Вдоль оконных проемов, рядом с изображениями икон и на сводах храма, были начертаны имена русских героев – Георгиевских кавалеров, получивших эту награду в боях русско-японской войны. Нам удалось по имеющимся старым фотографиям [1] восстановить имена всего 65 (из полуторы тысяч) героев:

№ №	Фамилия	№ №	Фамилия	№ №	Фамилия
1	Емельян Алексеенко	6	Алексей Симонов	11	Григорий Босый
2	Григорий Боговин	7	Афанасий Гребцев	12	Варфоломей Кузнецов
3	Павел Копейкин	8	Петр Пятнов	13	Филипп Мартынов
4	Антон Исаев	9	Петр Колесников	14	Иосиф Сафронин
5	Иван Морокин	10	Павел Стасов	15	Егор Посаженин

№ №	Фамилия	№ №	Фамилия	№ №	Фамилия
16	Федор Урсу	33	Емельян Давыдов	50	Петр Конаков
17	Зотий Богинич	34	Иосиф Фасилисов	51	Иван Фунин
18	Андрей Гусев	35	Иван Иванов	52	Николай Иванов
19	Иосиф Пастикович	36	Андрей Шуйский	53	Степан Хабаров
20	Тимофей Овчинников	37	Сергей Медведев	54	Василий Марыч
21	Кирилл Давысак	38	Сергей Петров	55	Андрей Шнуров
22	Иван Гурник	39	Василий Лебединцев	56	Влас Грибовед
23	Димитрий Черков	40	Михаил Карпенко	57	Афанасий Евреев
24	Василий Бедрин	41	Макар Семенов	58	Сергей Савицкий
25	Теодор Восистый	42	Емельян Третьяков	59	Иван Довженко
26	Прокопий Федока	43	Василий Бабыкин	60	Василий Подшивалов
27	Василий Лекс	44	Григорий Дылда	61	Петр Латынин
28	Иосиф Тимофеев	45	Илья Прищепов	62	Иван Герасьмин
29	Федор Бондаренок	46	Григорий Лессовой	63	Иван Гурьев
30	Иосиф Штац	47	Григорий Заварзин	64	Андрей Колунов
31	Игнатий Фролов	48	Василий Савичев	65	Петр Карымом
32	Степан Горовик	49	Григорий Рыбкин		

У стен и внутри церкви были захоронения русских офицеров [2].

В левом приделе Николая Чудотворца упокоились:

1. Филипп Яковлевич Замесов, полковник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (далее ОКПС), апрель 1920 год.

2. Федор Филиппович Замесов, старший унтер-офицер ОКПС, апрель 1920 года.

3. Останки 103 солдат и офицеров ОКПС, убитых большевиками в апреле 1920 года на реке Хор и похороненных в храме 24 октября 1920 года.

Список всех жертв (129 воинов) имеется. В мае 1920 года специальная комиссия обнаружила и опознала 103 жертвы. Останки были привезены во Владивосток, отпеты в кафедральном Успенском храме, кремированы, помещены в 37 капсул и отправлены в Харбин для упокоения в Иверском храме [3].

В правом приделе Серафима Саровского упокоился

1. Петр Дмитриевич Бутусов, подполковник ОКПС, убит в бою 15.10.1904 года в Порт-Артуре.

У левой стены Иверского храма упокоились [4, с. 296]:

1. Владимир Оскарович Каппель, генерал-лейтенант, 1920 год (останки перенесены на кладбище Донского монастыря, город Москва в 2006 г.).

2. Полковник Аккерман, герой русско-японской войны, 1904 год.

У правой стены Иверского храма упокоились:

1. Протоиерей Сергей Брадучан, инициатор строительства и настоятель Иверского храма, 1940 год.

2. Герасим Дмитриевич Антипас, староста Иверского храма и благотворитель, 1932 год.

В сквере с левой стороны от Иверского храма упокоились:

1. А.Г. Замесова, вдова полковника Ф.Я. Замесова.

2. Инженер Колычев.

3. Владимир Августович Виторский, полковник ОКПС. Умер в Харбине (после 1916 года). Спешенный эскадрон 19-го конного пограничного полка под командой штабс-ротмистра Виторского отбил 8 атак японской пехоты под Ляоляном. После 8-й атаки в строю осталось лишь 15 солдат и ротмистр с 26 ранениями штыками и пулями. Когда об этом узнал Государь, то приказал ротмистра Виторского на личные средства Его Величества отправить к знаменитым врачам в Швецию на лечение. Через 10 месяцев ротмистр Виторский на костылях представлялся Его Величеству. Государь, подойдя к выстроившимся офицерам, к первому подошел к ротмистру и сказал: «Рад видеть вас, ПОЛКОВНИК! Живите и будьте здоровы на славу и радость Родины. Я и весь Русский народ гордится вами и вашими славными ранами». Государь обнял и поцеловал его. Художник Самокиш, по повелению Царя, написал картину подвига, которая была помещена в Эрмитаже, но Государь купил ее себе и повесил в своем рабочем кабинете в Зимнем Дворце, сделав надпись под ней: «Все за одного и один за всех».

4. Александр Владимирович Круглевский, генерал-лейтенант ОКПС, погиб в бою за станцию Даурия в октябре 1921 года, его имя присвоено одной из войсковых частей.

ВСЕГО: 113 русских воинов.

Наружное убранство храма состояло из четырех крупных мозаичных икон:

1. Ростовая икона Иверской Божией Матери на алтарной стене храма, размер 1800 на 4300; 2. Мозаичная икона Иверской Божией Матери на колокольне храма, размер 1200 на 1200; Две мозаичные иконы над южным и северным выходом из храма.

В сложный для Китая период «культурной революции» Иверский храм был закрыт, уничтожены кресты, купола, подкупольные барабаны, мозаичные иконы снаружи и уникальные росписи внутри церкви. Здание храма находилось в плачевном состоянии долгие годы. Даже проехать к нему на туристическом автобусе было непросто – водители считали, что в глубине плотной застройки никаких интересных объектов нет просто по определению.

С 2007 года активисты Русского клуба в Харбине стали проводить у стен храма субботники. Ежегодно убирали мусор, сажали цветы на самодельных клумбах, обнесенных кусками битого красного кирпича. В 2012 году власти Харбина за бюджетные деньги обустроили капитальные клумбы, перекрыли крышу, замостили всю прилегающую территорию тротуарной плиткой или заасфальтировали. Приезжающие к Иверскому храму туристы радовались таким положительным изменениям. Еще начиная с 2006 года ходили упорные слухи о том, что грядут большие перемены.

И летом 2016 г. началась реализация грандиозного проекта строительства Северной площади Центрального железнодорожного вокзала в Харбине. Стали сносить здания, окружающие Иверский храм! Огромное количество многоэтажных домов разбирали с применением кранов, их мощные конструкции были видны всем издали. Бульдозеры и экскаваторы завершали процесс. Масштаб изменений – потрясает! Хочется сказать искреннее спасибо всем китайским руководителям, инженерам и рабочим, осуществившим проект!

Иверский храм в г. Харбине

Вид Харбина в сторону Иверского храма

Русский клуб в Харбине и православная русская община города решили написать обращение к китайскому руководству провинции Хэйлунцзян с просьбой разрешить российским специалистам-реставраторам принять участие в реконструкции храма, чтобы избежать досадных ошибок и неточностей. Ведь восстановление таких сложных деталей исторического объекта, как кресты на куполах,

внутреннее убранство, росписи и мозаичные иконы на стенах церкви, требует много знаний и опыта [1].

Церковь в новом Харбине

Церковь на пристани, г. Харбин

Для того чтобы просьба о привлечении к совместным реставрационным работам наших отечественных специалистов была более весомой, Русский клуб объявил

сбор подписей под обращением. На март 2017 года было собрано 550 подписей и двенадцать писем от различных организаций из России, Китая и Австралии. Все эти материалы были переданы нашими дипломатами китайской стороне, но согласия на проведение реставрации хотя бы части убранства храма силами российских специалистов до сих пор не получено.

Иверский храм. Реконструкция (2017 – н.вр.)

Благодаря сносу прилегающих зданий Свято-Иверский храм смог занять доминантное положение в данном районе – теперь вид на него открывается за несколько сотен метров. Справа от церкви высится новый железнодорожный вокзал, напоминающий своими очертаниями самый первый харбинский вокзал, построенный в начале XX века русским инженером Игнатием Цитовичем. Слева – здание яслей, спроектированное Евгением Уласовцом с сохранившейся уникальной мозаикой автора проекта: «Красная Шапочка и Серый волк». Таким образом, Свято-Иверский храм выполняет завершающую роль в формировании единого архитектурного ансамбля, имеющего большую культурную ценность. Стремление нынешних городских властей к восстановлению исторического облика города, к возвращению идентичности не может не вызывать чувства искренней благодарности и уважения со стороны русских людей, ведь для нас Харбин и его памятники особенно дороги и любимы.

По состоянию на март 2018 г. реконструкция храма не завершена. Работы были приостановлены в декабре, предположительно из-за отсутствия навыков у китайских специалистов в восстановлении элементов русской православной архитектуры. Отсутствуют мозаичные иконы на колокольне и в алтарной части храма, колокола. По непонятным причинам на всех семи куполах харбинского памятника архитектуры, охраняемого китайским законодательством, вероятно, в результате проектной ошибки, вместо традиционных для всех русских храмов православных крестов, установлены непонятного значения шпили. Тем самым нарушена статья № 21 действующего (с уточнениями от 2015 года) «Закона КНР об охране объектов культурного наследия» [5].

Активистом Русского клуба в Харбине архитектором Игорем Киричковым в инициативном порядке разработаны чертежи крестов на куполах, иконостаса и киотов, установлено месторасположение всех росписей на внутренних стенах церкви, созданы модели внутреннего убранства храма в формате 3д [6]. Работы выполнялись с использованием уникальных фотографий, переданных Русскому клубу Иннокентием Суворовым – «старшим харбинцем» из Сиднея [1].

Мы надеемся на то, что самый старый и самый красивый храм Харбина, после восстановления его первоначального исторического облика (с крестами на куполах и мозаичными иконами на стенах) станет важным туристическим объектом северо-восточного Китая. Сколько туристов из разных уголков мира захотят посетить видимый издали памятник русской архитектуры, стоящий на просторной площади железнодорожного вокзала. Сколько слов искренней благодарности скажут они в адрес китайского руководства и жителей города за то, что они сохранили и дали возможность увидеть многим и многим людям великолепие линий и совершенство форм Иверского храма!

1. Суворов, И.Н. Личный фотоархив. г. Сидней, Австралия, 2017.
2. Заика, Н.Н. Схема захоронений у Иверского храма / Н.Н. Заика. – Харбин, 2006.
3. Туровник, Г.С. Материалы по убийству на реке Хор / Г.С. Туровник. – Сидней, 2014.
4. Жилевич, Т. В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинца / Т. Жилевич. – Мельбурн, Австралия, 2000.
5. 中华人民共和国文物保护法, Закон КНР об охране объектов культурного наследия (редакция 2015 г.).
6. Киричков, И.В. Проект реконструкции храма в честь иконы Иверской Божией Матери / И.В. Киричков. – Харбин, КНР, 2017.

УДК 314.743(=161.1)(71)

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩИНЫ КАНАДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Г.А. Казачун
В.А. Хабибулин

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

У Канады, несмотря на широко распространенное мнение о «скромности», «неяркости» ее истории, накоплен богатый опыт мирного, эволюционного пути решения многих проблем. Одним из решающих его факторов, как и всей истории развития страны, является ее разделённость на два государствообразующие сообщества: англо- и франкоканадцев.

История их сложных взаимоотношений наложила особый отпечаток и на эволюцию национальной, иммиграционной, этнокультурной политики: от попыток англонизации франкоязычного населения к признанию его права на сохранение языка, культуры, традиций, «особости» сообщества и, наконец, «нации»; от политики игнорирования прав индейцев, эскимосов, их ассимиляции к закреплению за ними статуса «первых наций» и культивированию самобытной культуры; от запрета на азиатскую иммиграцию и ограничение восточноевропейской, русской к отказу от расовой и национальной дискриминации, принятию концепции (1971 г.) и политики мультикультурализма (одна нация, два официальных языка, много этнических культур, т.е. единство – через многообразие), закреплённой в 1988 г. соответствующим актом [16].

Таким образом, был официально провозглашен плюралистический подход к интерпретации сущности национального сообщества, получивший название мультикультурализма – как модели национальной интеграции. Условием единства политической нации, понимаемой как единство граждан, признается культурное разнообразие ее многочисленных этносов [3].

Страна кленового листа представлена этническими группами практически из всех стран мира. Свой вклад в ее развитие внесли и выходцы из России. Русскоязычные общины Канады, по разным источникам и критериям определения, насчитывают от 158 тыс. до 350–500 тыс. человек. Одна из причин такого расхождения состоит в том, что во многих странах под русскими понимается не этнос, а представители народов, иммигрировавших из России – республик бывшего СССР – русские, украинцы, белорусы, евреи, молдаване, прибалты [18]. По переписи 2006 г., численность русских канадцев несме-

шанного происхождения составила 98 тыс., «частично русскими» позиционировало себя 402 тыс. человек [20].

Крайняя разнородность русскоязычного населения, по разным причинам и в разных условиях переселявшегося в Канаду в течение полутора столетий, его неодинаковая идейно-политическая, религиозная ориентация, классовая принадлежность, образовательный, профессиональный и культурный уровень, предопределяли максимальную мозаичность и разобщенность общины, что препятствовало ее превращению в активного и весомого участника канадской общественной, политической и культурной жизни.

Образ «особой недружности и отчужденности» россиян дополняло и то, что представители практически всех других общин оказывают помощь друг другу с момента въезда и на протяжении всей жизни. В среде российских канадцев отмечалось отсутствие такой крепкой взаимоподдержки и солидарности. Долгое время многие из них, в отличие от других, и славянских, и азиатских этносов, не стремились особо и сохранять свою культуру, традиции, связи с бывшим отечеством.

И все же в истории русскоязычных общин немало страниц сохранения и продвижения русской культуры, оказания помощи России/СССР в годы тяжелых испытаний. Одним из обществ, направленных на продвижение русской культуры, стало Русско-канадское культурно-просветительное общество (РККПО), созданное в 1950 г. в Торонто, продолжающее свою деятельность и в наши дни. Общество основало «Русско-канадский благотворительный фонд культурного наследия», издает журнал «Наследие» (Heritage) [9]. В его деятельности – празднование знаменательных дат российской истории и культуры, фестивали, концерты, выставки, творческие встречи. В 2014 г. Общество присоединилось к празднованию Всемирного дня русского единения, который отмечается российскими диаспорами с 2010 г. [19]. РККПО значительно активизировало деятельность, расширило ее направления с открытием Русского дома Торонто 29 мая 2016 г. Организуются лекции, практические семинары по актуальным для новых иммигрантов проблемам, среди них – финансовые (семинар «Начало финансовой жизни в Канаде. Инвестируйте уверенно»), юридические (лекция «Доступное правосудие. Ваши права: мифы и реальность» и т.д.).

Дальнейшему продвижению великой русской литературы призван содействовать Книжный клуб «Диалог», открытие которого состоялось 7 августа 2016 г. Для самых маленьких русских канадцев разных возрастных групп, от 6 месяцев до 10 лет, открыта Школа раннего развития на русском языке. В школе предлагают занятия, направленные на развитие русской речи, умственных способностей детей, их творческого и эмоционального потенциала. Программа для детей 2–3 и 4–5 лет включает: русский язык (изучение букв и слогов на основе игры, основы чтения); математику (изучение цифр на основе игры, сложение и вычитание); развитие логики, внимания, творческого мышления, фантазии; разучивание стихов; пение; игру на небольших музыкальных инструментах; рисование, живопись, лепку, аппликацию; игру в кукольный театр.

В сентябре 2016 г. состоялся первый в Канаде фестиваль «Православная семья в Канаде: крепкие традиции в воспитании культуре и образовании». Цель фестиваля – познакомить прихожан различных Православных церквей большого Торонто для укрепления православной общины, традиционной семьи и для совместных благотворительных, культурных мероприятий.

Начал работу кружок «Русский язык с увлечением» для разных уровней и возрастных групп. В его программе – обучение чтению и письму; развитие речи; обсуждение рассказов и сказок, произведений русской классической литературы; отработка навыков правильного произношения; обучение выразительному чтению; заучивание стихотворений наизусть; инсценировки детских произведений. Продолжается проведение конкурса детского рисунка «Мой русский мир». Открыт Клуб общения для пенсионеров. В программе клуба: лекции, обсуждения, занятия английским языком, встречи с интересными людьми, экскурсии, информация о системе социальной помощи для пенсионеров, о бесплатных программах и службах, беседы о литературе и искусстве, науке и технике, об истории и жизни в Канаде. Встречи клуба проводятся два раза в месяц: в первую и третью среду. Организован туристический клуб.

Русско-канадское культурно-просветительное общество долгое время оставалось единственной общественной организацией, выступающей от лица русской иммиграции перед различными государственными и общественными структурами Канады. Оно внесло существенный вклад в сохранение и продвижение русской культуры в Канаде, самоопределение русских, «постепенно, капелька за капелькой осуществляя объединение и укрепление русской колонии», расширение многоплановых связей с исторической Родиной [6; 19].

Новое канадское иммиграционное законодательство (введение балльной системы, учитывающей необходимую для страны специальность, уровень профессионализма, экономическую активность, наличие достаточных средств для открытия своего бизнеса и т. д.) изменили состав иммигрантов. Русскоязычная иммиграция последнего десятилетия сильно помолодела (средний возраст около 33-х лет, но все больше 23-летних выпускников вузов и 27–28-летних кандидатов наук); хорошо владеет английским языком, компьютерными технологиями; много работает, инициативна, напориста, предприимчива [15], более прагматична, чаще всего сохраняет русское гражданство, лишена политической предвзятости, у неё нет чувства утраты и изгнания, она сохраняет экономические, культурные связи с исторической родиной, чувство сопричастности к ней и готовность к сотрудничеству. Многим дороги русский язык, культура и традиции.

В условиях бережного сохранения и продвижения многими этническими общностями своей культуры, обычаев и традиций, мощной поддержки государства и общества развития этого многоцветья культур (перспектива имиджа Страны кленового листа в мире), проводимой в контексте политики мультикультурализма, наметились изменения в отношении к культурному наследию исторической родины и в русскоязычных общинах. В последние годы русские организации, предлагающие широкий спектр информационных, культурно-образовательных услуг, создаются как группой лиц, так и отдельными гражданами практически по всей Канаде.

В среде русскоязычных иммигрантов формируется четкое понимание того, что русский язык является частью мирового культурного наследия и его необходимо сохранить для своих детей. Практически во всех провинциях страны, как группой лиц, так и отдельными гражданами, создаются русские школы, центры. Старейшей и самой крупной считают русскую школу дополнительного образования «Грамота», основанную в 1995 г. В программу обучения входит русский язык и литература, русская культура, история и география России, алгебра и

геометрия, химия и физика, русская философия, музыка и другие предметы. В 30-ти классах учится более 600 учеников [11].

Возникла необходимость координации преподавания и изучения русского языка. В 2012 г. была организована Первая Всеканадская педагогическая конференции учителей и директоров дополнительных русскоязычных школ». Тема конференции – «Объединение профессиональных усилий в развитии дополнительного русскоязычного образования на территории Канады». 22 марта 2015 г. в Торонто состоялась первая практическая конференция «Я говорю по-русски» для учителей и родителей русскоговорящих детей–билингвов. «Дети XXI века: мультилингвизм, развитие, успех» – таков ее девиз. Проведение конференции вызвало широкий отклик в русскоязычном сообществе: финансовую и информационную поддержку оказали около 40 организаций – ассоциации бизнесменов, торговые дома, благотворительные фонды, медиа-центры [7].

Стремительно распространяется русский контент в канадском информационном пространстве (газеты, журналы, теле- и радиoprogramмы, веб-сайты), в которых освещаются события в России и Канаде, дается культурная, деловая информация, полезные советы по обустройству и адаптации вновь прибывающим соотечественникам.

Периодические издания ориентируются на широкий спектр интересов русскоязычного населения, различные этнические, социальные и конфессиональные группы. На русском языке выходят телепрограммы «Русские волны», «Утренние волны», «Русская мозаика» и другие. Радиовещание на русском языке осуществляют международная служба государственной телерадиокомпании «Си-Би-Си» (CBC Radio Canada International), «Русские радиоволны» (компания Tokmakov TV Production) [5].

Создан интернет-центр русскоязычных общин Канады. На его сайте представлены, например, Canadushka-Russian Ontario (сайт о жизни в Ванкувере); Russian Speaking Community Hamilton Ontario (сайт русскоязычного общества «Наш дом» г. Гамильтона); «Привет Ванкувер» и многие другие [4].

Крупным событием стало открытие 19 декабря 2003 г. Русской библиотеки в г. Торонто – центра русской книги, русской культуры, русского языка, дома семейного чтения и общения, архива литературного и исторического наследия русской иммиграции в Канаде. В создании библиотеки приняли участие 250 волонтеров, Фонд библиотеки – 15 тыс. экземпляров. Ее девиз: «Русская библиотека – центр культуры и информации в сердце общины» [10].

Открываются драматические театры, музыкальные, танцевальные, художественные студии, центры, школы. В 1999 г. оперным певцом Н. Черкасовым и пианистом А. Картузовым был создан Русский молодежный театр (PMT). Основу репертуара составляют произведения русских писателей и драматургов. Некоторые спектакли были переведены на английский язык и сыграны перед англоязычной аудиторией. В 2004 г. театр впервые получил финансовую поддержку от правительственного фонда Ontario Arts Council на постановку спектакля по пьесе «Горе от ума» А.С. Грибоедова. В 2007 г. театр был награжден российско-канадской ассоциацией бизнеса (Russian-Canadian Business Association) за вклад в культурное развитие молодёжи. В период 2010–2013 гг. PMT дал около 40 представлений в каждом сезоне. В эти годы театр посетили более 6 тысяч зрителей и зрительская аудитория постоянно росла [13].

РМТ играет активную роль в культурной жизни Торонто, организует много мероприятий, направленных на поддержание культурных традиций русскоязычной общины, принимает участие в ежегодных «Русских балах» соотечественников и гостей, в фестивалях, концертах, проводимых в знаменательные дни России и Канады (День России, День Победы, День Канады, Международный день театра и др.). В 2011 г. Генеральное Консульство России в Торонто вручило театру награду за вклад в пропаганду и развитие русской культуры в Канаде. В день десятилетия театра Андрей и Алла Картузовы были награждены грамотами от Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом – «За большой вклад в развитие русскоязычного театрального искусства за рубежом и продвижение русского языка и культуры в Канаде» [1].

На базе Русского музыкально-драматического детского театра в 2002 г. был создан благотворительный Русский театральный центр искусств в Торонто. В 2012 г. Центр объединил под своим именем Русский молодежный театр, образовательный центр «Юность» и Центр интернациональных танцев [14].

Русская община Калгари реализует проект «Сохранение русской культуры», направленный на содействие развитию, популяризации и сохранению русской культуры. Выпускается газета, создаются творческие (театральные, музыкальные, танцевальные, художественные) коллективы, регулярно проходят выставки картин русскоговорящих художников, проходят фестивали русской и украинской культуры, открыт магазин русской детской книги [15].

Значимым культурным событием русскоязычного сообщества стал выход 18 июля 2013 г. русскоязычного литературно-художественного журнала «Новый свет». Как отметила главный редактор журнала А. Жукова, одним из побуждающих факторов к его созданию явилось осознание того, что «в Канаде появились прозаики, поэты, публицисты, ярко и талантливо пишущие на русском языке. Их произведения номинируются и становятся лауреатами литературных конкурсов. Пришла пора объединения всех творческих сил русской Канады» [2].

Таким образом, в условиях политики мультикультурализма наметились изменения и в русскоязычном сообществе: растет его активность по созданию по всей стране русских школ, периодических изданий, театров, культурно-образовательных центров, художественных студий, библиотек, направленных на сохранение и продвижение русской культуры, что, в свою очередь, свидетельствует о наметившейся тенденции к его сплочению.

1. Амис, Я. Молодежный театр в Торонто / Я. Амис // http://www.ruvek.ru/media/rv12__2016.pdf (дата обращения 25.10.2017).

2. Жукова, А. Слово главного редактора / А. Жукова // <http://litsvet.com/index.php/8-litsvet/33-слово-главного-редактора> (дата обращения 20.1.2017).

3. Зайка, К.В. Проблема национальной интеграции в условиях возрастающего этнокультурного многообразия (на примере Канады): автореф. дисс. ... канд. пед. наук / К.В. Зайка. – М., 2010.

4. Интернет-центр русскоязычной общины Канады. // <http://www.canadarussia.com/> (дата обращения 25.04.2016).

5. Казачун, Г.А. Русские канадцы: на пути интеграции и самоидентификации Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции

ции: материалы междунар. науч. конф. / Г.А. Казачун, В.А. Хабибулин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2014.

6. Казачун, Г.А. Русско-канадское культурно-просветительное общество / Г.А. Казачун, В.А. Хабибулин // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй междунар. науч. конф. (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.). – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017.

7. Казачун, Г.А. Русское слово в Канаде: консолидация русскоязычной общины / Г.А. Казачун, В.А. Хабибулин // Культура и цивилизация. – М., 2017, Т. 7, № 1А.

8. Канада. Русскоязычные СМИ. URL: <http://www.polpred.com/free/smi2003/12> (дата обращения 25.04.2009).

9. Наследие // Журнал Русско-канадского культурно-просветительного общества. Осень 2007 – лето 2009. Heritage. Russian Canadian Cultural Aid Society magazine. Fall 2007 – Summer 2009. URL: <https://www.rcchf.ca/heritage/magazine-heritage/> (дата обращения 25.10.2016).

10. Русская библиотека. URL: <http://www.russianlibrary.ca/rlib/ru/content%D0%BA%D0%BD%D0%B8/http://www.%D0%B3> (дата обращения 05.05.2014).

11. Русская школа «Грамота». URL: <http://gramota.com/about/mission-history/> (дата обращения 15.11.2016).

12. Русские в мире, русские общины за рубежом. URL: http://www.russian-club.net/category_153html. (дата обращения 24.04.2013).

13. Русский молодежный театр. URL: <http://www.rctcc.ca/default.php?p=85&qn=11&ln=1>. (дата обращения 24.10.2017).

14. Русский театральный центр искусств в Торонто. URL: <http://www.rctcc.ca/> (дата обращения 24.10.2017).

15. Calgary Russian Community. URL: <http://zarubegom.com/russkaya-obshhina-kalgari/> (дата обращения: 07.04.2016).

16. Canadian Multiculturalism Act URL: <http://www.laws.justice.gc.ca/en/c-18.7/30207.html> (дата обращения 27.09.2014.)

17. Mississauga Russian Community Centre. URL: <http://www.russianmississauga.com/pages/info/html/> (дата обращения 05.05.2009).

18. Multicultural Canada. Encyclopedia of Canada's Peoples. URL: <http://www.multiculturalcanada.ca/Encyclopedia/A-Z/i5/1> (дата обращения 05.09.2014).

19. Russian Canadian Cultural Aid Society. URL: <http://heritagetoronto.org/Russian-cultural-aid-society-community-spaces> (дата обращения 12.09.2016).

20. Statistics Canada. Population by selected ethnic origins by province and territory (2006 census). URL: <http://www40.statcan.gc.ca/101/cst01/demo26a-eng.htm> (дата обращения 18.09.2016).

УДК 314.743(=161.1)(94)

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ПИСЬМА

Г.И. Каневская

*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

Исследование истории российского зарубежья требует привлечения различных видов источников, в том числе официальных документов, связанных, прежде всего, с иммиграционной политикой страны – реципиента, и материалов, созданных самими эмигрантами. Среди последних важным видом источников является эпистолярное наследие русской эмиграции. Анализ письма как исторического источника позволяет извлечь разнообразный фактический материал, являющийся ценным свидетельством очевидца, окунуться в эпицентр мыслей и повседневной жизни эмигрантов. Но, несмотря на значимость эпистолярных источников, при изучении зарубежной России им уделяется меньше внимания в сравнении с другими видами исторических документов. Это замечание относится и к исследованиям по истории восточной ветви русской эмиграции.

В нашем распоряжении оказались письма русской австралийки Л.А. Ястребовой, родившейся и выросшей в Китае, а затем волею политических событий, оказавшейся на пятом континенте. Эти письма и легли в основу написания данной статьи, цель которой на основе их анализа раскрыть информационный потенциал эпистолярного источника для изучения процесса эмиграции и особенностей положения русских в Китае.

Происхождение рассматриваемого источника следующее. Более двадцати лет назад в 1996 г. во время поездки в Австралию автор побывала на заседании редколлегии журнала «Австралиада. Русская летопись». Журнал издавался в Сиднее (1994–2014 гг.) группой русских харбинцев во главе с Н.А. Мельниковой с целью сбора на его страницах материалов по истории русских на пятом континенте. Заседание проходило в доме заместителя главного редактора «Австралиады» Л.А. Ястребовой, где мы с ней и познакомилась. Вскоре между нами началась переписка, которая продолжалась до 2004 г.

Лидия Александровна Ястребова (1922–2004) родилась в Харбине. Отец ее А.М. Кудрявцев, потомственный дворянин, окончил Петербургский политехнический институт и получил специальность инженера-электрика. Вначале он работал на Урале, но в годы Гражданской войны оказался с женой в Харбине, где родилась и училась Лида. В 1937 г. семья Кудрявцевых, с двумя дочерьми, переехала в Дайрен (Дальний), здесь глава семьи после войны занимал должность заведующего «Дальэнерго» (Военно-энергетическое управление Квантунской

области). В 1957 г. Кудрявцевы уехали в Австралию и обосновались в Сиднее. Лидия Александровна с детства занималась музыкой, балетом, живописью, позднее проявились способности к литературному творчеству. В Австралии ее одаренная натура нашла выражение в разносторонней деятельности. Долгие годы она работала в качестве фотографа-портретиста, открыв собственную студию, издала семь книг: сборники рассказов, романы, стихи. Лидия Александровна всегда активно участвовала в общественной жизни русских в Сиднее: около десяти лет была заместителем редактора журнала «Австралиада. Русская летопись» и членом редколлегии литературного журнала «Жемчужина» (Брисбен), принимала участие в выставках Общества русских художников в Сиднее, где демонстрировались ее полотна [1].

Всего в нашем распоряжении 32 частных письма, присланных Л.А. Ястребовой автору статьи за период с 1998 по 2004 г. Все письма, кроме двух, написанных ее рукой красивым разборчивым почерком, отпечатаны на компьютере. Последнее письмо от 27 июля 2004 г., по поручению Лидии Александровны, напечатано ее сестрой Е.А. Якуповой, так как сама она из-за болезни уже не могла работать на компьютере. Вся корреспонденция пересылалась из Сиднея во Владивосток по почте или с оказией, так как, сообщала Лидия Александровна: «К сожалению, ни у кого из членов редколлегии нет E-mail» [2]. Письма Л.А. Ястребовой и документальные материалы, присланные ею, хранятся в архиве автора статьи. Одно из писем (от 17 марта 2002 г.), с ее разрешения, было опубликовано в 2003 г. в сборнике материалов конференции, состоявшейся во Владивостоке [3].

В начале переписки письма носили чисто деловой характер и были довольно краткими. Но постепенно между нами установились дружеские, доверительные отношения, изменился тон писем, возросла степень откровенности, расширились затрагиваемые темы. Письма Лидии Алексеевны сделались более пространными, иногда писались не один день, особенно когда она делилась своими воспоминаниями или отвечала на вопросы автора статьи [4]. Именно эти письма для нас имели наибольшую информационную значимость.

Так, в одном из них она сообщала о ситуации, сложившихся для русских в послевоенном Китае: «Когда в 1945 г. вошла в Китай Красная армия (мы в это время жили в Дальнем), было такое положение, что никто и никуда не мог выехать. Навсегда прощались со страной только арестованные... Не было переписки не только с границей, но даже с Шанхаем и Тяньцзином... У нас было такое ощущение, что мы заперты в клетке, из которой уже никогда не выберемся. Мы при коммунистах прожили 12 лет» [5].

В первые послевоенные годы, как можно судить из другого письма, русские в Китае жили в постоянном страхе. Например, Лидия Александровна привела такой случай. Во время японской оккупации их с сестрой обязали посещать курсы военной подготовки, и всем курсантам приказали сшить себе военную форму цвета хаки, в которой они и сфотографировались, «но когда пришли советские, снимок пришлось уничтожить, чтобы при обыске (что часто бывало) его не обнаружили и не арестовали нас, как японских военных!!! Сейчас это звучит смешно, но тогда это смешным не было». Пришлось переживать Л.А. Ястребова

и по другому поводу, когда она стала свидетелем ареста А.М. Ханжина, сына генерала М.В. Ханжина¹. Оба они снимали квартиру в доме Кудрявцевых [6].

Однако пребывание советских войск в Китае связано у Лидии Александровны не только с негативными воспоминаниями. В том же письме она писала: «Мы в то время много встречали очень интеллигентных, прекрасно воспитанных молодых офицеров». А о советских танкистах, с которыми она и ее подруги были знакомы, сообщала: «Они всем нам четырем девушкам ... подарили по чемодану с разными вещами, взятыми с японских складов, которые нам действительно были очень нужны» [6].

Наиболее информативным оказалось письмо от 3 декабря 2001 г., в котором Лидия Александровна, отвечая на вопросы автора, в деталях описала процесс выезда из Китая русских, отказавшихся в 1954 г. от приглашения советского правительства на целинные земли. Ее рассказ дает яркое представление о тех преградах, которые им пришлось преодолевать, чтобы вырваться в «свободный мир».

Выезд за рубеж или «за речку», как говорили харбинцы, был сопряжен с большими трудностями. Связи с границей не было, информации никакой не поступало, но постепенно положение менялось. Л.А. Ястребова свидетельствовала: «После смерти Сталина прошли слухи о существовании IRO (International Refugee Organization) – Интернациональная беженская организация. Об этом еще боялись говорить открыто, но кое-какие меры были приняты» [7]. Ее отец послал письмо знакомой в Шанхай с просьбой сообщить необходимые сведения об организации, по слухам, помогавшей русским выехать из Китая. «Письмо дошло! Получил ответ, что эта организация действительно существует... Сообщила куда посылать документы (Гонконг. – Примечание Г.К.), а также то, что Всемирный Совет церквей оплачивает расходы по поездке – проезд, содержание в отелях и т.д. Кроме того, сообщила, что в Сиднее живут наши знакомые Кохтенко... и они могли бы быть нашими спонсорами» [Там же]. Это обстоятельство и определило для семьи Кудрявцевых выбор страны пребывания, появилась надежда вырваться из Китая.

Документы на оформление визы в Австралию на всю семью послали втихомолку, указав чужой обратный адрес, и получили ее в конце 1954 г. Далее пришлось хлопотать о гонконгской, транзитной визе. Тогда же Кудрявцевы продали дом. «Получили гроши, наверное, меньше десятой доли его стоимости. Но при коммунистах особенно не поторгуешься», – сетовала Л.А. Ястребова [Там же]. Деньги требовались на проезд семьи до Гонконга.

Получение виз, однако, не означало, что проблема выезда из Китая решена. Как сообщала Лидия Александровна: «Оставалось самое главное – ждать, когда нас выпустят из Китая ... К тому времени у нас, в Дальнем, оставалось русских уже совсем мало, около 100 человек, так как в 1954 году огромная масса уехала на целину ... Все ... или ждали визу, или сидели с визами и ждали, когда их выпустят» [7]. Кудрявцевы, прожив два года в съемной квартире, оказались первой семьей, которая получила от китайских властей право на выезд. Произошло это в конце 1956 г. «Представляете, как мы нервничали, что виза может закончиться?

¹ Михаил Васильевич Ханжин (1871–1961) – генерал от артиллерии (1919), один из руководителей Белого движения. В Китае возглавлял Дальневосточный отдел РОВС. В сентябре 1945 г. был арестован органами СМЕРШ и 10 лет провел в лагерях.

Давалась она на три года», – делилась своими переживаниями в письме Л.А. Ястребова [Там же].

Новые проблемы поджидали Кудрявцевых в Советском консульстве, где нужно было сняться с учета, но там им заявили, что их не выпустят. «Мы были в отчаянии. Это положение длилось целую неделю. У нашего папы за эту неделю появилась седина в волосах. В Тяньцзине мы уже сняли две комнаты в отеле, и мы за них уже платили, уже пианино уехало на пароходе в Тяньцзин, мы все уволились с работы, а выехать не можем! Это был ужас», – и через много лет пережитые волнения вызывали у Лидии Александровны сильные эмоции [7].

В конце концов, выезд все же состоялся, и, по мнению Л.А. Ястребовой, причина была в следующем: «В то время у китайцев с советскими были испорчены отношения, и китайцы, как видно, обозлились, что они, китайские власти, дали разрешение, а советское консульство отказывает, и каким-то образом нам разрешение все-таки вышло». «Фактически китайцы хотели освободиться от русских», – считала Лидия Александровна [Там же].

По ее сведениям, русским, покидавшим Китай в 1956 г., можно было взять с собой только по 10 американских долларов на человека, им запрещалось вывозить фотографии, приклеенные к альбому (а вдруг под ними что-то есть), и брать с собой рукописные материалы. «Мне так жалко было жечь свои дневники, которые я вела с 9 лет! ... У меня было 4 толстых тетради», – с болью вспоминала Л.А. Ястребова [Там же].

Она писала: «Я знаю, что некоторые ловко спрятали деньги в свои вещи и привезли в Австралию большое их количество, но наш папа сказал, что ни в коем случае нельзя рисковать. Мы должны сделать все, чтобы нас не смогли оставить в Китае (или, еще хуже, посадить в тюрьму)». Тем не менее, ей все же пришлось изрядно поволноваться, когда китаец-таможенник в течение часа проверял ее чемодан с фотографиями, перебирая по одной и называя имена тех, кто на снимках. Но, как писала Лидия Александровна: «Самое главное – мы вырвались на свободу» [Там же].

До Тяньцзиня Кудрявцевы доехали поездом и на пароходе отправились в Гонконг, где прожили 6 недель. В Австралию с группой других эмигрантов они были доставлены самолетом. «Расходы на переезд и проживание в Гонконге надо было потом выплачивать, – свидетельствовала Л.А. Ястребова. – Помню, как мы посылали ежемесячно очень маленькую сумму (чуть ли не один паунд²), пока весь долг не был выплачен. Пожилых людей, в том числе наших родителей, освободили от выплаты долга» [Там же].

Воспоминания Л.А. Ястребовой о жизни русских в послевоенном Китае и перипетиях выезда из него нашли отражение не только в письмах, но и легли в основу написанной ею повести «Это началось в Дальнем», опубликованной в 1999 г. [8].

Итак, анализ писем Л.А. Ястребовой приводит к выводу, что субъективные мнения и высказывания, выраженные в частной переписке, несут значительную информацию, которую нельзя обнаружить в других видах источников, и позволяют получить представление о мировоззрении не только автора

² Паунд – от англ. round – фунт. Имеется в виду фунт стерлингов – валюта Австралии (1910–1966 гг.).

письма, но через него, как носителя системы ценностей, всей эмигрантской массы в целом.

1. Малиевская, Т.Н. Светлой памяти Лидии Александровны Ястребовой / Т.Н. Малиевская // Жемчужина. – Брисбен. – 2004. – № 20. – С. 5; То же // Единение. – Сидней. – 27 августа 2004.

2. Ястребова Л.А. – Г.И. Каневской от 10 января 1999 г.

3. Ястребова, Л.А. Письмо из Австралии / Л.А. Ястребова // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества: матер. третьей междунар. науч.-практ. конф. – Владивосток: «Комсомолка» ДВ, 2003. – С. 259–263.

4. Ястребова Л.Я. – Г.И. Каневской от 3 декабря 2001 г. – 4 с.; 30 сентября 2002. – 4 с.; 5 марта 2004. – 4 с.; 5 марта 2004. – 4 с. // Архив Г.И. Каневской.

5. Ястребова Л.А. – Каневской Г.И. от 3 декабря 2001 г. // Архив Г.И. Каневской.

6. Ястребова Л.А. – Каневской Г.И. от 30 июня 2001 г. // Архив Г.И. Каневской.

7. Ястребова Л.А. – Каневской Г.И. от 3 декабря 2001 г. // Архив Г.И. Каневской.

8. Ястребова (Кудрявцева), Лидия. Это началось в Дальнем. Повести, рассказы, воспоминания. Рисунки автора. – Сидней, Австралия, 1999. – 200 с.

УДК 314.743 (=161.1) (518)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

И.К. Капран

*КГА ПОУ «Энергетический колледж»
г. Владивосток, Россия*

Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (ПКО РГО) – Общество изучения Амурского края (ОИАК) – старейшая на Дальнем Востоке России научно-просветительская общественная организация, основанная инициативной группой жителей Владивостока в 1884 г. В настоящее время ОИАК является региональным отделением Русского географического общества и объединяет около 400 членов, среди которых известные деятели науки и культуры, представители творческой интеллигенции.

В марте 2016 г. в Приморском краевом отделении Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края (ПКО РГО – ОИАК) была создана новая секция «Дальневосточный информационно-культурный центр «Русское зарубежье» (ДИКЦ «Русское зарубежье»). Цель создания секции – объединение исследователей на основе создания комплексного центра, формирующего фонд памятников духовной и материальной культуры русской эмиграции, органично сочетающего функции музея, архива, библиотеки, научно-исследовательского, информационно-издательского и культурно-просветительского центра. Основная деятельность центра всецело посвящена историческому феномену «Русское Зарубежье», а также развитию отношений и укреплению связей с соотечественниками за пределами России [5].

Секция объединила членов ПКО РГО, которые долгие годы ведут исследовательскую работу по истории русской эмиграции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: А.А. Хисамутдинов (д-р ист. наук, профессор ДВФУ), А.В. Колесов (директор издательства «Рубеж»), Т.Н. Калиберова (хранитель архива поэтессы Л. Андерсен), З.Ф. Моргун (канд. ист. наук, профессор ДВФУ), А.М. Буяков (председатель ПРО РГО – ОИАК), Л.К. Лысенко (канд.

техн. наук, профессор МГУ им. адм. Г.И. Невельского), М.Б. Сердюк (д-р ист. наук, профессор ДВФУ) и др. Председателем секции была избрана И.К. Капран (канд. ист. наук, доцент МГУ им. адм. Г.И. Невельского).

За непродолжительный период работы секции были проведены интересные встречи и мероприятия. Самые значительные из них отражены в данной статье. Уже на первых заседаниях секции обсуждался вопрос о возможной поездке в Харбин. Поездка в Харбин была осуществлена 11–15 июля 2016 г. группой членов секции, в составе: И.К. Капран, Е.В. Соболевская, Л.И. Кознова, В.Л. Назарова [4]. Организационную поддержку по приему и выполнению намеченных группой мероприятий предоставил председатель исторической секции Русского клуба в Харбине, член секции С.Ю. Еремин. В результате посещения Харбина члены секции побывали на памятных местах русского присутствия – это захоронения советских воинов, русский участок кладбища Хуаньшань, Иверский храм, Старый вокзал, где установлен камень с надписью на китайском языке об истории строительства КВЖД. Большое впечатление оказало посещение кладбища Хуаньшань, где покоятся русские строители КВЖД, священники, представители воинства и интеллигенции. Состоялась экскурсия в музей Харбинского политехнического института, ныне Харбинского технологического университета. Экскурсия завершилась встречей с руководителем отдела экскурсионной работы Ши Лао-ши. В музее широко представлена роль русских и советских специалистов в развитии этого вуза в период 1920–1950-е гг. Сейчас это один из ведущих технических вузов Китая, приоритетное направление развития которого – космические технологии [4].

Большое впечатление на членов группы оказало посещение частного музея Андрея Лиляна [4]. Он собрал обширную коллекцию книг, предметов быта и мебели, оставшихся от русских жителей. Узнав о нашем приезде, Андрей изъявил желание познакомиться с нами. На встречу пришли и китайские исследователи, владеющие русским языком: Юй Сяоцян – научный сотрудник Института по изучению России Хэйлунцзянского университета, Сы Хунган – заведующий кафедрой русского языка Института международного сотрудничества по образованию Харбинского Инженерного университета, Лю Цуньин – научный сотрудник Института административного управления Хэйлунцзянского университета. Китайских исследователей интересовали перспективные планы новой секции ОИАК и возможные совместные проекты. С удовольствием наша группа посетила Русскую деревню на Солнечном острове. Сейчас это популярное место отдыха жителей города и туристов. Домики, оформленные в русском стиле, огороды и палисадники оставили приятное впечатление и восприятие китайского опыта туристического бизнеса. На основе материалов поездки была издана книга [4].

На Второй международной научной конференции «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции» [1], которая состоялась 12–14 октября 2016 г., приняли участие и выступили с докладами члены секции: И.К. Капран, А.М. Буяков, М.Б. Сердюк, Т.Н. Калиберова, С.Ю. Еремин. Учредителями конференции выступили Дальневосточный федеральный университет, Дальневосточный юридический институт МВД, Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына, Общество изучения Амурского края. В ходе конференции состоялось знакомство членов секции с представителями русской диаспоры Австралии: М.М. Овчинниковым – атаманом сводной ка-

зачьей станицы Австралии, создателем первого Русского музея в Австралии и Л. Ларкиной – редактором журнала «Австралийская лампада».

По приглашению директора 1-го Русского музея в Австралии М.М. Овчинникова на празднование первой годовщины музея состоялась поездка в Австралию 14–26 мая 2017 г. представителей секции – И.К. Капран, Л.И. Козновой, В.Л. Назаровой [2] и участие в мероприятиях, связанных с деятельностью Русского клуба в Сиднее и 1-го Русского музея в Австралии. Русский клуб в Сиднее был создан более 60-ти лет назад русскими эмигрантами с целью сохранения русской культуры и традиций. Представители секции побывали на некоторых мероприятиях клуба: на концертах в честь Дня победы 9 мая и посвященном творчеству А.С. Пушкина. Большое впечатление оставили вокальные выступления представителей молодого поколения русской общины, исполнявших романсы на стихи А.С. Пушкина [2].

1-й Русский музей в Австралии был организован в 2016 г. по инициативе М.М. Овчинникова – атамана сводной казачьей станицы Австралии. Он приобрел здание и профинансировал создание музейной экспозиции. Экспонаты музея размещены в 5 залах, представленные темами: История старообрядчества, Казачество в России, Русский Харбин. В просторном холле на передвижных стендах представлены тематические выставки и здесь же проводятся лекции и собрания актива музея. Комплексы экспонатов содержат книги, периодические издания, фото, предметный ряд. Экспозиция построена в тематико-хронологическом порядке, сопровождается этикетажом и пояснительными текстами. Для создания у гостей из России благоприятного впечатления от поездки, нельзя не подчеркнуть значительную роль прекрасных гидов, сопровождавших представителей секции в Сиднее: четы Иннокентия Николаевича и Натальи Борисовны Суворовых и Александра Сергеевича Пенязева. Благодаря поездкам в их сопровождении мы увидели животный мир Австралии в зоопарке и океанариуме, познакомились с природными парками Голубые горы, Форест рейн, посетили здание австралийского парламента в столице Канберре [2].

В ходе поездки 23–25 мая 2017 г. удалось побывать в г. Брисбене. Нас любезно, с русским гостеприимством, пригласила в свой дом Людмила Ларкина, редактор журнала «Австралийская лампада». Людмила Леонидовна познакомила нас с деятельностью литературно-художественного салона «Лампада» под ее руководством, который объединяет всех желающих попробовать свои силы в развитии своих, иногда скрытых, творческих способностей. Салон проводит литературные вечера, музыкальные встречи, концерты, конкурсы чтецов. Многообразие видов работы с посетителями салона способствует привлечению внимания к его деятельности со стороны новых представителей русской общины Брисбена. Мы не могли не обратить внимание на многогранность личности самой Людмилы Ларкиной – она поэт, писатель, художник, коллекционер, историк, журналист, музеевед. Ее живописные картины с русскими пейзажами передают ее любовь к своей Родине – России. Благодаря Людмиле нам посчастливилось встретиться с Мариной Поллард, которая занимается изучением истории российских консульств в Австралии, с Константином и Валентиной Русаковыми и Вики Кадниковой, представителями русской общины в Брисбене. Экскурсия Людмилы «Православный Брисбен» оставила неизгладимое впечатление от силы духа русских людей, которые, несмотря на свое положение беженцев, строили православные храмы, сохраняли веру и переда-

вали православные традиции своим детям. Поразили своей красотой росписи Свято-Николаевского собора, выполненные в византийском стиле с большим мастерством. В целом, наша поездка в г. Брисбен была насыщенной впечатлениями и закончилась нашим прибытием 26 мая в Сидней, на торжественный вечер, посвященный годовщине 1-го Русского музея в Австралии [3]. На празднование первой годовщины музея присутствовали посол и консул РФ в Австралии, представители Русского клуба и актива музея, В. Кузьмин – редактор газеты «Единение», Л. Ларкина-редактор журнала «Австралийская лампада» и другие, в общей сложности более 50 человек. Директор музея М.М. Овчинников вручил многим гостям благодарственные письма за их вклад в развитие музея. 27 мая мы уже улетали в Россию, но память о встречах с русскими людьми в Австралии мы увезли с собой бесценным багажом и надеемся на развитие дальнейших связей с соотечественниками для продолжения изучения истории русской эмиграции.

В 2017 г. деятельность секции была ознаменована значительными событиями, которые внесли существенный вклад в ее развитие. Член секции С.Ю. Еремин, как представитель Русского клуба в г. Харбине, участвовал в работе Координационного совета российских соотечественников, состоявшегося в Шеньяне 5–6 апреля 2017 г. На этом ежегодном мероприятии обсуждались вопросы о восстановлении православных храмов, кладбищах с русскими захоронениями, о развитии движения «Бессмертный полк» [5]. Также С.Ю. Еремин принял участие в работе Всемирного конгресса харбинцев, состоявшегося 26–28 июня 2017 г. в г. Харбине [5]. Программа мероприятий конгресса включала: День русского языка, посещение Покровского храма и мемориального участка кладбища Хуаньшань, симпозиум в гостинице «Модерн», посещение экспозиции Музея русской эмиграции и др. На конгрессе были представители трех диаспор харбинцев: еврейской, польской, литовской. Из Австралии прибыли представители русской общины Л. Ларкина, А. Пенязев, Н. Заика, В. Иванов, Н. Мустафина. С российской стороны в работе конгресса приняли участие представители Омской ассоциации харбинцев, А.А. Хисамудинов, Н. Егорова от Дома русского зарубежья им А.И. Солженицына. По итогам работы конгресса принято решение о создании Ассоциации бывших харбинцев.

22 июля 2017 г. Орр Петрович Чистяков-Янковский, правнук Михаила Ивановича Янковского, почетного члена ОИАК, внесшего огромный вклад в становление Дальнего Востока России, сын известной поэтессы Виктории Янковской, передал в дар ПКО РГО – ОИАК уникальный архив своей семьи. Архив был привезен из Калифорнии и включает в себя фотографии, письма, дневники и различные записи членов семьи Янковских более чем за сто лет. Часть материалов, в первую очередь дневники Маргариты Михайловны, Виктории Юрьевны и Музы Юрьевны Янковских, легла в основу вышедшей во Владивостоке книги «Шорохи прошлого» [6]. Постепенная передача книг и документов семьи Янковских во Владивосток идет уже не первый год. Еще сама Виктория Юрьевна Янковская, посещая Владивосток, передавала книги из своей библиотеки в библиотеку ПКО РГО – ОИАК. В сентябре 2016 г. член ПКО РГО – ОИАК Е.Н. Сергеева привезла из Калифорнии книги, принадлежавшие Орру Петровичу Чистякову-Янковскому и Виктории Юрьевне Янковской. Основную часть архива, передаваемого в ПКО РГО – ОИАК, систематизировала Елена

Николаевна Сергеева, историк рода Янковских. Именно она последние три года занималась разбором, оцифровкой и каталогизацией всех материалов. Архив уникален по своему содержанию. Условно его можно разделить на четыре части: первая – письма членов и друзей семьи друг другу, вторая – рукописи и дневники, третья – объёмный фотофонд, четвертая – книги. Большая часть книг, переданных потомками рода Янковских, являются изданиями известных и мало известных авторов, изданных в Харбине, Шанхае, Париже, Нью-Йорке и в других местах русского присутствия [6].

Член секции, известный журналист Т.Н. Калиберова провела презентацию фильма о судьбе знаменитого отеля-театра-ресторана «Модерн» в Харбине, проинформировала о его авторах и создателях, а после просмотра подробно рассказала о Выставке истории и культуры русской эмиграции в Харбине, проходившей с 10 по 15 августа 2017 г. [5]. Выставка была организована по инициативе администрации г. Харбина и китайской корпорации «Модерн». В ней приняли активное участие с русской стороны Центр изучения дальневосточного зарубежья и Амурский государственный университет (г. Благовещенск), Государственный музей-институт семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург), Государственный литературный музей (г. Москва), Тамара Калиберова, член ОИАК, хранитель и исследователь собрания Л. Андерсен (г. Владивосток). Посетителям выставки представлены около полутысячи экспонатов, которые познакомили с историей КВЖД, театра, музыки и кинематографа первой половины XX века. В центре экспозиции была судьба знаменитого отеля-театра-ресторана «Модерн», а также китайские страницы жизни учёного философа, художника Николая Рериха (более 40 его картин и репродукций) и блистательного Александра Вертинского (звучали редкие записи песен в его исполнении). Известная поэтесса и танцовщица дальневосточного зарубежья Ларисса Андерсен выступала на сцене театра «Модерн» в конце 1930-х годов, лично знала семью Рерихов и Александра Вертинского. На выставке были представлены её сценические костюмы и подиумные наряды. Тамара Николаевна рассказала о планах правительства Харбина на реставрацию отеля «Модерн» и сохранение в нем наследия русской культуры начала прошлого века [5].

По представлению Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» ПРО РГО – ОИАК, Т.С. Гартунг стала участницей 20-й Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный Двор»-2017 (26–28 сентября 2017 г., г. Владивосток), на которой от редколлегии журнала «Австралиада – русская летопись» представила многотомное издание «История русских в Австралии» и получила почетный диплом [5]. С большим интересом участники выставки знакомились с русскими изданиями из Австралии, представленными Татьяной Сергеевной, и слушали ее выступление о многолетней деятельности редколлегии по документированию истории русских жителей пятого континента. В программе выставки «Печатный Двор» были встречи с директорами издательских компаний, писателями, поэтами и другими интересными людьми. Но самыми интересными и многочисленными по составу были гости из Канады и Чили – потомки известного революционера-народовольца, владивостокского мецената и натуралиста, действительного члена ОИАК Б.Д. Оржих, их группа насчитывала 9 человек [5]. Цель их визита во Владивосток – увидеть места пребывания своего прадеда. В памятном вечере «... Сквозь ветер на все времена», прошедшем 25 сентября 2017 г. в актовом зале Приморской краевой биб-

блиотеки М. Горького, в качестве докладчика выступил председатель ПКО РГО – ОИАК А.М. Буяков. Он дал краткую информацию о периоде начала 1900-х гг., когда Б.Д. Оржих вел революционную деятельность, находясь в Нагасаки. Борис Оржих являлся действительным членом ОИАК, участвовал в его работе и даже арендовал у Общества теплицу для ведения своей предпринимательской деятельности [5]. 28 сентября в рамках работы секции уже в стенах ОИАК состоялась памятная встреча с потомками Б.Д. Оржиха.

Таким образом, секция ПРО РГО – ОИАК Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» за период 2016–2018 гг. стремится выполнять поставленные перед собой задачи и надеется в перспективе своего развития на открытие Музея русской эмиграции во Владивостоке.

1. Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: вторая международная научная конференция, Владивосток, 12–14 октября 2016 г.: программа и тезисы. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 402 с.

2. Гости из Владивостока // Единение. – 2017. – 29 мая. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3755/>

3. Годовщину первого Русского музея в Австралии отметили в Сиднее. Единение, 6 июня 2017 г. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3762/>

4. Соболевская, Е.В. По местам русского присутствия в Харбине / Е.В. Соболевская. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2016. – 65 с.

5. По материалам сайта ПРО РГО – ОИАК. URL: oia.ru

6. Янковская, М.М. Шорохи прошлого: Дневники, мемуары, письма / М.М. Янковская, М.Ю. Янковская, В.Ю. Янковская. – Владивосток: Рубеж, 2017. – 632 с.

УДК 518.3+470.23-25

ХАРБИН И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М.В. Кротова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия*

Харбин, как город, возникший в Маньчжурии в связи с постройкой Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), был с самого начала своего существования тесно связан с Санкт-Петербургом. Достаточно сказать, что Правление Общества КВЖД находилось в Петербурге, и в Российском государственном историческом архиве в фонде 323 «Правление КВЖД» содержится более 20 тыс. дел [6]. Харбин был спланирован и построен петербургскими архитекторами и инженерами [12, с. 187–266; 14, с. 177–181], даже названия улиц и проспектов Харбина напоминали о Петербурге – Большой проспект, Садовая и Разъезжая улицы, «линии» на Пристани, а район Харбина Модягоу, где селились небогатые русские эмигранты, называли «Царским селом».

Петербуржцы – те, кто родился и вырос в Петербурге или учился в нем – появились в Маньчжурии с конца XIX в. одновременно с постройкой КВЖД. Они служили на железной дороге и в частях Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, организовывали здесь предприятия, русские школы и газеты. Бессменный управляющий КВЖД с 1903 по 1918 гг. генерал Д.Л. Хорват, окончивший Николаевское инженерное училище, был тесно связан с Петербургом, а его жена – К.А. Хорват была дочерью известного художника А. Бенуа. Родственники Д.Л. Хорвата благодаря петербургским корням передали часть семейного архива генерала в Музей семьи Бенуа в Петергофе.

Помощник Управляющего КВЖД до 1915 г. князь С.Н. Хилков, участвовавший в строительстве КВЖД, окончил Институт инженеров путей сообщения императора Александра I в Санкт-Петербурге, активно участвовал в общественной жизни Харбина. Достаточно сказать, что он состоял одновременно членом многих харбинских обществ: с 1906 г. – почетный председатель строительного комитета по сооружению Православного храма на Пристани; с 1907 г. – почетный член Харбинского пожарного общества, почетный член русского фото-кино-клуба в Харбине, председатель попечительского совета Харбинских коммерческих училищ, председатель комитета старшин Харбинского Желсоба, председатель совета Харбинского отделения Русского императорского технического общества, почетный член харбинского общества

любителей охоты и рыболовства; с 1909 г. – почетный мировой судья Пограничного окружного суда [6, оп. 9, д. 5719, л. 3].

После революции русская колония в Маньчжурии значительно увеличилась в связи с потоком беженцев. Харбин стал одним из центров русской эмиграции, убежищем, где спасались от большевистского террора политические и военные деятели, предприниматели и коммерсанты. М. Осоргин в одной из своих статей утверждал: «В эмиграцию ушел главным образом Петербург. <...> На Дальний Восток ушла через Сибирь провинция» [15, с. 467]. Но это не так. В Харбине после революции оказалось много людей, родившихся и выросших в Петербурге, получивших здесь образование, связанных родственными или дружескими связями с этим городом. Среди петербуржцев в Харбине было много людей высокого культурного уровня – военные, инженеры, ученые, журналисты, которые организовали учебные заведения, предприятия, привнесли в Харбин интенсивную интеллигентную жизнь. Так, многие офицеры, оказавшиеся в Харбине, учились в Петербурге, в том числе в Императорской Николаевской военной академии (Генерального штаба) – генералы А.И. Андогский, В.И. Сурин, Г.И. Клерже, В.Н. Касаткин, полковники Е.И. Гриневский, Е.М. Дубинин, Я.Я. Смирнов и другие. Военными чинами в 1920-х гг. в Харбине были организованы «Общество воспитанников Петербургского кадетского корпуса», «Общество русских офицеров генштаба в Северной Маньчжурии», «Общество офицеров императорской гвардии», «Объединение бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища» и другие организации [3, ПДМБ 4704-ар, лл.1-5].

Многие из инженеров, оказавшихся в Харбине, окончили институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге и служили на КВЖД: В.И. Александров, В.К. Вельс, П.Ф. Козловский, Б.В. Остроумов, В.А. Барри, В.Е. Поппель, Ф.Э. Салатко-Петрище, Л.А. Устругов и др. Среди них были и китайские инженеры, работавшие на КВЖД, например, Фань Цигуань и Чен Хань, окончившие институт в 1909 г. [8, оп. 1, д. 591, л. 1375]. Среди петербуржцев, служивших на КВЖД, были инженеры-технологи, окончившие Технологический институт в Петербурге, – С.И. Данилевский, А.Х. Калина, В.Д. Лачинов, и инженеры-электрики, окончившие Петербургский электротехнический институт – А.А. Затеplinский, В.А. Кулябко-Корецкий, и горные инженеры, выпускники Горного института – Э.Э. Анерт, А.Н. Вертячих, Н.И. Морозов.

Некоторые из инженеров оставили о себе память в Петербурге. Так, Владимир Андреевич Барри (1876–1959), выпускник Института инженеров путей сообщения в 1902 г., специалист по железобетонным конструкциям, с 1907 по 1915 гг. имел строительную контору в Петербурге. Он участвовал в строительстве Народного дома, здания Азовско-Донского банка, надстройки 4 этажа Европейской гостиницы, стапелей Балтийского судостроительного завода, здания Невской ниточной мануфактуры, железобетонных сводчатых перекрытий нескольких церквей, нескольких мостов и проч. В начале 1921 г. В.А. Барри прибыл в Харбин, поступил на службу в Правление КВЖД инженером технического отдела. Одновременно он преподавал в Харбинском политехническом институте и проектировал здания и сооружения в Харбине, сохранившиеся до наших дней [6, оп. 13, д. 85, л. 8].

На КВЖД работали экономисты, окончившие в Петербурге Политехнический институт по экономическому отделению: Т.В. Бутов, К.А. Голиков, А.В. Жернаков, а также выпускники экономического отделения юридического факультета Петербургского университета – К.И. Зайцев, Н.С. Зефилов, И.А. Михайлов, П.А. Чистяков, и востоковеды, окончившие восточный факультет Санкт-Петербургского университета: Г.Г. Авенариус, И.С. Скурлатов, Л.Г. Ульяницкий. В Харбине после революции оказалось много юристов – выпускников юридического факультета Петербургского университета (Г.К. Гинс, Г.А. Богданов, Л.А. Зандер, Л.И. Изотов, К.В. Иогель, Б.В. Люба, М.А. Антик, Г.Л. Миленко, В.А. Морозов, В.В. Пушкарев, А.В. Савицкий, Н.К. Федосеев, В.В. Энгельфельд, Б.М. Попов, К.С. Ган), Александровской военно-юридической академии (генерал А.В. Сычевский, Г.Г. Сатовский-Ржевский, Е.Х. Нилус) и др.

В Харбине в 1920-х гг. не без помощи петербуржцев и их интеллектуального потенциала появились высшие учебные заведения и гимназии, новые научные общества, газеты и журналы, симфонические оркестры, театральные и оперные труппы, музыкальные школы. По словам профессора Г.К. Гинса, прибывшего в Харбин в 1920 г., культурная жизнь в Харбине «расцвела после определенной стагнации» [2, оп.16, кат.1, кадр 199]. В Харбинском политехническом институте, на Юридическом факультете, в Институте ориентальных и коммерческих наук, Педагогическом институте, Северо-Маньчжурском университете преподавали многие профессора и доценты, начинавшие свою карьеру в Петербурге: профессора В.В. Ламанский, Г.К. Гинс, В.В. Энгельфельд, К.И. Зайцев, Л.А. Устругов, преподаватели Н.И. Морозов, В.А. Барри, Е.Х. Нилус, В.И. Сурин, А.И. Андогский, Г.Г. Авенариус, Л.Г. Ульяницкий, А.Д. Воейков и др.

Многие петербуржцы работали учителями в гимназиях и школах, давали частные уроки. Среди них было немало женщин, как, например, окончивших Высшие (Бестужевские) женские курсы в Петербурге Е.Д. Ильина и В.А. Ивашкевич. Благодаря преподавателям и учителям, работавшим в харбинских учебных заведениях (в русских гимназиях обучали по программам дореволюционных русских школ), в Харбине сохранился петербургский выговор, «эталонная» русская речь, так что офицеры и солдаты Красной армии, прибывшие в Харбин в августе 1945 г., удивлялись «нетронутому» петербургскому произношению [16, с. 86].

Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК) в Харбине, которое много сделано для исследования разных сторон жизни Северо-Востока Китая, основали в 1922 г., в основном, петербуржцы [18, с. 97–98]. Э.Э. Анерт (1865–1946) – известный геолог, один из основателей общества, происходил из известной немецкой петербургской семьи. Его дед – Э.Х. Анерт (1790–1846) был архитектором, академиком Академии художеств, отец – инженером-строителем. Э.Э. Анерт окончил Александровский военный корпус (1883), Петербургский горный институт (1889). В своих воспоминаниях об образовании и деятельности ОИМК он утверждал: «Жизнь ему давало сравнительно небольшое ядро живых и инициативных лиц, а именно: метеоролог Павлов, зоолог Яковлев, ботаник Скворцов, ботаник-пчеловод Гордеев, геолог Анерт, экономист Моляревский, археолог Толмачев, восточник Шкуркин и др. Главная ценность деятельности Общества лежала в исследовательской работе. <...> Общество делало большое и важное дело, постепенно шаг за шагом раскрывало тайны края, изучая природу

человека и его деятельность..., и делало это почти впервые, т.к. до того Северная Маньчжурия приезжими исследователями изучалась лишь по немногим маршрутам» [5, оп.1, д. 56, л. 354–355].

Ученые в 1920-х гг. сохраняли контакты с петербургскими коллегами, активно переписываясь, посылая научную литературу, выписывая необходимые книги. Так, в архиве РАН сохранилась переписка Б.В. Скворцова, ботаника, сотрудника ОИМК, окончившего Петербургский университет в 1917 г. по физико-математическому отделению, с академиком В.Л. Комаровым [1, оп. 4, д. 1338, лл. 1–52]. Б.В. Скворцов переписывался также с другими учеными из Ленинграда – геологом А.Н. Криштофовичем, географом Л.С. Бергом. В фонде Э.Э. Анерта в РГАЭ также хранится его обширная переписка с Геологическим комитетом в Ленинграде [5, оп. 1, д.125], в том числе о возможности поездки в Ленинград. Кстати, судя по штемпелям на письмах, письма из Ленинграда в Харбин и обратно шли всего 10–14 дней.

Ученые из Ленинграда нередко посещали Харбин, поддерживая научные и дружеские связи с харбинскими коллегами. Осенью 1926 г. через Харбин, возвращаясь с Тихоокеанской конференции в Токио, проезжала делегация Академии наук СССР (академик В.Л. Комаров, проф. Л.С. Берг и другие). Они были приглашены провести вечер за чашкой чая с профессорско-преподавательским составом Юридического факультета в Харбине [10, с. 370]. Известный востоковед Н.И. Конрад был в Харбине зимой 1927 г., и впоследствии, летом 1929 г. говорил о том, что, если «институт пригласит его читать лекции, он готов даже поехать за свой счет» в Харбин, так «приятны были воспоминания» о проведенном времени [17, с. 383]. К сожалению, до сих пор не изучена тема научных контактов между Русским географическим обществом и харбинскими исследователями в 1920-х гг.

В Харбине оказалось немало представителей творческой интеллигенции, в частности музыкантов, окончивших Петербургскую консерваторию: дирижер В.М. Каплун-Владимирский, скрипач У.М. Гольдштейн, певица В.И. Ельцова, скрипач В.Д. Трахтенберг, певец, солист Императорского Мариинского театра В.Г. Шушлин и др. Музыканты также поддерживали отношения с Ленинградом. В фонде А.К. Глазунова в ОР РНБ сохранилось несколько писем к нему от 1926 г. из Управления КВЖД, как к директору Ленинградской консерватории, с просьбами приехать в Харбин и дать несколько концертов на т.н. «вечерах Глазунова» [4, оп. 1, д. 913, л. 1]. В письме проф. У.М. Гольдштейн от 12 апреля 1928 г. содержалась просьба к А.К. Глазунову дать музыкальной школе в Харбине свое имя, «символизирующее существо идеи чистого искусства» [4, оп. 1, д. 115, л. 1–2].

В Харбин из СССР в 1920-е гг. охотно ехали представители интеллигенции и лица свободных профессий – ученые, артисты, музыканты, художники. Оперная труппа при Железнодорожном собрании в Харбине активно приглашала музыкантов, певцов, танцоров из различных театров СССР, в том числе и из Ленинграда. Обмен происходил через Центрпосредрабис (Центральное посредническое бюро по найму работников искусств при Народном комиссариате труда СССР), через него же шла выплата гонораров артистам. В ЦГАЛИ СПб в документах Ленинградского отдела Центрпосредрабиса хранится переписка между отделом и директором Железнодорожного собрания в Харбине Варфоломеевым-Петровским об условиях работы ленинградских артистов – Бригиневич, Любченко,

Афрамеевой, Ельциной и др. – в харбинской опере [7, оп. 1, д. 157, лл. 4-17]. Творческая и научная интеллигенция с удовольствием ехала в Харбин, чтобы «отъесться и одеться». Часть певцов после окончания контракта возвращалась в СССР, но некоторые остались в Харбине, как концертмейстер Великанов и его жена Батурина, певица Ельцова В.И. и др.

У многих харбинцев жили родственники в Ленинграде, которых они поддерживали материально, отправляя посылки с необходимыми вещами или переводя деньги через Дальбанк в Харбине. Вообще круг родственных связей и знакомств был довольно широк. Если проанализировать только письма О.А. Воейковой-Толстой из Ленинграда в Харбин в 1920-е гг., где жили ее сын А.Д. Воейков, известный ботаник и агроном, окончивший естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, дочь и внуки, то можно обнаружить, что у многих ее знакомых также были родственники в Харбине. У подруги Ольги Александровны Марии Алексеевны Львовой в Харбине жили сыновья – Игорь и Виктор Кузнецовы (их отец – Николай Иванович Кузнецов был известным географом, членом Русского географического общества). У другой подруги, Софьи Кирилловны Холодовской-Елачич в Харбине жил сын Сергей Александрович Елачич – двоюродный брат Игоря Стравинского. Также в Харбине жили родственники ее знакомых Штенгелей, Зарудных, Барри, Зиссерман и др.

Сама Ольга Александровна писала о своем путешествии в Харбин в 1924 г.: «столько старых дружеских отношений мне удалось там возобновить» [17, с. 45]. Еще в 1920-е гг. родственники часто приезжали из Ленинграда в Харбин – сама Ольга Александровна с внуками, А.С. Зарудный, известный адвокат, читавший в январе 1925 г. в Харбине лекции о деле Бейлиса и др. В середине 1920-х гг. еще можно было спокойно приехать в Маньчжурию из СССР по КВЖД, все упиралось в стоимость загранпаспорта и билетов. О.А. Воейкова в письме из Ленинграда в Харбин дочери 27 апреля 1929 г. сообщала: «Я бы рада приехать, но цены на билет, и, главное, паспорта – это целое маленькое состояние» [17, с. 352] (Загранпаспорт стоил около 250 руб. – М.К.). Но с конца 1920-х гг. ужесточились правила пересечения границы. В 1929 г. ЦИК принял новое положение о въезде в пределы СССР и выезде из пределов СССР, возникли трудности с получением визы, и поездки из Ленинграда в Харбин стали редкими. Переписка же продолжалась до конца 1930-х. Так, В.А. Барри поддерживал связь с сестрой до 1939 г. [6, оп. 13, д. 85, л. 5]. Информацию о Ленинграде получали не только из писем, но и из харбинской прессы, в которой нередко были статьи о «старом» Петербурге и о положении в Ленинграде.

Эмигранты в Харбине старались воспитать в своих детях, не помнивших Россию или родившихся уже в Китае, чувство привязанности к исторической родине, семейным корням. Характерна история Маргариты Зарудной-Фриман (1908–2008), которая родилась в Петербурге в семье русских интеллигентов из известных родов Брюлловых и Зарудных (знаменитый архитектор Александр Брюллов был ее прадедом). Во время гражданской войны она с семьей оказалась в Харбине, где прожила с 1921 по 1931 г. Позже в своих воспоминаниях она заметила: «Я знала, что для моих родителей, и особенно для мамы, Петербург был родным: тут они выросли, и тут росли и жили все их родственники. В наших

постоянных странствиях из города в город мама и папа старались передать нам, детям, то, что они получили в своей юности в Петербурге. Мама надеялась, что мы все-таки когда-нибудь попадем туда и сможем непосредственно почувствовать атмосферу ее любимого города» [11, с. 5]. М. Зарудная-Фриман посетила Петербург в 1995 г., оставив яркие впечатления от встречи с ним и своими родственниками.

Но многие эмигранты так и не смогли побывать в своем родном городе, хотя внутренняя связь с ним никогда не прерывалась, и память о Петербурге не отпускала харбинцев. Так, генерал В.Н. Касаткин (1885–1963), проживший почти 40 лет в Харбине (1920–1959), уже на склоне лет в своих мемуарах, написанных во Франции в 1960 г. [9], посвятил немало страниц учебе в Первом кадетском корпусе в Петербурге, Николаевском инженерном училище, академии Генерального штаба [13]. В последней главе воспоминаний Касаткин, мечтая о том, какова будет новая Россия без «большевистской власти», думал о «новом» Петербурге и выдвигал проекты о переустройстве города. Для начала Касаткин предлагал переименовать Ленинград в Свято-Петроград и перенести сюда столицу, так как Москва «опошлена коммунистами». Новая старая столица, согласно Касаткину, должна была стать центром культурного возрождения новой России, городом-музеем «славного прошлого русского народа», наполненным новыми символами.

В первую очередь, Касаткин предлагал увековечить память «священно-мучеников за Россию убиенных», установив на Дворцовой площади у Александровской колонны мраморный памятник царской семье Николая II. В честь Петра Великого – «создателя современной России» – Касаткин замыслил превратить Петропавловскую крепость, заложенную императором, в грандиозный музей, в который перенести все возможные артефакты, связанные с Петром из других городов и стран. У храма Вознесения Христова на крови Касаткин предлагал поставить бронзовый памятник Александру II с фигурами ближайших сотрудников в деле реформ: Я.М. Ростовцева, Н.А. и Д.А. Милютиных, Ю.Ф. Самарина, С.И. Зарудного и др. Памятник Александру III – скульптуру работы П. Трубецкого, по его мнению, необходимо было перенести на Михайловскую площадь перед Русским музеем и Михайловским театром.

В «пантеоне русской славы», по замыслу В.Н. Касаткина, должны были быть также монументы русским военачальникам, государственным деятелям, поэтам, художникам, композиторам. Так, он предлагал заменить памятник А.В. Суворову на Марсовом поле на скульптурную композицию, воспроизводящую в бронзе известную картину В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы». На Марсовом поле, считал он, должны также стоять памятники «белому генералу» М.Д. Скобелеву и великому князю Николаю Николаевичу. Это казалось ему глубоко символичным – на месте монумента жертвам революции, которая «разрушила весь уклад современной России», поставить памятники тем, кто не разрушал, а «созидал, сохранял и защищал Великую Россию». Перед Таврическим дворцом, считал Касаткин, должен стоять памятник П.А. Столыпину из бронзы с высоко поднятой рукой за трибуной Государственной Думы, украшенной гербом Российской империи и надписью: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия» и «Не запугаете».

В Адмиралтейском саду Касаткин предлагал разбить «Сад поэтов» со скульптурами Пушкина и Лермонтова. Лучшим местом для памятника Ф.М. Достоевскому он полагал стрелку Васильевского острова, а для памятника А.Н. Островскому – место перед Александринским театром. Не забыты были русские композиторы, художники и ученые. Так, перед Военно-медицинской академией на Выборгской стороне Касаткин предлагал установить группу памятников Н.И. Пирогову, С.П. Боткину, И.И. Мечникову [9]. Наивные и трогательные прожекты 74-летнего русского генерала, тем не менее, отражают заинтересованное, глубоко личное отношение к «потерянному» для русской эмиграции Петербургу.

Можно говорить о том, что Петербург являлся и является точкой пересечения многих человеческих судеб, городом, ставшим особенным для всех, кто соприкасался с ним. Сегодня Харбин – это многомиллионный город на Северо-Востоке Китая, и «петербургский след» в его облике неочевиден. Но существует и другой, символический «русский» Харбин, в строительстве и развитии которого большую роль сыграли петербуржцы, благодарные, в свою очередь, китайцам за предоставленную ими возможность не только выжить в изгнании, но и сохранить свою «русскую сущность» почти в полной неприкосновенности, а детей и внуков своих воспитать в русском духе. Так далекий Харбин в Маньчжурии и Санкт-Петербург остаются тесно связанными общей памятью, историческими сюжетами, невероятными судьбами, которые требуют дальнейшего изучения и осмысления.

1. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 277. В.Л. Комаров.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.10143. Коллекция документов музея русской культуры в Сан-Франциско.
3. Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа».
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 187. А.К. Глазунов.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 732. Э.Э. Анерт.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Правление КВЖД.
7. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 110. Ленинградский отдел Центрпосредрабиса.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 381. Петербургский институт инженеров путей сообщения имп. Александра I.
9. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Kasatkin V.N. Collection.
10. Известия Юридического факультета. – Харбин, 1928. – Т. 5.
11. Зарудная-Фриман, М. Мчались годы за годами: История семьи Брюлло-вых-Зарудных / М. Зарудная-Фриман. – СПб., 2012. – 448 с.
12. Крадин, Н.П. Харбин – русская Атлантида: очерки / Н.П. Крадин. – Хабаровск, 2010. – 368 с.

13. Кротова, М.В. Генерал В.Н. Касаткин: неизвестные страницы жизни в Харбине / М.В. Кротова // Новый исторический вестник. – 2012. – № 33. – С. 110–118.

14. Леошко, С.С. Санкт-Петербург в судьбе Русского архитектурного Зарубежья на Дальнем Востоке / С.С. Леошко // Политехник. – Сидней, 2012. – №17. – С. 177–181.

15. Осоргин, М. Новь (Таллин). – 1935. – № 8; Врата (Шанхай). – 1935. – № 1 // Современные записки. – Париж, 1936. Т. 60. – С. 467–469.

16. Райан, Н. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России / Н. Райан. – М., 2005. – 208 с.

17. Русская семья “dans la tourmente déchâinée...”: письма О.А. Толстой-Воейковой, 1927–1930 гг. / публ. и коммент. В. Жобер. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 2009. – 526 с.

18. Хисамутдинов, А.А. Музей Общества изучения Маньчжурского края в Харбине / А.А. Хисамутдинов // Записки Гродековского музея. Вып. 32. – Хабаровск, 2014. – С. 96–107.

УДК 314.743(=161.1)(94)

ТАИНСТВЕННЫЙ СТРАННИК С КОРНЯМИ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА В АВСТРАЛИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Л.Л. Ларкина

г. Брисбен, Австралия

Сентябрьское утро в Австралии особенно тихое. Во власть еще не вступила жара, которая действует на многих туристов ошеломляюще, как морозный день сибирской зимы. В жару люди в Австралии больше спешат, видимо, стараясь уехать ближе к океану, не доверяя ни тени в тропических парках, ни ветвистым, увесистым кронам деревьев, под которыми не перестают играть лучи палящего солнца.

В один из таких сентябрьских дней, в утренней тишине, лежал в парке Аутбэк (Outback Park) под ветвистым эвкалиптом человек. Глаза его были устремлены в небо, как будто он что-то читал в облаках и не мог оторваться от захватившего его сюжета. Рядом лежала огромная собака, внушающая серьезный вид, явно не дворняжьей породы. Вероятно, вид строгой собаки не позволял людям подходить слишком близко к лежащему под деревом человеку. В Австралии можно часто встретить, как люди, даже в центре города, могут сесть на траву, на асфальт, чтобы поговорить, или даже отдохнуть. Чаше это, конечно, делает молодежь, но и люди старшего возраста, не утратившие в себе юношеское озорство, могут так же беззаботно сидеть на земле, рассказывать свои житейские истории, заливаясь при этом безудержным смехом. Лежащий человек в парке небольшого городка Кэтрин был тих, и будить его никто бы не решился, да и люди в этом месте в утреннее время, практически, не появлялись. Через несколько часов прохожий остановился около лежащего на земле человека. Спящий под деревом человек оказался ему знакомым – жителем его караванного городка. Лежащий под деревом был мертв. Через несколько дней жители городка Кэтрин, расположенного в трехстах километрах от Дарвина – столицы Северной территории Австралии, узнали из сообщения полиции, что неизвестный человек, скончавшийся в парке Аутбэк, никто иной, как правнук российского императора Александра III, имевший отдаленное родство с принцем Филиппом и Елизаветой II – королевой Великобритании, Австралии и еще пятнадцати стран Британского содружества наций. Имя усопшего человека по австралийскому паспорту Леонид Гурьевич Куликовский. Сам он представлялся соседям: «I am old Nick» (Старый Ник).

Новость о скончавшемся под открытым небом правнуке российского императора Александра III ошеломила каждого в городке, кто знал тихого, одинокого, улыбчивого старого Ника. Для всех стало ошеломляющей сенсацией, что одинокий Ник по происхождению был царских кровей рода Романовых. Стали вспоминать, кто же дружил с Ником, чтобы побольше узнать о нем, но друзей у неприметного, тихого человека не оказалось.

Только Питер Байерс – владелец караван-парка, в котором он жил, рассказал, что появился этот неизвестный тихий странник в парке около десяти лет назад, в 2006 году. Проработав более тридцати лет на сиднейской фабрике, выйдя на пенсию, Ник купил караван (*специализированный автомобильный транспорт, вроде американских домов на колесах.* – Прим. ред.) и отправился в одиночное путешествие по Австралии. Под Дарвиным, где когда-то осели русские казаки, он решил остановиться на более длительный срок, чем в других населенных пунктах. Арендовал в парке Питера Байерс кусочек земли, подключил к электрической сети свой караван, в качестве друга завел себе собаку по кличке Ракки и остался здесь жить. Так и прожил в городке Кетрин таинственный странник почти десятилетие, до своего ухода в вечность. Каждое утро пожилой человек уходил с собакой на прогулку, обходя окрестность по семь-восемь километров. Возвращаясь, заваривал чай и садился за чтение. Хозяин караван парка вспоминает, что когда бы ни постучал в его дверь, Ник выходил с книгой в руках. Вещей у него, практически, не было, но весь караван был заполнен книгами. Питер Байерс вспоминает: *“Старый Ник все время изучал жизнь викингов и постоянно улыбался. Было такое впечатление, что знал он очень много, но никому об этом не хотел рассказывать. С людьми он очень хорошо ладил, но до души своей никого не допускал”*.

Так тихо доживал свой век в австралийской глубинке, в небольшом городке Кэтрин один из наследников российского рода Романовых. Доверял он только своей собаке Ракки, подолгу разговаривая с ней по душам на прогулках и дома. Иногда находились люди и задавали ему вопросы о жизни. Он отвечал вежливо, вдумчиво, но в ответах не было ни одного слова о себе.

Как часто мы не обращаем внимания друг на друга, а спохватываемся, когда поговорить с человеком уже невозможно. Жил и жил рядом одинокий, никому не понятный человек, то веселый, то задумчивый. Да и что интересоваться каким-то отшельником, приехавшим неизвестно откуда, который может так же уехать в любой момент?

Однажды житель Кэтрина господин Хиллер задал страннику вопрос:

– Твое имя звучит как русское имя. Ты русский?

– Да, это так, – ответил собеседник и добавил, что он царских кровей.

Господин Хиллер вспоминает:

«Я, смеясь, пошутил: О, так ты известный! Мой собеседник задумчиво посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: “Да”. Я подумал, что он тоже шутит. Посмеялся над ним. На том шутка и закончилась...»

Еще один житель городка Кэтрин Здравко Радович рассказывает, что странника, проживавшего в караванном парке Кэтрина, он считал своим другом, а сейчас оказалось, что он ничего о нем не знает. Здравко говорит: *«Человек этот больше слушал, чем говорил и никогда не упоминал о своей родословной»*.

Русских людей, которые знали бы и рассказали подробнее об одиноком пожилом человеке в Кэтрине, не нашлось.

Печальная судьба императорского правнука

Имя таинственного человека, одиноко прожившего 48 лет в Австралии, – Леонид Гурьевич Куликовский. Скончался он в День Воздвижения Животворящего Креста 27 сентября 2015 года в небольшом городе Кэтрин от обширного инфаркта, во время утренней прогулки, присев под дерево. Родственников в Австралии у Леонида Гурьевича не было и невестребованное тело два месяца пролежало в морге. В течение первого месяца после обнаружения тела австралийская полиция искала родственников скончавшегося на улице. Узнали, что покойный жил в «доме на колесах» (караван), на котором, выйдя на пенсию, путешествовал по Австралии.

Через месяц после найденного в Кэтрине тела странника, 30 октября 2015 года, полиции Северной Австралии удалось найти родную сестру усопшего – Ксению Куликовскую-Ниелсен, проживающую в Дании. Требовалось время для решения организационных вопросов и тело еще месяц пролежало в морге невестребованным. Родственники, проживающие в Дании, решили, что похоронить прах Леонида Гурьевича надо в Австралии, где он прожил большую часть своей жизни, приехав на Зеленый континент в возрасте 24 лет.

Через два месяца после кончины, 30 ноября 2015 года новопреставленного отпели по православным традициям в сербской церкви святого Саввы в Дарвине. Русской церкви в тех краях нет из-за малочисленного населения русских. Совершил отпевание митрофорный протоиерей Михаил Протопопов, прилетевший из штата Виктория. На отпевание собралось около 45 человек, включая, сербскую, греческую общины и журналистов. Правительство Северной территории Австралии представлял министр культуры и этнических дел Питер Стайлс. Из Канберры прилетел член дипломатического состава посольства Российской Федерации в Австралии Максим Валерьевич Раку. Организационными вопросами похорон занимался бывший член Совета российских соотечественников в Австралии Семён Андропов, проживающий в Дарвине. Гроб по традиции покрыли Российским гербовым флагом.

За три дня до отпевания российского императорского потомка в Австралии, 27 ноября 2015 года в Петербурге совершалось вскрытие гробницы его прадеда – императора Александра III, с целью генетической экспертизы. Дополнительные исследования в настоящее время проводятся для подтверждения подлинности останков детей последнего российского императора Николая II – цесаревича Алексея и великой княжны Марии, найденных в 2007 году. Следственный комитет России в январе 2011 года признал подлинность останков членов царской семьи, но Русская Православная Церковь (РПЦ) и некоторые потомки Романовых сочли, что подлинность останков не доказана. 23 сентября 2015 года Следственный комитет провел эксгумацию останков Николая II и его супруги Александры Федоровны для очередной генетической экспертизы. Останки детей Николая II были захоронены в начале 2016 года.

На отпевание и похороны внука императора Александра III 30 ноября 2015 года в Австралию никто из родственников царской семьи не прибыл.

Меня интересовали разные вопросы, связанные с этим печальным случаем, и я задала их дипломату посольства России в Австралии Максиму Раку:

– Почему еще восемь дней после отпевания тело Леонида Гурьевича Куликовского не погребали? Может, ожидали родственников царской династии из

Дании и из других стран? Времени для прибытия на похороны потомка Романовых в Австралию было более месяца...

– В день отпевания еще не были готовы документы на место погребения, поскольку поначалу местные австралийские власти планировали похоронить тело неимущего в общей могиле на муниципальном кладбище на окраине города, где покоятся без каких-либо опознавательных знаков тела невоинствующих. Средств у покойного не было. Родственники средств на похороны высылать не стали. Хоронить потомка царской династии России в общей могиле бомжей австралийские власти не спешили. В последний момент в Дарвине нашлась состоятельная греческая семья, которая пожертвовала место на кладбище, ранее купленное для своей семьи... Я хочу выразить особую благодарность этой семье, поблагодарить Семёна Андропова из Дарвина, который занимался организацией похорон, протоиерея Михаила Клебанского из Мельбурна, который совершил отпевание.

– Было ли ранее известно в посольстве Российской Федерации о проживании потомка царской семьи в Австралии?

– О том, что в Австралии проживает потомок царской династии, мы узнали недавно. Как только в посольстве Российской Федерации стало известно о проживании потомка Романовых, было принято решение найти этого человека и пригласить его на похороны его предков в Санкт-Петербург. Через посольство Дании в Австралии, а затем лично я обращался с просьбой к брату Леонида Куликовского помочь связаться с их родственником, проживающим в Австралии, чтобы передать ему приглашение для прибытия в Санкт-Петербург. Родственники, проживающие в Дании, решили за Леонида, что он приехать в Санкт-Петербург не может и не сообщили ни его адреса, ни ему самому о приглашении его в Россию. Через пять дней после того, как переписка с родственниками Л.Г. Куликовского состоялась, австралийская полиция сообщила о том, что скончавшийся на улице человек оказался правнуком российского императора Александра III.

Позднее я выяснила, что имя жертвователя из греческого общества – Паспале (Paspaley). Благодаря жертвенности благочестивой греческой семьи Паспале не суждено было потомку российской императорской династии бесследно предаться забвению на австралийской земле. Местом вечного покоя его праха стала могила в районе Джингили (Jingili), на греческом православном участке городского кладбища Darwin General Cemetery. Чин погребения совершил греческий православный священник Joal Xantos.

История жизни таинственного странника

Леонид Гурьевич Куликовский родился в Дании 2 мая 1943 года в городе Боллерупе, в 24 километрах от Копенгагена. Его бабушкой была Великая княгиня Ольга Александровна – младшая дочь императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны. В 1901 году Великая княгиня Ольга вышла замуж за герцога Ольденбургского (Георг Фридрих Петер Ольденбургский). Пётр и Ольга приходились друг другу троюродными, и четвероюродными братом и сестрой. Супруги имели двух общих предков – российских императоров Павла I и Николая I. Брак этот был бездетным, омрачался нетрадиционной ориентацией мужа и в 1916 году супругами было получено разрешение на официальный развод. 4 ноября того же года Ольга Александровна вышла замуж за дворянина, полковника кавалерии Николая Куликовского. От этого брака в 1919 году родился сын Гурий – отец Леонида.

Дед Леонида – полковник Николай Куликовский из-за отречения от престола брата его жены, Николая II, в 1917 году был отправлен в отставку революционным правительством. После убийства семьи императора Николая II великая княгиня Ольга Александровна и вся семья были вынуждены выехать в Крым, где некоторое время жили на положении арестантов. В феврале 1920 года княгиня Ольга и полковник Николай Куликовский вместе с малолетними детьми покинули Россию навсегда. Через Константинополь, Белград и Вену добрались до Дании, куда уже прибыла мать княгини Ольги – вдовствующая императрица Мария Федоровна. У нее они и остановились. Младший сын княгини Ольги Александровны – Гурий Куликовский (будущий отец Леонида Гурьевича Куликовского, скончавшегося в Австралии) со старшим братом Тихоном воспитывались бабушкой-императрицей Марией Федоровной в русском духе. Обучались в Датской школе в Видере и в русской школе в Париже при храме Святого Александра Невского. Отец семейства – Николай Куликовский занимался бизнесом и сельским хозяйством. После кончины императрицы Марии Федоровны, в 1928 году Куликовские приобрели дом в 24 км от Копенгагена.

Отец Леонида – Гурий Николаевич Куликовский, получив образование, служил в датской военной гвардии гусаром. Женился Гурий на датчанке Рут Шварц. Родилось у Гурия и Рут трое детей: Ксения (1941), Леонид (1943) и Александр (1949). В 1948 году советская власть объявила о репатриации в Советский Союз всех русских, находящихся в Европе. Леониду было 5 лет, когда он с родителями покидал Данию, эмигрируя в Канаду. В Канаде семья Куликовских в течение четырех лет занималась фермерством, а затем переехали в город. Гурий стал талантливым учителем, преподавал славянские языки и культуру в Оттаве и учил русскому языку канадских пилотов, считая, что во время холодной войны любой солдат должен знать русский язык.

Леонид Гурьевич Куликовский в Канаде окончил начальную школу и в 1956 году вернулся в Данию, где после окончания средней школы работал в компании по продаже стеклянных и фарфоровых изделий. Будучи молодым юношей, он пытался найти себя и еще несколько раз уезжал в Канаду, но всякий раз возвращался в Данию. В 1967 году, в возрасте 24 лет, уехал в Австралию навсегда. Через три года после его отъезда, в 1970 году в Сидней приезжала мать – Рут, чтобы навестить сына (Рут скончалась за два месяца до кончины ее сына Леонида – в июле 2015 года). Прилет Рут в Сидней в 1970 году был единственным. Это был последний раз, когда Леонид видел своих родственников. Тридцать лет Леонид поддерживал в письмах связь с родственниками, а выйдя на пенсию, затерялся, странствуя по Зеленому континенту. Последнее письмо пришло в Данию сестре Ксении в 1995 году.

Свою семью Леонид Куликовский так и не завел. Жил в молодые годы и в годы зрелости внучатый племянник русского царя – мученика Николая II рядом с русскими в Сиднее и не пытался завести с ними дружбу. Старожилы помнят, как в конце 1960-х годов посещал Леонид Куликовский Свято-Владимирский храм. Многие годы трудился он в сиднейском водоканале (Sydney Water Board). После выхода на пенсию, купил небольшой прицеп – караван и стал путешествовать по Австралии. Кроме «дома на колесах» другого дома у него не было.

Сестра Ксения рассказывает, что он с детства любил много читать. Обладал талантом логического мышления и у всех выигрывал шахматные партии, инте-

ресовался политикой. Те, кто видел задумчивого странника в престарелом возрасте, рассказывают о нем, что был он очень добр к окружающим.

72-летний таинственный странник задержался в Кэтрине, насчитывающем 10 тысяч жителей, занимающихся, в основном, животноводством. Караван-парк, где он «пришвартовал» свой «дом», носит название Outback Caravan Park (Аутбэк), что в переводе на русский язык означает «Пустырь». Страннику понравилось тихое место на пустыре, а еще больше понравилось название района, в котором располагался караван-парк. Район назвался «Cossack» (казак). Район был так назван в честь русских казаков, прибывших на север Австралии в начале 1920-х из Квинсленда, которые разъезжались в поисках работы по всему континенту. В Кэтрине казаки построили главный мост через реку, занимались сельским хозяйством. Сегодня есть в городе Кэтрин улица, посвященная казакам (Cossack Rd.). В названиях улиц небольшого города, расположенного в глубинке Северной Австралии, звучат имена русских казаков: Александра Токмакова (Tokmakoff Rd), его жены Лилии (Lya Rd.), Иннокентия Тимофеевича Зимина (Zimin Drive), Андрея Иванова (Ivanoff Rd.), Николая Крылова (Kriloff Rd.).

Леониду Куликовскому место с названием «Казак» напомнило рассказы из детства о смелых казаках, спасших его отца – Гурия, родившегося на Кубани. Рассказы об отчаянных казаках рассказывала ему бабушка – Великая княгиня Ольга. В этом краю, который осваивали русские беженцы после октябрьской революции, и нашел свой вечный покой потомок российской царской династии Леонид Гурьевич Куликовский.

Жителей города его называли «Старый Ник». Николаем он, вероятно, назвался в память своего родного дяди – последнего русского царя, мученика Николая II, отказавшегося бежать из России и расстрелянного вместе с супругой и с детьми под Екатеринбургом (в 1924–1991 гг. – Свердловск. – Прим. авт.). Леонид Гурьевич так и прожил жизнь с чувством беженца, не раскрывая тайны своего происхождения. Ушел из жизни, выполнив трудовой долг перед Австралией, приютившей его печальное сердце. Ушел гуляющим по Зеленому континенту, отдав свое последнее тепло австралийской земле и дереву, к которому прислонился. В последние минуты он был не один. С ним рядом был верный друг – рыжий пес Ракки. Так закончилась жизнь еще одного потомка из рода Романовых, судьбу которого вершили кровавые события в России, произошедшие более века назад.

1. Журнал «Австралийская лампада». – 2015. – № 27 (4). – С. 28–34.

2. Личный архив Л. Ларкиной. Интервью Л. Ларкиной с дипломатом посольства России в Австралии Максимом Валерьевичем Раку.

3. Личный архив Л. Ларкиной. Интервью Л. Ларкиной с митрофорным протоиереем Михаилом Протопоповым.

4. Личный архив Л. Ларкиной. Интервью Л. Ларкиной с Питер Байерс – владельцем караван-парка Аутбэк (Outback Park) в г. Кэтрин Северной территории Австралии.

5. Александр III. URL: <https://ru.wikipedia.org>

6. Фото из архива журнала «Австралийская лампада» и из открытых источников.

УДК 94(571.63)

ПРИМОРСКАЯ АВСТРАЛИЯ

Б.С. Мисюк

г. Владивосток, Россия

Чувство Родины. Мне думается, а. может быть, так и есть на самом деле, что нам, русским людям, оно присуще, как никаким другим народам.

Валерий Черкесов. Благовещенск

Фамильная душа

— **В**от, дети, я вас привёз в свободную страну, живите. Больше меня на расстрел выводить никто не будет. Хочу, чтоб вы все боролись против того нечеловеческого режима... — сказал отец, когда мы, покинув Китай 1960-х, с его «культурной революцией», после долгих хождений по мукам ступили на землю Пятого континента. — Вот так, — Василий Родионов словно итог подводит, — я всю жизнь свою посвятил тому, чтобы исполнить его желание... Отец умер, прожив сто шесть лет...

Об Австралии, дивной стране аборигенов и британских конкистадоров, стране кенгуру, коалы и дикой собаки Динго, стране эвкалиптов и Большого Барьерного Рифа, стране-континенте можно рассказывать очень долго и интересно. Но предмет нашего рассказа другой. Поэтому ограничимся буквально несколькими строчками.

Жили Родионовы недалеко от Мельбурна, красивого, цветущего и самого южного города Австралии. Постепенно, но достаточно быстро обзавелись домом собственным, фермой. И так прожили ровно четверть века. За эти годы у Александра Родионова родилась и подросла целая роща-рота внуков и внучек. У одного Василия только четверо: два сына, две дочки. Из всех семейных детей Александра Дмитриевича именно он был более других похож на отца. Нет, не только внешне, лицом-то все — в батюку, а Василий вот именно был духом очень близок с родителем. И вот этот-то дух, эти силы непонятные, распиравшие грудь изнутри, не давали молодому Родионову ни денно, ни ночью покоя. Душа рвалась. Куда?..

Фамильная ведь душа — *родионовская*. Корневые силы, видать, проснулись в сыне: *род — родня — родина*. Вон куда душа-то запросилась... Могучая русская река застила безоблачное голубое небо Австралии, плескалась в нём, и кони, распустив огненные гривы заката, ржали там, в вышине, будто звали: «Р-р-

родионовы-ы-ы!.. Возвр-р-а-ща-айтесь!.. Р-р-родина пр-р-имет!..» Ах вы, донские кони, ах, земля родная, русская...

Бывают ночи: только лягу,
В Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать...

Владимир Набоков это писал в 1927-м в Германии. Александр Родионов тоже мог бы написать это в 1937-м и в 57-м в Китае, а затем в 77-м и в 87-м в Австралии. Но у Василия таких видений уже быть не могло. В нём пробудился и неожиданно зычно заявил о себе могучий, непобедимый зов крови. Русской крови, которую там, на родине, на самом деле, лили рекой. Но всё равно, всё равно, всё равно – даже у старшего поколения, навоевавшегося, насмотревшегося на ту кровавую реку, у поэта вот, потерявшего родину ещё в юности, в революцию семнадцатого года, душа – на разрыв:

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг!

В 1989-м Василий Александрович Родионов со всем семейством – женой и четырьмя детьми – переехал в Россию, в Приморье.

В Мельбурне

1990-й год. Благодичный о. Михаил Протопопов, внучатый племянник «того самого» Протопопова, премьер-министра Временного правительства, водил меня по своим приходам. В Данденонге, пригороде Мельбурна, мы навестили Дом престарелых, коему вполне по силам тягаться с Домом творчества Союза писателей в Малесвике: сад, клумбы, отдельные комнаты у всех, симпатичная трапезная.

– Что это за мужик? – спросил я отца Михаила, когда он прикрыл за собой дверь с табличкой **A.D. RODIONOV**.

– Да у него сын чокнутый: взял и уехал жить в Россию...

Господи! Мысленно воскликнул я, теряясь напрочь: неужели же это отец того знаменитого фермера Василия Родионова, год назад шокировавшего всех русских по обе стороны границы и променявшего благополучный австралийский Джилонг на худосочную приморскую Хмыловку?! Да ему же, вот этому A.D.Rodionov'у, всего-то ведь лет пятьдесят, а Васе-то под сорок... Ну, хорошо, пусть он просто молодо так выглядит, пусть ему не пятьдесят, а шестьдесят, но всё равно... Вася ведь говорил мне, что батя родил-то его уже за шестьдесят. Как же такое может быть?..

Получив от рождения, от Бога талант земледельца, может быть, главный на свете талант, Александр Дмитриевич не просто любил трудиться на земле, он всею душой обожал родную землю, любил дух её, ранневесенний ли родниковый, летний ли плодотворящий, осенний ли сытный и хмельной, зимний снежный, здоровый. И именно потому, видать, на диво молод он душой и телом! Ещё там, дома, на Дону, сея в духовитую борозду хлеб по весне, он в голос повторял притчу Господню: *Вышел сеятель сеять семя своё; и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; А иное упало на камень и взошед засохло, потому что не имело влаги; А иное упало между тер-*

нием, и выросло терние и заглушило его; А иное упало на добрую землю и взошед принесло плод сторицный.

И разумеется, любовь свою к земле завещал Александр Дмитриевич детям. Да только боль души и телесные раны Гражданской войны заказали ему дорогу назад, в Россию. Несбыточная мечта!

Сбывшейся сумел её сделать сын Александра Дмитриевича – Василий.

Китайский пленник

Утро, кружок неба над головой всё светлей и светлей. Молчун Ваня, молодой и какой-то, похоже, крепко забитый китаец Ван, приносит, как обычно, ведро на верёвке, спускает его в центр ямы и, отвернувшись, ждёт, пока узник оправится, потом вытащит ведро и исчезнет. Всё, до завтра его не жди. Хоть лопни. Правда, лопаться-то не с чего. Так же, раз в день, другой китаец, постарше и пообщительней, по имени Ян, приносит жратву. Едой её назвать нельзя. Это сырая убоина, коровьи потроха, прямо с бойни. Ян бросает их в яму и говорит всегда два слова: «Кусай, Саса!». Это так повелось у них чуть не с первого дня. Саса неделю голодал, выбрасывая убоину в ведро-парашу. Вот и стал Ян его уговаривать. Ну а после и уговаривать уже было не надо: жить захочешь – камни будешь глотать. Убоина шлёпалась прямо на землю, на дно ямы. Сердобольный Ян решил, видно, что русский не ест из-за этого, с землёй не хочет *кусать*, и бросил ему метровый шмат клеёнки, полусгнившей, явно с помойки, но всё равно спасительной, даже дважды спасительной: она потом стократ выручала узника и в дождь, и в снег...

С Ваней Александр Дмитриевич несколько раз пытался наладить контакт – и так и сяк, по-китайски и по-русски – бесполезно. И в конце концов подумал: может, парень просто глухонемой? А с Яном получилось. Хотя тоже не сразу. Примерно с полгода Ян, более смуглый, чем жёлтый Ван (наверное, метис китайско-уйгурский, решил Родионов), только улыбался в ответ. Но и это было дорого, это согревало душу. Потому что являлось единственной связью с миром людей. А ещё через полгода Ян ночами даже проводывать стал дружка-сидельца, приносить кукурузные лепёшки. Они шептались в ночи, украдкой беседовали о жизни, о смерти, царившей в Китае, в городе Кульдже. Это был конец 1950-х...

Ночами над головой медленно кружил звёздный мир, Божий свет. И узник говорил с Богом.

– Господи, путаник я. Да, конечно, путаник, если умудрился всё потерять, что Ты мне дал... Потерять плодородную донскую землю, воистину чудесную землю, не зря ж так говорится: воткни палку – вырастет булка. А каких коней, Господи, каких коней лишился! Резвей и краше донцов во всём свете коней не сыскать. И выносливее, и проще: таких неразборчивых, неприхотливых в корме лошадей нет больше нигде! На них и пахать, и гарцевать. На них стояло всё в доме, всё на них держалось в хозяйстве. А какой же крепкий двор был казачий... Боже, прости, что не сумел я его отстоять, сберечь...

Повернул народ к красным, а они пришли и давай расстреливать казаков, жечь станицы. И называли это всё *расказачиванием*. И все – *товарищи*. Господи, прости...

А потом мы, значит, повернулись к белым, и шли уже с ними, так долго шли – до конца. А конец-то где будет, Боже? Родину потеряли. Аж в Китай занесло. Так неужели здесь, в этой вонючей яме, погибать христианской душе, а?..

Вразуми же, Господи, научи, что мне делать, что придумать, как быть?... Путаник я, конечно. Но не зря ж так говорится в народе: путаник Божий...

И пришло! Вон аж когда оно пришло, знамение, – на седьмом году ямного сидения. Ночью явилось, под звёздами, под полной луной, ах, как же редко заглядывающей в яму. На ней, полноликой, были видны *письмена*. Вечные, всегдашние загадочные рисунки и *письмена*. Там, в донских лугах, на берегу Тихого Дона, совсем огольцом ещё, в ночном, он тыщу раз пытался прочитывать их. И вот, вот когда пришло только... Благодарю, Господи! Спаси, Христос!..

И упросил Родионов Яна принести ему бумагу и карандаш. И тот однажды ночью принёс. И Александр Дмитриевич, которому было на то время уже за семьдесят и который за всю жизнь не сочинил и десяти писем, той же ночью написал большое письмо. Кому? Конечно, самому-самому, тому, кто один только в силах тут помочь, хоть что-то изменить в этой жизни, которую жизнью вообще назвать трудно... Он написал Мао Цзе-дуну.

«Я, крестьянин, – писал он, – которому Советы не дали крестьянствовать, хотя именно это я умел делать лучше других. Я выращивал хлеб, мясных и молочных коров, донских жеребцов и кобыл, знаменитых на весь мир. И вот я снова отлучён от земли, от работы и седьмой год сижу без дела в яме. Вся моя вина в том, что я не хотел позволить глупым людям, которых прислали Советы на Дон, уничтожить крепкое, хорошее хозяйство. А после Гражданской войны, Вы знаете, десятки тысяч казаков ушли в Китай и работали здесь в поте лица. Седьмой год я томлюсь в яме, вместо того, чтобы трудиться на поле, кормить семью и народ. За это время я мог бы вырастить семь бычков, снять семь урожаев и накормить целую армию едоков...»

Александр Дмитриевич просил Мао дать ему возможность искупить трудом все свои вины и привёл даже слова Конфуция: «Лишь та – ошибка, что не исправляется». А ещё он – в самом конце письма – предложил Мао дать амнистию всем трудолюбивым русским людям, умеющим работать и уже ведь пострадавшим у себя на родине.

Это был 1964 год, самый расцвет антисоветизма. В Китае назревала *культурная революция*. Назревала, но ещё, слава Богу, не созрела. И письмо Родинова попало во дворец. Вовремя попало!

Смотрите – такая смешная редкость – письмо от русского, сидящего в яме. Оно, пожалуй, в самом деле способно развеселить *кормчего*. Письмо перевели и, подобострастно хихикая, прочитали Мао. А он даже не улыбнулся, сидел каменный, как Будда. И лишь удивился, слегка качнув головой:

– Надо же, седьмой год сидит в яме, а просит не только о себе. Вот у кого учиться!

И распорядился освободить трудолюбивого русского...

Расстрел

Поп ушёл, оставил наконец его в покое. Родионов даже не пошевелился, не изменил позы. Он так же лежал на спине и смотрел в потолок. Да нет, никакой это не потолок, а просто белое дневное небо над ямой. Ну да, здесь, в богадельне, он всего-то меньше года, а в яме просидел ровно семь, целых семь лет. Можно было семь, да нет, все семьсот раз сдохнуть, как собаке, или сойти с ума. А как он угодил в яму?..

В 1945-м в Харбин, русский город на китайской земле, пришли советские войска. В Харбине жили строители КВЖД, Китайско-Восточной железной дороги, шесть лет строившие её и город – с 1897-го по 1903-й. И конечно же, немало там осело белоэмигрантов. Чекистам-комиссарам было где разгуляться. Не граблями, не бороной прошлись они по Харбину, а бульдозером! Мало кто уцелел в миллионном городе. Но до Синьцзяна, до Кульджи тогда они не дошли. Зато в середине 50-х, успешно бороня Китай в поисках «врагов народа», таки добрались. Разрушили хозяйство, раскулачили «мироеда», работавшего, кстати, на земле в одиночку и кормившего семерых детей, и повели на расстрел.

На городском стадионе они это устраивали, принародно. Господь побереж семью Родионовых: у матери большого семейства отказали в тот страшный день ноги, подняться не могла, не то что идти. Комиссар с красной повязкой на рукаве подошёл к куцей шеренге казнимых, приготовился завязывать им глаза. Дали последнее слово. Кто-то просил о пощаде, кто-то геройствовал, проклинал Советы, погубившие Россию. Александр Дмитриевич, глядя прямо в глаза солдатам-убийцам, стоявшим наизготовку, сказал:

– Мне ничего не нужно. И глаза мне не надо завязывать. – Двумя руками разорвал на груди рубаху и закончил пророчески: – Ежели Господь вам позволит, то вы меня застрелите!

И раздался залп... И все попадали замертво. А он один стоит. Невредимый. Комиссары в шоке. И отпускают его...

Мутное, смутное время настало на китайской земле. словно перед землетрясением выли собаки. Дети затихли, играть перестали, а взрослые будто совсем онемели. Если и разговаривали, то – шёпотом. И грянула засуха, и пришёл голод. И холодная, голодная, страшная зима. И опять пришли за ним... Василию, одному из младших детей Александра Дмитриевича, в ту пору было шесть. Он вспоминает:

Всегда почему-то зимой они приходили. Теперь вот явились китайцы, китайские комиссары, с русскими трёхлинейками, с примкнутыми штыками. Собак расстреливают, забирают весь скот со двора, в клубах пара с мороза вламываются в дверь, из печки вытаскивают чугушки, еду выплёскивают на улицу, прикладами бьют окна. Надевают отцу наручники, уводят. А через неделю или две зовут нас на стадион. Красные повязки снова у них на рукавах, что-то чёрными иероглифами там написано. Наши все их называют «комиссары». Снова – расстрел. Последнее слово дают. Отец снова рвёт на груди рубаху, там ладанка висит, а в ней зашиты «живые помощи», как называли это у нас, – молитва, написанная на бумажке. Расправляет отец грудь и говорит:

– Стреляйте! Ежели Господь вам позволит...

И снова – так же, как в первый раз – все падают, а отец стоит. Они его опять отпускают. Домой приходим, отец говорит:

– Всё, хватит!

И мы ночью собираемся, да как собираемся – по котомке берём, ноги в руки, как говорится, и пошли. Добрались до Урумчи, это уйгурская столица, там отец нанимает лошадей, доезжаем до Шанхая. Потом ему удаётся нанять грузовик, и мы прибываем в Турфан, это уже недалеко от Гонконга. Но у нас деньги кончились. Чтoб заработать на хлеб, нанимаемся на уборку хлопка. Это ж юг, там скорпионов – тьма-тьмущая. Жили в саманной избушке-мазанке. Там все почти в таких живут. Приходишь вечером домой, раздеваешься и одежду трясешь –

скорпионов вытряхиваешь. Огромные такие, смертельные скорпионы. Как сейчас их вижу... Там, в Турфане том, жарница, а на ночь всё равно все окна-двери закрывали, чтоб даже щелей не было...

Однажды отец приходит взбудораженный и говорит:

– Господи, мать, видел сейчас своего знакомого, которому я там, дома ещё, помогал, Снилков... И всё – мне конец...

И он как в воду глядел! Этот знакомый «сдаёт» моего отца. Это ж надо было столько проехать, через весь Китай, и вот... Буквально через пару часов приезжают на машине, с автоматами, забирают нас, сажают в грузовик и везут на север. В кузове даже соломы не было, нас бросили туда, как животных, и четверо автоматчиков охраняли нас. Младший братишка мой Алёшенька болел как раз корью. Нас довезли до Урумчи, бросили на голые нары в какой-то ночлежке, и Алёшенька там умер.

Судьба, видно, такая была у нашего отца, у нас. Привозят нас в Кульджу, и отца сажают в земляную тюрьму на семь лет. Голод опять в Синьцзяне.

Боже, как трудно жилось нам без отца!.. Вот мне уже лет тринадцать. Идём в школу – трупы лежат на улице, люди мёрли, что мухи. Идёшь и обходишь мёртвых. Китайцы, уйгуры, дунгане, русские, казахи, киргизы – все там были. Голод был ужасный! Мать, царство ей небесное, бросает в казанок горсть кукурузных отрубей, единственное что у неё было. Это как кусочки целлофана, очень грубые, их даже желудок не переваривает. Бросает их в казан, заливает кипятком. Покипело, помешала и – тарелок нет – прямо на стол по ложечке каждому кладёт, а сама плачет. И мы вот это едим...

– Засуха? – спрашиваю.

– Да нет же, – нервничает Василий. – Просто уничтожали так народ. Китайские коммунисты, китайские Советы, точь так же, как и русские, уничтожали, раскулачивали, разбазаривали. Разоряли людей и издевались. Потом их самих тоже расстреляли...

Когда отца через семь лет выпустили, Вася его не узнал. Играю, говорит, с друзьями на улице, смотрю, дед какой-то идёт, лохматый, обросший, худющий, идёт качается. И он меня тоже не узнал, прошёл мимо. К нашему дому прошёл, где мы снимали квартиру. Ну, я – следом. Глядь – а там этот дед сидит. Сердце забилося: да это ж мой отец!.. Сидит и плачет... На другой день помылся, побрился. Стал рассказывать. Его в яму посадили, натуральную яму, вырытую в земле. Все семь лет нас не подпускали к нему, свиданий не было. И рассказал, чем его кормили. И как он письмо написал Мао...

А через какое-то время был суд. На суде требовали: признайся, что виноват! И отец сказал им:

– Да, я виноват, что не признавал советскую власть. Второй раз виноват, что незаконно перешёл границу. Третья моя вина – я не соглашался с большинством, с советским правительством Китая. Но я совершенно не виноват вот в чём: я не эксплуататор. Убейте меня, но в этом я не виноват, я не кулак! Я всегда работал один. Так за что же меня раскулачили?..

Новый человек

И вот уже более четверти века эти благополучные Родионовы, сын, внуки, да уже и правнуки Александра Дмитриевича живут в России, в самой обыкновенной вроде приморской деревне Хмыловке, спрятавшейся в глубинке, в четы-

рёх километрах от трассы «посёлок Врангель – порт Восточный», искушая своим благополучием обнищавших за «перестроечные» годы селян. И ведь не просто так, от фонаря, как говорится, выбрал Василий Александрович новое место жительства. Любовь к земле, от отца унаследованная, и великий голос крови повели его по стране, которой он в своей жизни ведь и не видел никогда, разве что во снах. И он прошёл-проехал пол-России, и землю мял в пальцах и пробовал даже на вкус (да, так!), и выбрал, в конце концов, землю нашей Золотой долины...

Благополучие. Из чего оно берётся? С неба падает? Иным так и кажется, завидущим. Но достаточно глаза всего лишь открыть пошире, чтобы увидеть, что несправедные деньги не приносят истинного блага, и воровское благополучие – лишь видимость. У хапуг-прохвостов всех мастей нет самого главного – лада в душе. А это и есть расплата за нажитое нечестным путём. Страшная, надо признать, расплата, хотя зачастую и незримая для тех, кто обделён душевным зрением.

Василий Родионов своими руками, без всякой посторонней помощи, поставил в Хмыловке дом *в пять уровней*, как говорят в Австралии. Красивый, уютный, невероятно удобный по всем статьям пятиэтажный дом! Три этажа – под землёй, в них расположены овощехранилище и прочие складские помещения, в одном из которых «плывёт» целый корабль, ну, не пароход, конечно, а большая резиновая лодка, на которой хозяин с друзьями рыбачит на море и на речках. Там же, под землёй, расположен настоящий энергоцех, обеспечивающий дому полную автономность: насос подаёт воду из абиссинского колодца, вырытого опять же собственноручно, компрессор гонит по воздуховодам, проложенным в подпольях, кондиционированный (зимой – тёплый, летом – прохладный) воздух по всему дому. Притом, всё работает на автоматике и совсем неслышно, и полы зимой тёплые, а пыли в доме нет совсем. Вот такой чудо-дом красуется в Хмыловке уже около двадцати лет! Возвёл его Василий Александрович исключительно своими собственными работающими руками, умеющими всё на свете: пахать и сеять, кирпич обжигать и строить, токарить и слесарить по высшему, притом, разряду, ладить любые машины (в порту Восточном, что неподалёку от Хмыловки, не было лучшего наладчика всей портовой механизации). Василий в 13 лет ведь начал работать. Там ещё, в Гонконге, по дороге в Австралию.

И вот, зная силы свои, чувствуя родовое родионовское могущество, которое держится верой, и видя, как жаждет и страждет родная русская земля, Василий на следующий год по прибытию в Россию подался в Москву. Как некогда ходки к царю и Ленину ходили. Он просил у местной власти: дайте мне сто гектаров земли, я вам обещаю, что выращу пшеницы яровой не 12, а 20 центнеров с гектара, а озимой – 30...

Н-да, ну а зачем, скажите, местным князькам такое? У них еле те 12 собирали, а этот выскочка возьмёт да и докажет сдуру, что можно 20, и куда ж их тогда самих засунут?.. Вот и заканителили они заморского фермера, замурыжили, всласть пофутболили от стола к столу по всем кругам канцелярским. И у него хватило ведь терпения пройти все те круги! Но когда они замкнулись, то есть финиш оказался на старте, он и стартовал в столицу. И дошёл до самого Горби...

Его земля

Когда Василий вернулся в Хмыловку, он застал у ворот блещущую лаком начальственную машину. Это оказались те самые канительщики-футбольщики, что с полгода гоняли его по кругу. Теперь он стал для них «уважаемым Василием Александровичем», которому тут же было на выбор предложено несколько земельных участков. Родионов землю получил, но работать на ней не спешил. «Коммунисты дали, коммунисты потом и отнимут», – говорил. И ждал закона о земле. Долготерпеливый оказался мужик: семнадцать лет прождал!..

И дождался! И засеял все сто га... травой, тимофеевкой, клевером, люцерной, не просто травой-муравой, а особо продуктивной, питательной, селекционные семена выписал из Австралии и приобрёл здесь, в Уссурийске, в Приморской государственной сельскохозяйственной академии – сорок кг семян на гектар.

Коровы в Приморье умели некогда давать по двадцать-тридцать литров молока, но, похоже, в результате *мудрой политики партии и правительства*, о которой семь десятилетий пели народу, стали выдавливать из себя два-три литра. Сейчас родионовские бурёнки доятся трижды в день по ведру. Одну из них он выкупил в Казанке, селе неподалёку от Хмыловки. Эту коровушку недавно привезли оттуда, откуда прибыли и Родионовы, да не одну, конечно. Но так «хорошо» за ними ухаживали тут, что одна из них, отошав, пересиганула чуть не двухметровый забор и ушла в лес. 95 тысяч рублей отдал за неё Василий и, радуется, не жалеет.

Шагаем с Василием по полю, по его земле, по нашей, приморской. Апрель, земля уже вовсю задышала, у корней прошлогодней, метроворостой, сухой травы – конского щавеля, полыни, овсяницы пробилась зелёные побеги. Весна в Приморье в тот год ранняя была. По радио с месяц, наверное, пугали приморцев энцефалитными клещами, которых, дескать, этой весной особенно много. «А меня они не кусают», – Василий даже не удивляется такому факту, а просто констатирует. А мы-то все, идя на природу, трясёмся и часами трясём потом, после минутного пребывания в лесу, одежду до трусов и носков. А ему – хоть бы хны. Он, вроде бы чужак, австралиец, а вот же – свой на этой земле! И даже клещи его признали!..

Берёзовая рощица слева, птицы лесные там, в кронах, щебечут да пересвистываются, гнёзда вьют. Здесь, на просторной поляне, решил свить родовое гнездо и Василий Родионов – построить ещё один дом, коттедж, дачное бунгало, как хотите назовите. Главное – построить. Потому что пришла, знать, такая пора – обустраниваться, строить. У Василия – батины мысли: помогать земле, природе, людям, делать всё вокруг лучшим, более совершенным. Творец создал этот мир и завещал человеку жить в нём и преображать его. По своему образу и подобию сотворил Господь нас, потому-то и доверено нам преображение-сотворчество.

Преображение. Всю жизнь отец страдал за это человеческое право. А вот ему, сыну, дано уже иное – приложить все могучие силы свои не на одоление страданий (страдальчества и без того полно вокруг, народ уже *привык* к нему), а на созидание. Да, отец явил пример страдания, а он должен теперь явить пример созидания, рождения и возрождения. Он, «чокнутый», привёз в 1989-м в Россию семью, четверых детей, сейчас у него уже шестеро внуков, и все живут в своих

домах, созданных руками деда (он давно уже дед) и, конечно, руками родителей своих – сыновей и дочерей Василия, внуков и внучек Александра Родионова.

Его земля, ставшая родной, частью Родины, исторической Родины русского рода Родионовых. Тысячи камней собрали они с женой, обихаживая эту таёжную землю. Нет, она мёдом не мазанная, плодородный, гумусный слой – меньше двадцати сантиметров. Для сравнения загляните в Париж, там вот уже больше века выставлен всему миру на диво огромный монолит российского чернозёма из Воронежской губернии. Это условный куб, каждая грань которого равна сажени – 2,16 метра!.. Земля для Василия – главная ценность, основа всего. Каждая травинка на ней – родная, дорогая. Мы удивляемся: засуха была прошлым летом, трава у всех на полях-лугах выгорела, а у тебя – зелёная! Почему?! И Василий Александрович скромно улыбается, объясняя: да вот, придумал такой ирригационный инструмент, к трактору прицепил и пошёл по земле полосами маленькие канавки рыть, ну и всё, росой они потом напиваются – и траве хорошо... И патент на него, на этот инструмент, получил... И колосятся зелёные волны на его гектарах и ждут травоядных, жадных до этих росных травушек и по природному волшебству обращающих их в тонны молока и мяса, живого, вкусного молока, натурального, не того, с издевательским названием «Домик в деревне», что мы в своих городах пьём, и настоящего мяса, экологически чистейшего и, разумеется, бесконечно далёкого от «ингредиентов» колбасы, которую отказываются употреблять даже голодные кошки...

– Коровы у меня будут чёрные, комолые, то есть безрогие – даже бычки, есть такая порода, – делится планами Родионов. – Главное – кормовая база, шесть разновидностей трав с трактора сеял, в том числе «ржаную траву», по-английски «рай грас».

И восьмиметровый колодец вырыл Василий на подворье; и стол дубовый соорудил, неподъёмный, красивый, большой – на всю родню, на всех гостей хватит; и все свои сто га обошёл, с каждым деревом, каждым кустиком поздравился и окружил тонким проводком под неопасным, но чувствительным током и предупредил: *Осторожно! Включён электронный пастух!* А сколько тут – прямо с тем столом и с кухней рядом – грибов! Мы за тридцать минут три корзины набрали, да каких – белых, подберёзовиков, подосиновиков, обабков. Калина, малина, шиповник, вкуснейший кишмиш, который «по науке» актинидия ктоломикта, целебный лимонник – каких только ягод нет здесь, в приморской тайге! А вон амурский бархат в три обхвата, нет, в четыре – самого Василия и нас, троих гостей, едва хватило на эти объятия. Когда он зацветёт, как будут пчёлы рады, а и каков родится мёд – настоящий бальзам от всех хворей!

Добрый пример, кто бы спорил, заразителен. Пример Родионовых русским людям в Австралии (а их там двести тысяч) по сей день спокойно спать не даёт... И где-то лет за 8–10 в Хмыловку перебрались с Пятого континента ещё восемь русских семей!..

В начале 1990-х мне довелось побывать в Австралии, в частности в Русском клубе Сиднея. И я увидел, услышал и всем сердцем понял-почувствовал могучую тягу русских душ к своей исторической родине, Родине, России. Тогда работала в Сиднее русская радиостанция 2-ЕА, в одной из передач которой прозвучала сплетня о бедствиях семьи Родионовых, терпящих, дескать, крах. К чести редактора Алексея Ивачёва, он организовал целое получасовое интервью со мной, и я рассказал о Василии, его жене Рае и детях, которым привольно живёт-

ся и дышится на *родной земле*, в Приморье. И в Русском клубе за то меня едва не затискали...

Дышит, парит, миражит и благоухает апрельская земля родины, ласкает ноздри, нежит кожу, ублажает слух гармонией птичьих песен и струн золотой арфы. И верится: живущим здесь, на этой земле, не угрожают ни типичный СПИД, ни атипичная пневмония, ни Алькайда, ни ИГИЛ, ни даже пофигизм местных чинуш, столько лет гонявших Василия по «коридорам власти», – ничего. Эта земля, эти люди – под Богом, под Его защитой и покровительством. «Только хозяин может землю сохранить! – убеждённо заявляет Родионов. – А ежели она общая, то на ней что – только общий мусор, к сожалению». Вот недавно вторгся и сюда вездесущий наш «Газпром», трубу тянущий в Приморье и крушащий, по своему обыкновению всё вокруг.

Private property, частная собственность. Вторгнуться не посмели, обошли, но впритирку. И насмерть убили дорогу, его единственную дорогу к селу, своими гусеницами и четырёхметровыми колёсами монстров. А ведь дорога – это жизнь. После газпромовских мульчеров японский внедорожник Родионова уже бездорожник...

Василий отсудил своё право на международные водительские права, когда главный гаишник края заставлял его ехать на трёхмесячные курсы во Владивосток, бросив хозяйство на жену и детей. Отсудил арестованный валютный счёт в ВТБ (а слух о том аресте дошёл до Австралии). Родионов пожил в правовом государстве и отлично умеет своими человеческими правами пользоваться. Больше десятка дел сумел отсудить он в суде, «самом справедливом суде в мире»... Там же, в Золотой долине, во Фроловке, он открыл известковый заводик (время больших строек пришло, спрос он просчитал загодя), поставил чуть не полулицы финских домиков для рабочих. А добрые люди в сельсовете подучили их «наказать буржуина, приватизировать дома»... Василий даже в суд не обращался, просто с улыбкой отправил их к юристу... Он даже «Газпром» победил, притом также не доводя до суда: убитую лесную дорогу вдоль своего участка заставил пусть частично, но восстановить – грейдером. Я присутствовал при этих переговорах и предложил всевластному, аки князь, газпромовскому прорабу отсыпать небрежно выровненную дорогу крошкой каменной. Хозяйские деньги он, в отличие от своих хозяев, считать умел: «Это вам продать всё хозяйство-имение ваше – и не хватит на то»...

Фермерское хозяйство «НАДЕЖДА» (так означено на въезде) не будет продаваться, не надейтесь. Старшая дочь Родионовых – Надежда – живёт во Владивостоке. Отец на Рождество приехал в гости. Разумеется, с таёжными дарами, как самый настоящий Дед Мороз, внуки в восторге!...

И так хочется верить, что сам Господь привёл сюда, к нам, в Приморье, Родионовых потому, что эра страдания России подошла к концу...

Кабан-слон и Волшебный Колун

Он был даже боксёром, притом тяжеловесом. И стал в своё время чемпионом Австралии среди юниоров. И так во всём – за что ни возьмётся, всё ладится у него на славу! Удивительный, многоталанный человек! И на редкость скромный, гордыни, тщеславия лишённый напрочь. Среди многих дарований Василия Александровича как-то незаметно спрятан настоящий бриллиант – талант изобретателя. Думаю, любому хватило б одного этого дара, чтобы жить в радость и

даже прославиться. А он изобретает походя, между делом, главное ведь дело его – земля, забота о ней, работа на ней: ирригация, возделывание, возвращение всего живого, строительство. А ведь изобрёл не мелочи какие-нибудь – усовершенствовал токарный станок, придумал новый способ обжига извести. И узнаёшь об удивительных его творческих находках совершенно случайно!

Сидим прямо в лесу, в новом дворе Родиновых, под раскидистым вязом, за могучим дубовым столом, за которым только свадьбы играть (три уже сыграно), пьём чай. Наливаем кипяток из поттера, за который нечаянно и цепляется нить разговора. И Василий Александрович, стесняясь совсем по-детски, обмолвился: больше тридцати лет назад, когда жил ещё в Австралии, «как-то от нечего делать придумал этот чайник». Какой – да вот этот самый! И патент получил, и компания «Дженерал электрик» договор с ним заключила, и пошёл поттер гулять по свету, чаем нас поить.

Пошли по двору прогуляться, с коровушками, лошадами, хрюшками пообщаться. А на птичьем дворе – с утками, гусями, курами разных пород, от смешных голошеих до мохноногих модниц, с перепёлками, несущими целебные яйца, да красотками цесарками – всем живым хозяйством, с которым управляет-ся, в основном, Рая, жена Василия. А сам хозяин (так и хочется это слово писать с заглавной буквы – Хозяин) за что ни возьмётся, буквально во всём ищет изюминку и обязательно находит, экспериментирует смело, чаще всего даже дерзко, вырываясь за рамки привычного, за грани традиций, однако беря от них лучшее и стараясь это улучшить ещё. Постоянная, неодолимая тяга к творчеству – вот что у Василия Родионова в крови, он воистину творец всего, что его окружает! Хрюшки? Ну, что, казалось бы, тут нового искать – корми от пуза, наращивай сало-мясо – вот и все дела. Ан нет, он не зря столько лет занимался свиноводством там, в Джилонге, и тут, в приморской тайге, появляется вдруг на подворье чудо-юдо, кабан невиданной американской породы, чисто мясной, вообще без сала... Как, свинья без сала? А так: у неё сало превращается в хрящевидное мясо, вполне съедобное, хотя на мой, например, вкус не шибко аппетитное. Зато кабанчик вырос за год до настоящего монстра. В осенний мясоед Василий подвесил тушу в трёхметроворостом ангаре – на таях, под самый потолок – и прямо тут целиком её закоптил. Ещё не видя этого, я поинтересовался: сколько, килограммов на сто кабанчик? Родионов обиженно взглянул на меня: четыреста!.. Ну да, потом подумал я, у него же детей четверо, а внуков уже шестеро, да все – тьфу-тьфу-тьфу – такие хорошие и умненькие: поют и танцуют, играют и рисуют, учатся лучше многих. Недаром так говорится: хорошие люди должны размножаться!

Рая, жена Василия, хрупкая на вид, но полная радостной жизненной энергии, всегда щедро делится ею с детьми и внуками, которые часто навещают «стариков» (в кавычках, потому что ну никак они, старшие Родионовы, на стариков не тянут). Рая, кажется, сама себе не веря, рассказывает, как строился дом в Хмыловке: *«42 тысячи кирпичей через мои руки прошли!!!»*

В углу двора замечаю странный станок – не станок, механизм какой-то. Железный, приваренный к рельсу, с полозьями и в то же время с колёсами. По профессии я инженер-механик, ну вот и заинтересовался, что за чудо, мол?

– Та, – Василий опять улыбнулся детской своей стеснительной улыбкой, – это колун.

–???

– Да тут, в деревне, мужик один пожилой как-то осенью пожаловался: на зиму поленицу надо сгношить, а сил уже на то нету. Ну, вот я и придумал...

– А как он работает? – дивуюсь я, разглядывая «колун», на салазках которого с одного конца красуется действительно мощное и острое лезвие, похожее то ли на алебарду, то ли на форштевень «либертоса», старинного уютнообразного парохода, а на другом конце – поршень.

– Да вот, – Василий кладёт на салазки сучковатое полено и давит кнопку пуска. Поршень быстро и плавно подаёт деревянный оковалок к «форштевню», который, как и положено ему, легко разваливает полено, словно встречную волну. За одну секунду! Каждую половинку – опять на салазки, и за две секунды у нас готовы четыре чурки.

– За час или полтора, – Василий сам радостно удивляется, – я ему всю поленицу сложил!

Не перестаю восхищаться «железным дровосеком», вспомнив сказку Волкова, и расспрашиваю изобретателя – как, из чего сотворено это чудо?

И снова Василий с улыбкой, словно сам себе удивляясь (и ведь есть чему!), показывает и объясняет:

– Кусок рельса вот. А это – из армейского огнетушителя. А вот гидроцилиндр от финского экскаватора. Ну, а этот распределитель – с китайского автопогрузчика снял. Всё просто. Вот русский гидронасос. Колёса взял от аэродромной тележки. Движок итальянский. Ну и топливный бачок от русского культиватора...

– Да-а-а! – только и смог я выговорить, уставившись на Кулибина-Левшу, с юмором взирающего на мою восторженную, надо думать, физию. – Запатентовать бы надо, Василий Александрович.

Василий в ответ пренебрежительно махнул рукой в сторону «колуна» – мелочи жизни, мол.

Относительно недавно колесил я через всю Россию зимой на скором поезде «Россия», и вспомнились мне порушенные «катастрофкой» заводы, фабрики, фермы, замороженные «незавершёнки», отчего душа болела, гляючи, но вспомнилось и то, чему радовалась душа: сотни и сотни наших русских деревень с уютными дымками из труб, ладными поленицами во дворах под навесами. Жива Матушка Русь, жива!

– Надо запатентовать, – повторил я, – и пустить в серийное производство. Цены не будет твоему изобретению! Хотя бы по одному такому «железному дровосеку» на деревню – и все русские старики и старухи молиться за тебя будут, дорогой Василий!

– Пойдём лучше чай пить, – кивнул Родионов в сторону стола. – Ты не представляешь, сколько сил надо положить, чтоб те все чиновные пороги пройти...

И узрел я мысленно знаменитые Днепровские пороги, которые с риском для жизни одолевал князь Олег с дружиною на ладьях, идя на Царьград, и подумал: пожалуй, прав Василий, чиновные наши пороги потяжелей. Но! Ежели есть на Руси такие люди, как Родионовы, превратившие Хмыловку в настоящую Приморскую Австралию, а непроходимую тайгу – в цветущую ферму, мы всё преодолеем!..

Не так давно у Родионовых родился седьмой внук – Роман Петрович Родионов, наследник старшего сына Василия и Раисы. История славного казачьего рода продолжается.

625.1(571.6+518.3)(091)

ГДЕ КВЖД?

В.Л. Назарова

*Приморское краевое отделение Русского географического общества –
Общество изучения Амурского края
г. Владивосток, Россия*

В детстве я изредка слышала разговоры взрослых о работающих на КВЖД родственниках, недоумевая, что означает это заковыристое слово. Однажды я спросила:

– Мама, а где Кважеде?

Мама рассмеялась и поправила по буквам КВЖД: К – китайская, В – восточная, Ж – железная, Д – дорога. Начальные буквы длинных слов образовали короткое. Поняла?

– Мы поедем по такой дороге?

– Вряд ли.

– Почему?

– Лучше не спрашивай. Тяжело вспоминать.

И я не спрашивала, закрытым был не только Владивосток, но и люди, запуганные репрессиями. Однажды, рассматривая наш старинный фотоальбом, я остановила взгляд на портретном снимке молодого отца мамы с надписью «Харбинь». Спрашиваю маму: «Его так звали?»

– Папу звали Владимир Петрович Иванов. А Харбин – это город, откуда начиналась строиться железная дорога до Владивостока и дальше до Порт-Артура. Папа и там был.

Вскоре, после этого диалога между нами, мама купила большую карту мира и повесила над моей постелью как ковер. Так начались мои познания географии, связанные с причастностью моих родственников к строительству большой железнодорожной магистрали, но говорить о них почему-то было не дозволено.

С открытием Владивостока в 1991 г. и «железного занавеса», когда появилась реальная возможность «покататься» по той дороге, я вновь обратилась к судьбам своих родственников, но сложность заключалась в том, что я потеряла маму... Оставались двоюродные братья и сестры в разных концах бывшего Советского Союза, разбросанные по воле НКВД в эпоху сталинизма. Из писем двоюродной сестры Наташи Крулевич (рожденной в Гулаге) выяснилось, что начиналась семейная жизнь наших молодых дедушки и бабушки с того, что они обвенчались тайно. Отец невесты – генерал Михельсон – вынес суровый вердикт: Вы опозорили меня на всю Одессу, вон с моих глаз! Поскольку же-

них был недоучившимся студентом Института путей сообщения, молодые подались на Дальний Восток, где в конце XIX века велось грандиозное строительство железных дорог, чтобы соединить сибирский участок путей с Уссурийским короче на 514 верст.

Владимир Петрович Иванов

В.П. Иванов, г. Харбин

Семья ИВАНОВЫХ в 1907г.

Министру финансов С.Ю. Витте пришла идея сократить путь через территорию северо-востока Китая – Маньчжурию. После получения согласия Китая на прокладку рельсового пути было организовано акционерное общество – Правление КВЖД. Первые изыскания по сооружению дорог начались в июле 1897 г., причем строить решили от Харбина, на берегу полноводной реки Сунгари. Там и оказались наши прародители в начале XX века и появилась их семья. На фотоснимке запечатлены супруги Ивановы с первенцами – дочками. На руках у китайского боя сидит годовалая моя мама, улыбаясь счастливому детству. Отец семейства Владимир Петрович, устроившись в коммерческий отдел Правления КВЖД, деятельно принимал участие в организационных делах станций, быстро строившихся вдоль железнодорожных путей.

Регулярное пассажирское и грузовое движение открылось на КВЖД 1 июля 1903 г. Первые годы эксплуатации дороги проходили в сложных условиях русско-японской войны (1904–1905 гг.). Закончилась война, как известно, поражением и территориальными потерями. Ездить на Желтое море в спальнях вагонов с ванными комнатами для семьи с пятью детьми возможности уже не предоставлялось. Дети Ивановых: Людмила 1903 г.р., Нина 1905 г.р., Галина, Владимир, Евгений.

Японцы, оккупировавшие Маньчжурию в начале 1930-х гг., стали препятствовать работе КВЖД, находившейся в совместном управлении СССР и Китая. На дороге участились случаи диверсий и аварий. Учитывая сложившуюся напряжен-

ную обстановку, глава семейства решил отправить жену и дочерей во Владивосток, чтобы они обучались в русской гимназии. Девочек определили в коричневую гимназию (ныне школа № 9, с изучением китайского языка). Сыновей же отец решил оставить в Харбине, чтобы дать им техническое образование в открывшемся Русско-китайском техникуме (позже – Харбинский политехнический институт – ХПИ).

В сложные времена японской оккупации, советское правительство, опасаясь взрывоопасной ситуации, вынуждено было продать КВЖД в 1935 г. властям Маньчжоу-го.

Русское население Харбина – кто в Америку, Австралию, а Ивановы-патриоты – на Родину, в СССР. Возвращались специальным составом как герои, встречали их на границе как врагов, подвергнув грабительской проверке особого подразделения НКВД по борьбе со шпионажем. Так тысячи соотечественников стали заложниками тоталитарного сталинского социализма. Беспощадным репрессиям, с клеймом «враг народа» они осуждались по смертной 58-й статье. Разорив семью, отобрав детей и вещи, моих родственников пересадили из комфортабельных вагонов в спецшалоны-теплушки и развезли, как скот по лагерям Гулага Советского Союза.

Известно, что Евгений Владимирович Иванов был начальником депо Ружино. Когда его арестовали, то рабочие устроили забастовку. Главу семьи Иванова Владимира Петровича расстреляли в 1938 г. Где преклонить голову над его прахом, потомки дознаться не могут до сих пор.

УДК (0932)(571.6):930.25(73)

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ США

А.В. Попов

*Историко-архивный институт Российского государственного
гуманитарного университета
г. Москва, Россия*

Соединные Штаты Америки относятся к странам с большими коллекциями архивной россики, что объясняется целым рядом факторов.

Во-первых, Аляска до 1867 г. была частью Российской империи, также Россия до 1841 г. имела свою колонию в Калифорнии. Последние русские поселенцы покинули Калифорнию в 1847 г.

Во-вторых, в США всегда существовала многочисленная и активная российская диаспора.

В-третьих, в годы «холодной войны» США были лидером западного мира в его противостоянии СССР. А противника надо изучать. Поэтому в США было создано и активно действовало множество советологических/россиеведческих научных центров. При таких центрах, а также в государственных архивах США, архивах американских университетов часто создавались собрания документов, профилированные на комплектование архивной россики [4, с. 67].

Толчком к активизации славянских исследований стало создание в 1938 г. Комитета по изучению славянской истории (с 1948 г. – Американская ассоциация углубленных славянских исследований – AAASS). В настоящее время в США действует более 30 центров российских и славянских исследований. Среди них: Институт Гарримана Колумбийского университета, Институт европейских исследований Корнельского университета, Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета, Центр российских и восточноевропейских исследований Стэндфордского университета и др. Все центры получают значительную финансовую государственную поддержку. Создание сети центров, изучающих Россию, привело к созданию источниковой базы для изучения России – специализированных архивов и библиотек. Американские исследовательские и образовательные центры за годы «холодной войны» смогли собрать богатейшие коллекции документов по истории России [2, с. 93].

Значительные собрания архивной россики отложились в Национальном архиве США.

Одним из крупных комплексов российского происхождения является архив Российско-американской компании, который по условиям договора о продаже Аляски от 18/30 марта 1867 г. был передан Соединенным Штатам Америки.

С 1870 по 1937 гг. это обширное собрание, 92 тома документов, хранилось в Государственном департаменте, а затем было передано в Национальный архив, где было микрофильмировано. Первые 25 томов этого собрания – инструкции, письма и другие документы Главного правления РАК, за 1802, 1817–1866 гг. Следующие 49 томов составляют донесения главного правителя Русской Америки и приложения к ним за 1818–1867 гг. В коллекции имеются журналы судов РАК за 1850–1867 гг.: журналы экспедиций лейтенанта Л.А. Загоскина (1808–1890) в Юконский бассейн и юго-западную часть Аляски и капитана И.И. Архимандритова (1822–1872) на остров Кадьяк, залив Нортон и острова Прибылова за 1842–1844, 1860 и 1864 гг. Существенной лакуной в этом собрании является почти полное отсутствие документов за период 1802–1817 гг. Сохранилась только секретная инструкция А.А. Баранову от 18 апреля 1802 г. [1, с. 66]

Другим крупным комплексом российских источников, отложившихся в Национальном архиве США, являются документы российских консульств за период 1844–1929 гг. Они включают: отчеты, переписку, юридические документы, фотографии и другие документы на русском, английском, французском, немецком и других языках. Документы были микрофильмированы и сейчас доступны исследователям, 263 рулона микрофильмов.

Российские консульские отчеты попали в Национальный архив США удивительным путем. После падения царского режима в 1917 г. русские консулы в семи городах США (Портленд, Орегон; Филадельфия, Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Гонолулу и Сиэтл), и в трех канадских городах (Монреаль, Ванкувер и Галифакс) остались лояльными царю. Правительства США и Канады начали оплачивать работу консулов, но в 1922 г. консульства были закрыты. Консульские документы были отправлены на хранение в бывшее русское посольство в Вашингтоне.

16 ноября 1933 г., за несколько часов до того, как США официально признали СССР, американские власти изъяли более 500 коробок документов консульств из посольства и сохранили их в Госдепартаменте. Документы русских консульств были переданы в Национальный архив США в 1949 г. Длительное время они служили предметом споров между СССР и США. Документы консульств были микрофильмированы: канадских – правительством Канады; американских – Генеалогическим обществом штата Юта. 31 января 1990 г. отчеты всех десяти североамериканских консульств были возвращены в Советский Союз. В настоящее время отчеты хранятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ.

Для российских исследователей может представлять интерес документация дипломатических и консульских представительств США в России и СССР за 1803–1929 и 1934–1939 гг. Её объем – 615 томов в том числе донесения американских консулов из Петербурга за 1803–1906 гг., Одессы (1831–1906 гг.), Москвы (1857–1906 гг.), Владивостока (1898–1906 гг.), Батуми (1890–1906 гг.), Архангельска, (1811–1861 гг.) и др. В документах Государственного департамента США отложились микрофильмы отчетов о политических отношениях между Россией/СССР и США: за 1910–1929 гг. (7 рулонов); 1930–1939 гг. (3 рулона); 1940–1944 гг. (1 рулон) и других дипломатических документов.

Среди других документов, имеющих отношение к России: архив Американского экспедиционного корпуса в Сибири (1918–1920); архив Американского экспедиционного корпуса в Северной России (1918–1919); документы союзнических конференций в годы Второй мировой войны и др.

В 2012 г. была рассекречена часть документов Генерального консульства США в Шанхае, Китай. В рассекреченных документах, охватывающих пери-

од за 1946–1941 гг., – сведения о русских эмигрантах в Китае. Документы содержат досье на претендентов на визу в США. Как правило, такое досье включает: интервью, фотографию и автобиографию претендента, заявление на получении визы, личные письма в консульство, а также сведения о претенденте, полученные из оперативных источников. Консульские досье очень важный и живой источник. Письма, биографии, сведения, сообщенные друзьями и родственниками, описывают бурную жизнь в годы войны и тяжёлые послевоенные годы [3, с. 220].

Значительное место среди документов Национального архива США занимают документы Центрального разведывательного управления США (ЦРУ). Процесс рассекречивания документов ЦРУ начался в 1980-х годах, когда директор ЦРУ Уильям Кейси разрешил рассекречивание и передачу девяти миллионов страниц отчетов в Национальный архив США. Среди рассекреченных документов были отчеты: «Стратегическое предупреждение и роль разведки: уроки, извлеченные из советского вторжения 1968 года в Чехословакию»; «Военные уставы – инструменты советского контроля»; «Анализ ЦРУ советского военно-морского флота»; «Анализ ЦРУ сил Варшавского договора» и др. В Национальном архиве США также хранятся микрофильмы трофейных немецких документов. Многие документы касаются деятельности немецко-фашистских властей на временно оккупированной территории Советского Союза.

Российских исследователей заинтересует переписка российских императоров с американскими президентами, позднее генеральных секретарей СССР с президентами США. Эти документы хранятся в президентских библиотеках, являющихся составной частью Национального архива США. Например, переписка Джона Ф. Кеннеди и Н.С. Хрущева за 1961 г. Документы рассматривают вопросы разоружения, будущего американско-советских отношений и т.д.

Таким образом, крупные собрания зарубежной архивной россики и собрания документов русской эмиграции отложились на территории США. Собрания хранятся в государственных архивах США, архивах университетов, рукописных отделах музеев и библиотек, а также в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами. Значительное место среди хранилищ, имеющих в своем составе русские коллекции, занимает Национальный архив США. Безусловно, фонды и документы Национального архива могут представлять большой интерес для российских, в том числе дальневосточных исследователей.

1. Каптелов, Б.И. Документы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США / Б.И. Каптелов // Советские архивы. – 1980. – № 4. – С. 64–70.

2. Петров, Е.В. «Русские американцы» и «американская русистика» в первой половине XX столетия историографический обзор / Е.В. Петров // Россия и русистика новейшего времени: материалы международной конференции памяти А.А. Фурсенко (1927–2008). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. – С. 87–112. – 93 с.

3. Попов, А.В. Русское зарубежье и зарубежная архивная россика / А.В. Попов // Новый журнал. = New Review. Нью-Йорк. 2003. – № 230. – С. 217–245.

4. Сабенникова, И.В. Архивные материки русского зарубежья. Тенденции и направления изучения: аннотированный указатель / И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке, А.С. Ловцов. – М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 428 с.

УДК (671.6)(091)

ЦАРСКИЙ ГЕНЕРАЛ С КАВКАЗСКИХ ГОР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

А.Д. Портнягин
В.П. Имтосими

*Международный Театр-Музей русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли
г. Кисловодск, Россия*

*«Вся моя личная жизнь была принесена в жертву армии. Горюю лишь о страшной гибели Славной, Доблестной и Многострадальной Русской Армии.
Да вознесёт Господь Её в своё время»*

Константин Хагондоков, мемуары

Неизведанные тропы, по которым идет исследователь, часто бывают непредсказуемы. Воистину: «Человек предполагает, а Бог располагает».

В 1980-х годах, во время многолетней работы в архивах разных городов России над восстановлением дачи Шаляпина в Кисловодске и созданием на ее основе первого музея, исследователь Валентина Имтосими столкнулась с неизвестным именем, о котором с теплотой вспоминал Фёдор Иванович, – героиня Франции Анна Юрьевна Смирнова-Марли. Под этим именем она поселилась под сводами театра-музея «Благодать» в Кисловодске. В свою очередь, архивы Анны Марли, которые она передала нам на Аляске, открыли имя другой героини Франции – Эльмесхан Хагондовой, дочери царского генерала Константина Николаевича Хагондокова. Трудно назвать награду самого высокого достоинства в царской России, которую не имел бы этот человек. О забытом генерале, который неразрывно был связан с Дальним Востоком, и пойдет речь в этом исследовании.

Волей судьбы в один из приездов в Париж встречаемся с внуком генерала художником Константином-третьим Хагондовым. Эта встреча положила начало большой и искренней дружбы, многочисленным беседам, во время которых выяснилось интересное обстоятельство. Как объяснил Константин, его отец Исмаил Николаевич Хагондоков, много лет назад завещал сохранить объемистые мемуары генерала и передать их человеку, которого он узнает, когда придет время. И это время пришло. Но не только парижские встречи были связаны с этим исследованием. Неоценимую помощь для более глубокого проникновения в тему принесли «копания» в архивах Колумбийского университета.

Константин Николаевич Хагондоков родился 14 сентября 1871 года в Пятигорске. Отец – Ислам Хагондоков, офицер царской армии, уроженец кабардинского аула Кармово (ныне село Каменноостокское, Кабардино-Балкария), чтобы жениться на русской дворянке, принял христианство с именем Николай. После гибели отца на Шипке во время Русско-турецкой войны мать осталась с четырьмя детьми. Мать, Александра Свищева, дочь русского консула в Китае. В 1877 году Константин был определен в «Школу для сыновей убитых и раненых офицеров» в Санкт-Петербурге. По завершению учебы он поступает в Константиновское артиллерийское училище, где и начинается его головокружительная карьера в царской армии. За храбрость и отвагу в боевых действиях от Дальнего Востока до западной границы России он был награжден многими орденами и медалями.

О бесстрашии Хагондокова ходили легенды. На протяжении всей своей военной карьеры, вплоть до генерала, никогда не отступал и никогда не проигрывал. Он не только стремился походить на своего кумира-полководца Суворова, но и служил образцом для подражания в бою и в гражданской жизни. Сам царь не раз выказывал уважение к храброму горцу.

Знакомство с мемуарами генерала, написанными уже в 1950-х, незадолго до его кончины, открыло перед нами живые страницы истории царской армии, ее славные и трагические будни, которые еще ждут своих исследователей. Он был не просто героем, коллекционирующим награды. Это был вдумчивый человек, каждый раз анализирующий создавшуюся ситуацию для того, чтобы принять правильное стратегическое решение.

Так произошло и с написанием мемуаров. Будучи уже в Париже и не имея в изгнании никаких записей прошлых лет, но сознавая необходимость оставить после себя важные мысли, без всякой претензии на то, чтобы их когда-то воплотили в жизнь, он писал: «Воспоминания не ставят цель кого-то учить или обличать, а в целях сохранить для потомков хотя бы некоторые обрывки грандиозной картины жизни и быта царской Русской армии».

Константину не было и 20 лет, когда, закончив Константиновское училище, он начал военную карьеру, или, по его словам, «бродяжничество», имея в виду постоянные переезды из одного края России в другой. Первый пункт приписки – небольшой губернский польский городок, где русские офицеры, в сущности, были чужими, хотя и не искали общества местных военных. Два года спустя он уже в Туркестане, откуда, уйдя в запас, был по собственному желанию зачислен запасным офицером в Охранную стражу Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

При отсутствии железной дороги на Дальний Восток России в 1898 г. он садится на пароход «Орёл» в Одессе и отправляется во Владивосток. Вместе с женой Елизаветой Бредовой, дочерью генерал-майора царской армии, и двумя дочками, одной из которых три года, а второй, ставшей впоследствии героиней Франции, – два месяца, проделал путь через Черное море, а затем – Средиземное и Красное, Индийский океан, Желтое и Восточно-Китайское моря. На сорок первый день пароход «Орёл», на котором молодая семья совершала длительное морское путешествие, подошёл к русским берегам и, минуя острова Русский и Олений, вошел в роскошную бухту Владивостока, в бухту Золотой Рог. Перед глазами пассажиров возникла русская Тихоокеанская эскадра во главе с красавцами крейсерами «Россия» и «Громобой». На склоне высоких холмов вокруг

бухты раскинулся Владивосток, и его поперечные улицы, казалось, сбегали в воды бухты, а по сути, выходили на опоясывающие Золотой Рог Алеутскую и Светланскую улицы. Лучшие улицы во всем городе.

Здесь летом 1898 г. формировались части Охранной стражи КВЖД, с которыми Хагондоков должен был направиться в Харбин. Через некоторое время при достаточном количестве казачьих отрядов первые сотни двинулись к месту несения службы. Им предстояло покрыть расстояние в 1000 вёрст. По этому маршруту отряды добирались железной дорогой и речным путём. До станции Иман доехали по Уссурийской железной дороге, а затем пересели на первый пароход КВЖД и двинулись по рекам Иману и Уссури к реке Амур, к городу Хабаровску и далее вверх по реке Сунгари до места, называемого Хаобин.

Ввиду малой изученности фарватера рек Иман и Уссури двигались только днем. К вечеру останавливались у берега в местах, где были заготовлены дрова для отопления пароходов. Повсюду поражала высота травы, поднимающейся выше человеческого роста. Через три-четыре дня плавания подошли к Хабаровску и были поражены величиной Амура. Было такое впечатление, что вошли в какой-то залив. Впереди на высоком берегу, на скале, над водой стоял памятник графу Муравьеву-Амурскому, перед ним лежало широкое водное пространство. Амур у Хабаровска имел две с половиной версты ширины. Богато, привольно и мощь необъятная. Дикая красота могучей реки, несущей свои воды со скоростью 12 вёрст в час, привела всех, а уральских казаков особенно, в какое-то благоговейное настроение. Так как хагондоковский отряд шёл первым рейсом по Сунгари, то должен был исследовать и отметить на карте реки фарватер.

Сунгари тоже оказалась мощной рекой, протекающей по равнине в желтых, глинистых берегах. Оказалось, в реке много перекатов, и фарватер постоянно переходил от одного берега к другому. Шли ощупью, то есть, бросая все время в воду длинный шест для определения глубины воды.

После двухнедельного плавания и многочисленных посадок на мель, первый отряд Охранной стражи прибыл к месту назначения, причалив к правому берегу Сунгари в местечке, которое и сегодня сохранило свое название – Пристань. Первопроходцы высадились на крошечный кусок земли с названием Хаобин, окруженный лесом и полем. Чтобы придать русское звучание Константин Хагондоков вместо буквы «О» поставил букву «Р», которая не произносится в китайском языке. Он не был лингвистом и не вдавался в подробности этимологии слова, однако для благозвучия русского языка сделал простую попытку изменить это слово. Таким образом, совершенно случайно стал инициатором современного названия этого города.

Харбином в то время назывался ханшинный завод. И только. Примерно на десяти десятинах были разбросаны заводские кирпичные китайские постройки, частью жилые китайские фанзы, а в большинстве – сараи и всевозможные склады для потребных заводу материалов. Не было ни полов, ни потолков, ни окон, ни дверей. Весь этот так называемый городок был обнесён по-китайски высокой стеной с двумя воротами. Уральская сотня с момента прибытия выставила караул и посты часовых у обоих ворот Харбина. Из трех прибывавших офицеров, среди которых был Хагондоков, были назначены дежурные по лагерю и по караулам.

За покупкой лошадей ещё раньше в Монголию были отправлены три офицера, ветеринарный врач и пятьдесят казаков. Было известно, что в первую очередь ожидается табун лошадей в две тысячи голов. С одной из донских сотен

прибыл из Владивостока в качестве младшего её офицера прапорщик Александр Иванович Гучков, будущий Председатель Государственной думы Российской империи, с которым в Харбине подружился Константин Хагондоков.

Служба Охранной стражи на первых порах в Харбине представляла собой сочетание спокойной жизни и одновременно неожиданных непреодолимых трудностей устройства. Однажды, в атмосфере, казалось бы, размеренного ритма повседневного бытия главный начальник Охранной стражи полковник Александр Гернгрос вызывает к себе Хагондокова и сообщает ему, что в табуне, который уже полтора месяца гнали из Монголии, начался падеж по 30–40 лошадей в день. В ведомстве Гернгроса Константин Хагондоков был единственным человеком, который смог решить эту проблему, опираясь на свой северокавказский опыт. Проведя невероятную операцию со всеми заболевшими или подозреваемыми на сибирскую язву лошадьми, он не только вылечил их, но и переправил табун в 1900 голов с правого берега Сунгари в Харбин.

Именно здесь, от Приморского края до Харбина и Порт-Артура, проявились замечательные качества Константина Хагондокова – воспитателя, администратора, отважного и находчивого командира. Он не только проявляет чудеса храбрости и смекалки в отражении набегов хунхузов на места строек железнодорожной дороги, но и участвует в усмирении восстания «Больших кулаков», известном на Западе как «Боксерское восстание» (кстати, ничего общего с боксерами оно не имеет).

Хагондоков так описывает ситуацию, в которой оказалась уже построенная часть КВЖД: «XI, XII и XIII участки должны бросить, как и все другие участки, все возведенные постройки и отойти к станции Пограничная». Приказ этот был получен начальником XII-го участка инженером Волошиным. Однако Хагондоков, когда спросили его совета, сказал никуда не уходить, так как путь со стороны тыла был свободен и, что есть возможность сохранить сделанные работы.

Однако напряжение на КВЖД росло, хунхузы теснили казачьи отряды, стойко защищавшие русское и китайское население, находившееся на опорных пунктах железнодорожников: «Части Охранной стражи, входившие в состав Харбинского гарнизона, должны были в течение многих дней выдерживать осаду и отбивать атаки во много раз превосходящих сил китайцев. Только превосходство нашего оружия и боевая доблесть охранных частей дали возможность спасти Харбин от разгрома, а население его от зверства китайских банд. Приходилось быть начеку и днем, и ночью. Гарнизон выбивался из сил, проводя часто бессонные ночи».

По окончании службы, Хагондоковы направляются в Санкт-Петербург, где Константин поступает в Академию Генерального Штаба. Но проучившись два года, он прерывает учебу, узнав, что началась Русско-японская война. По сути дела, везде, где он служил в Охранной страже, там командовал войсковыми частями и казачьими отрядами в боях против японских захватчиков.

Воинская доблесть молодого Хагондокова стала возможной благодаря преданности и уважению, которыми он пользовался у казачьих сотен, особенно Уральской и Донской, входивших в Охранную стражу КВЖД, а также Хопёрского казачьего полка, прибывшего с Кубани для охраны железной дороги.

Когда Хагондоков покинул Владивосток и вернулся в Европу, чтобы готовиться к поступлению в Академию Генерального Штаба, он получил письмо от своих подчиненных, которых называли «*хахандоковские* солдаты». Они описы-

вали конфликт, который произошел между ними и одним из офицеров и грозил стать суровым наказанием для них, хотя справедливость была на стороне нижних чинов. Последние решили искать защиту у Константина Николаевича, умоляя его для этого вернуться на Дальний Восток. Не задумываясь, он ищет и находит понимание своей жены и обращается к начальству с просьбой отправить его обратно, чтобы помочь своим солдатам в решении разгоревшегося конфликта. По рассудительному совету военного руководства он не покинул Петербург, но, тем не менее, сумел вмешаться и сгладить возникшие разногласия без ущерба для своих подчиненных.

Не успел Хагондоков окончить академию, куда успешно поступил и где был единственным слушателем с боевыми наградами, как грянула Русско-японская война. И снова наш герой на коне, в прямом и переносном смысле.

Хотя его батарею расформировали, ему удалось по прибытии на Дальний Восток встретиться со своими солдатами, которые с грустью вспоминали этот печальный факт и просили у него прощения за то, что не смогли сохранить свое подразделение. Один из солдат так объяснил стряпшееся над батареей горе: «Уж дюже, Ваше Высокоблагородие, высоко поднялась батарея. Такое не всегда бывает, и людям в завидку. Уси ходят по земле, а мы по облакам. Людей зло берет, чего это 3-я батарея залетывает. Вот и опрокинули». В беседе с солдатами Константин Николаевич постарался успокоить их, напомнив о том, что за царем служба, а за Богом молитва не пропадает. И как ни больно и горько было сознавать свершившийся факт, офицер сказал им: «Но, как я вас учил, помните, кто вы есть. Вы носители русского оружия и защитники русской чести и государственности; вы есть рыцари русские. Говорил я вам так, мои верные друзья?» «Точно так, говорили», – раздалось со всех сторон. В конце этой дружеской беседы Хагондоков напутствовал своих солдат: «Держитесь же так до конца службы вашей, а когда разойдетесь по домам, то будьте такими же честными и крепкими и в частной жизни».

Хагондоков удостоен многочисленных наград за строительство КВЖД, за участие в подавлении «Боксерского восстания» в Китае, а также высоких наград за участие в военных действиях во время Русско-японской войны.

Зависть многих сослуживцев постоянно сопровождала Хагондокова в армии, но, несмотря на это, благодаря его выдающимся способностям продвижение по служебной лестнице было необычайно быстрым. Кстати, звание генерала он получил в 1915 г., хотя представляли его к повышению до начала мировой катастрофы.

По окончании Русско-японской войны, к которой у меня лично особый интерес, так как многие баталии происходили в моих родных краях, Константин Хагондоков дает свою оценку неудавшейся для России военной кампании. Он сравнивает эту войну с разрушительными последствиями Второй мировой войны для всей Европы, во время которой Германия, покончив с Чехией, Польшей, Бельгией, Данией, Голландией и Норвегией, поставила на колени Францию, «взяв из пятимиллионной армии два миллиона пленных, и в течение полугода богатую и сытую великодержавную страну обобрала до нитки и довела до нищеты». Что же касается результатов Русско-японской войны, то, несмотря на большие преимущества Японии, проистекавшие из географической приближенности к театру военных действий, «русская армия не была ни разбита, ни раздавлена, ни уничтожена, ни пленена».

Всего этого не произошло потому, что русская армия, считает генерал, не была побеждена; она продолжала существовать и, несмотря на все сопротивление Петербурга и «на победы» Японии, росла, усиливалась и отлично снабжалась. «Где же была японская победа?» – задает вопрос Хагондоков и продолжает: «И если этой победы не было дано Японии, то... конечно, это результат руководства армией генералом Куропаткиным». Более того, русская армия, буквально жаждавшая реванша, победы, оставалась неподвижной на своих позициях, готовая продолжать бороться с противником. Однако были начаты мирные переговоры, остановившие боевые действия. «Победа русской армии в этот момент, – пишет в своих мемуарах генерал, – вывела бы Россию из унижительного положения, и весь печальный ход горестных событий следующих 10–15 лет в России не имел бы места».

Размышления Хагондокова о Русско-японской войне, высказанные по её окончании, звучат актуально для многих войн нашей истории. «Удивительна русская армия! – восклицает он и продолжает. – Вчера бежала в панике, неизвестно толком – почему. Сегодня одумалась, смеется и поет, соблюдая полный военный порядок. Завтра снова готова показать врагу, как Кузькину мать зовут». По мнению генерала, главное, что ей нужно – чтобы ею правильно руководили и не ставили в непонятно глупое до преступности положение. «Дайте ей хороших стратегов и приличную тактику, – уверен Хагондоков, – и она будет непобедима».

Цитата одного из дореволюционных профессоров в Академии Генерального штаба, которую Николай Константинович приводит на страницах своих мемуаров, напомнила мне ситуацию, сложившуюся в начале Второй мировой войны, о неподготовленности Советского Союза: «Плохая политика в международных отношениях и скверная стратегия на театрах войны приводили к тому, что Россия всегда спасалась на полях сражений на спинах русской армии».

Война с Японией могла кончиться победоносно, с точки зрения автора, которому в период написания воспоминаний было уже 82 года, как кончались победоносно и многие другие, не нужные России, «русские» войны. Но страна, к сожалению, была давно уже больна: «Характеры не вырабатывались, инициатива подавлялась, а не поощрялась, боязнь ответственности культивировалась, рутина, предрассудки и критиканство втихомолку царствовали повсюду. Зависть подхалимов, отсутствие образования и воспитания масс тяжело сказывались на подготовке и вождении войск. Государственный патриотизм в народе не существовал, замененный так называемым «колокольным» патриотизмом».

Хагондоков остро реагировал на то, что творилось в русской армии в период Русско-японской войны. Обсуждая все перипетии происходящих событий и боев русских войск в Маньчжурии, группа офицеров во главе с Константином Хагондовым пришла к заключению, что многое в приемах управления и командования войсками устарело; застой царствовал во всех отраслях жизни и службы армии; личный почин, как и характер военнослужащих, подавлялся. Слишком много времени армия тратила на муштру, парады для показа и очень мало практиковалась именно в том, что нужно для войны. В результате ими было решено создать тайное общество под название «Общество Военного Обновления».

По возвращению Константина Николаевича в Академию Генерального штаба для продолжения учебы начальству стало известно о его причастности к тайному обществу. Ему грозило увольнение и даже суд. Однако дело приняло неожиданный поворот. Когда военный министр явился в Царское Село и предста-

вил доклад, пишет в своих мемуарах Хагондоков, «Государь Император прочел проект устава нашего общества и сказал, что он совершенно согласен с мыслями этого общества и было бы очень хорошо, чтобы оно широко распространилось в армии». Через три-четыре дня почти все офицеры – слушатели академии записались в члены Общества. В то же время из академии сведения об обществе проникли в гвардейские части, и со всех сторон посыпались заявления о желании вступить в ряды прогрессивного общества. Однако по неизвестным до сих пор причинам «Общество Военного Обновления», не успев родиться, было распущено. Сработали еще более тайные силы русского общества, которые не были заинтересованы в проведении реформ русской армии.

Рассуждая о патриотизме, проблеме, остро стоящей в России, генерал Хагондоков утверждает, что «патриотична была только кадровая армия, воспитываемая русским, действительно патриотическим офицерством, в массе своей комплектуемым главным образом «кадетами». В этой связи он вспоминает на старости лет слова из марша 2-го кадетского корпуса:

Помню, как в корпус,
В путь далекий
Мать провожала меня:
«Сын мой, учись, молись за Царя.
«Смерть за Отчизну – завидная доля»,
Так повторял мой отец для меня...

В октябре 1911 года полковник Хагондоков прибыл в Читу, к месту нового служения, принял под свое начало 1-й Читинский казачий полк, а вскоре вступил во временное командование Забайкальской казачьей бригадой. Здесь он пробудет до декабря 1912 года. 7 декабря 1912 года последует новое назначение Константина Николаевича – Высочайшим приказом он утверждается командиром 1-го Семиреченского казачьего полка в Туркестанском военном округе.

Перелистывая тысячестраничные мемуары, понимаешь, насколько актуальными являются сегодня рекомендации, которые Николай Константинович высказывал применительно к царской армии. По его мнению, образование офицерства должно было быть более тщательным. «На офицерство, – считает он, – надо было смотреть не в ущерб многим другим потребностям Государства в интеллигентных работниках, как на цемент народов Российской Империи, памятуя, что ежегодно в их государственно патриотичные руки передавалось на воспитание и обучение 200 000 наиболее здоровых и сильных молодых людей». «Без всякого сомнения и колебания, – пишет он, – надо было в ряды офицерства собирать элиту русской интеллигентной молодежи, хорошо и вдумчиво подготовленной к их будущей подлинной роли патриотических воспитателей и военачальников русской армии, русского народа».

Константин Хагондоков, имевший большой военный опыт, который связывал его с казаками, видел в них опору российского государства. Он пишет в своих мемуарах, что единственно кому дорог порядок и «кто довольно мощен, чтобы его защитить, – это казаки». И он объясняет почему: «Они собственники своей войсковой земли и всех находящихся в ней богатств». Власть, подтверждающая права казаков на их самобытность, на их земельную собственность, считает Константин Николаевич, будет казаками поддерживаться со всей искренностью. «Пока не поздно, – уверен генерал, – надо казаков подготовить к этой необходимости защищать известный порядок, поддерживать центральную власть.

А это привело бы... к возобновлению нормальной государственной жизни всех народов, населяющих Россию».

Известно, что «Туземная дивизия» еще при жизни Николая Второго была окрашена мистическим светом таинства, не говоря уже о советском периоде, когда делалось все, чтобы о ней забыли и никогда не вспоминали. У Хагондокова другое отношение к храброму и неординарному воинскому соединению. Это он показывает на примере военных действий, развернувшихся в Карпатах против австрийцев в 1915 году, в которых он лично принимал участие в качестве командира 2-й бригады Туземной конной дивизии. В боях на Юго-Западном фронте Хагондоков использует богатый опыт, приобретенный им в Русско-японской войне. В 1907 году был издан в Петербурге его труд «Тактика конницы», который был не только учебным пособием, но, прежде всего, руководством к практическим военным действиям.

Что касается названия «Дикая дивизия», то он его отвергал, объясняя и будучи убежденным в том, что слово «дикая» не только не передает истинный смысл и предназначение дивизии, но и часто было оскорбительно для всадников, унтер-офицеров и обер-офицеров, которые верой и правдой служили русскому царю. Во-вторых, успехи этого удивительного военного формирования очень часто недооценивались собственными командующими, которые не подавали вовремя прошения о наградах. Награды не находили своих героев. В-третьих, они воистину были героями, которые наводили ужас во время ошеломляющих атак на противника, обращая его превосходящие силы в бегство.

Константин Николаевич приводит яркие примеры в подтверждение своих слов, ссылаясь на подвиги, совершенные на юго-западном фронте шестью славными полками этой дивизии – Татарским, Чеченским, Ингушским, Черкесским, Дагестанским, Кабардинским. «Да будет стыдно всем тем, – пишет в своих мемуарах Хагондоков, – кто, не зная работы и службы Кавказской Туземной конной дивизии, решается критиковать ее действия только на том основании, что им непонятно, как можно «диких» людей, не обученных и не муштрованных долгой службой в строю, вести против первоклассных войск на европейский театр!» «Тем более чести этим «диким», но храбрым войнам-добровольцам, – продолжает генерал, – отправившимся на австрийский /юго-западный/ фронт всего лишь после месяца обучения и с честью дравшимся под командой Брата Императора (Михаила Александровича. – АП) рядом со знаменитой 12-ой кавалерийской дивизией и ни в чем ей не уступавшим».

В феврале 1915 года Хагондокову присвоено звание генерал-майора. Об этом человеке сослуживцы, солдаты, которые глубоко уважали и ценили справедливость и достоинство своего командира, часто слагали песни. Вот одна из них:

В поход собрались мы Венгерский,
И чуть не вышел комом блин,
Когда повёл Хабаров дерзкий
Бригаду пятьдесят один.
Всегда ж чеченцев вёл к победе
Наш командир из Кабарды,
И в нашей дружеской беседе
К нему всегда – ала-верды.

В январе 1916 года Константин Николаевич назначен военным губернатором Амурской области и наказным атаманом Амурского казачьего войска. Создавалось

впечатление, что Дальний Восток не хотел отпускать из своих объятий горца, который, в свою очередь, очень любил далекий российский край. В новой должности он проявляет недюжинные способности хозяйственника, радеющего за развитие края, таящего в себе несметные богатства. Это было связано и с добычей золота, освоением дальневосточных земель, развитием пароходства и многим другим.

Несмотря на занятость исполнением губернаторских обязанностей Хагондоков не забывал о казаках. Амурское казачье войско было небольшим. На нём лежала задача охраны государственной границы на протяжении 1300 вёрст. Губернатор понимал, что он должен был заниматься воспитанием и образованием казаков, так как всегда считал, что на казаков, оставшихся в пределах области, он может рассчитывать как на военную силу. Он постоянно предпринимал поездки от Благовещенска вверх и вниз по Амуру, чтобы посетить все станицы, обещая всем помощь в их хозяйстве. Вместе с тем, напоминал о том, что спокойствие в области всецело зависит от строгости службы как призванных в войска и в особые сотни казаков, так и стариков и молодежи, оставшихся дома. Никакие разбои-грабежи не должны быть допущены. На границе стоят казачьи станицы, и всё должно быть тихо в их владениях и послушно русскому закону.

В декабре 1916 года Константину Хагондокову предлагают должность Петроградского градоначальника. В правящих кругах бытовало мнение, что в условиях народного брожения справиться с ситуацией может только решительный и энергичный человек, такой как генерал Хагондоков. На пути к этой должности осталось пройти аудиенцию с Государыней, которая была высокого мнения о Константине Николаевича и находила его интересным собеседником. От своих близких друзей генерал Хагондоков узнает, что тайно, за ковром в приемной, где состоится встреча, будет находиться Григорий Распутин. От него, в конечном счете, и зависит окончательное решение. Накануне аудиенции Хагондоков имел неосторожность прямолинейно, как он это всегда делал, высказаться по поводу того, что если Распутин придет к нему на прием, то будет принят в порядке общей очереди. Об этом стало тут же известно фавориту Александры Федоровны, и прием закончился отклонением кандидатуры прославленного генерала на пост градоначальника.

В июне 1917 года приказом Временного правительства по Армии и Флоту Константин Николаевич Хагондоков снова отправляется на край России. Его назначают командующим Приамурским военным округом, в который тогда входили также Сахалин и Камчатка, и наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск.

Все генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы были свергнуты революционным народом. Константин Николаевич был единственным губернатором, который избежал этой участи. Более того, когда он покидал свой пост в декабре 1917 года, его провожали с почестями. Его имя запечатлено памятной доской на «Доме губернатора» в Благовещенске.

Подводя итог своей военной карьеры, Константин Николаевич писал: «Я отходил три войны, пережил русскую революцию; во Франции дочь и три сына были во французской армии; еще четыре зятя тоже были в армии и участвовали в боях».

Всего у Константина Хагондокова было восемь детей и девять внуков. Одна из дочерей – Эльмесхан (Гали) Хагондокова стала героиней Франции. По словам самого Хагондокова, «Гали – славное продолжение Хагондоковых во Франции». Отважный генерал царской армии Константин Николаевич Хагондоков почил вдали от Родины в возрасте 87 лет и был похоронен в 1958 году на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

УДК 282(518.3)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ХАРБИНА: КАТОЛИКИ

М.Б. Сердюк
К.И. Родионова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

В 2018 г. Харбин отмечает юбилей – 120 лет со дня основания города, созданного как одна из станций КВЖД. Благодаря притоку строителей из Российской империи, Цинской империи и других стран Харбин с первых своих дней развивался как многонациональный и многоконфессиональный город. В нем жили христиане, буддисты, иудеи, конфуцианцы, мусульмане. Массовый приток эмигрантов после октябрьской революции и гражданской войны в России продолжил эту особенность города: он оставался местом, где нашли прибежище беженцы самых разных национальностей и религий.

Главенствующие позиции в религиозной жизни города занимала Русская православная церковь. До 1917 г. – как государственная церковь Российской империи и церковь большинства российского населения в полосе отчуждения КВЖД. После 1917 г. – как церковь большинства эмигрантов из России, сохранявшая национальные культурные традиции покинутого отечества.

Но, кроме Русской православной церкви, в Харбине были общины последователей, храмы, учебные заведения, СМИ многих других христианских церквей: протестантских, старообрядческих, католических.

История Харбина и его жителей активно изучается как в России, так и за рубежом. Одним из направлений исследований стало изучение религиозной жизни города, религиозной жизни русской эмиграции. Основное внимание исследователей привлекает история Русской православной церкви. Этой теме посвящено значительное количество публикаций – статьи, монографии, сборники. История других направлений христианства в Маньчжурии изучается, но не так широко.

Одной из недостаточно разработанных отечественными исследователями страниц религиозной истории Харбина является история католиков. Между тем приверженцы Римской католической церкви, как из Российской империи, так и из европейских стран жили в Харбине с первых лет основания города. Они были и в числе строителей КВЖД, приехавших на заработки, и в числе формирующегося постоянного населения.

До 1917 г. католическую жизнь города ограничивали законы Российской империи, провозглашавшие государственной религией православие и запре-

щавшие миссионерскую деятельность всем религиозным организациями кроме государственной Русской православной церкви. После февральской и октябрьской революций эти ограничения отпали, и в 1920–1940-е гг. католики Харбина активно развивали жизнь приходов, создали монастыри и учебные заведения, развернули миссионерскую работу.

Наиболее показательными примерами оживления деятельности последователей Римской католической церкви на берегах Сунгари стали:

- 1923 г. создание Владивостокской католической епархии, хиротония епископа которой состоялась в Харбине;

- 1928 г. – создание Русской Католической епархии византийско-славянского обряда в Маньчжурии (другие названия – Апостольская администрация для католиков восточного обряда или Харбинский экзархат) [1, LIV, с. 5; 2, с. 206];

- 1929 г. – открытие приюта для мальчиков, постепенно преобразованного в епархиальное училище, а затем – в Русский католический лицей Св. Николая [3, с. 6].

Очередные военно-политические потрясения Харбин пережил в начале 1930-х гг. После захвата территории Маньчжурии императорской Японией и образования марионеточного государства Маньчжоу-го жизнь католиков не претерпела значительных изменений. Ватикан имел дипломатические отношения со всеми странами «оси Берлин–Рим–Токио»: в 1929 г. подписал конкордат с фашистским диктатором Муссолини, в 1933 г. – конкордат с правительством гитлеровской Германии, в марте 1942 г. – установлены полные дипломатические отношения с Японской империей. Маньчжоу-го с 1934 г. имело дипломатические отношения с Ватиканом [4, с. 6].

В 1930–1940-е гг. в Харбине, как и прежде, располагались Апостольская администрация для католиков латинского обряда и Русская Католическая епархия византийско-славянского обряда в Маньчжурии, действовали все традиционные церковные структуры – приходы, монашеские общины, учебные и благотворительные заведения, издательства.

Только после окончания Второй мировой войны произошли изменения в жизни католиков Харбина: в 1948 г. китайские власти арестовали часть духовенства и мирян Харбинского экзархата и передали их на границе советским спецслужбам [5, с. 129–130]. Одновременно с арестом была прекращена деятельность католических монашеских общин мариан, урсулинок и францисканок. После образования КНР в 1949 г. начался массовый выезд иностранцев из Харбина и других городов Китая.

Многочисленные и разнообразные источники харбинской россики хранятся в фондах Государственного архива Хабаровского края: «Из документов учреждений, организаций, действовавших на территории Маньчжурии и г. Харбина, было сформировано 10 фондов, в которых сосредоточено около 57 тысяч дел» [6]. Исследователи Русского Зарубежья на протяжении многих лет изучают их и вводят в научный оборот.

В составе этого архивного собрания документов есть и те, которые позволяют изучить религиозную жизнь в Харбине. В фонде Ф.Р 831 «Общество единения народов в Манчжурской империи Кио-Ва-Кай», г. Харбин, опись 2, есть дело с многостраничным документом (76 машинописных листов), содержащим материалы по истории религиозных организаций российской эмиграции – д. 29 «План по истории города, обзорные материалы и сведения из истории города Хар-

бина». В нём перечислены действовавшие на тот момент харбинские храмы и даны небольшие исторические справки о религиозных общинах. Публикуется фрагмент этого документа, посвящённый католическим приходам в Харбине.

Документ публикуется с соблюдением присущих ему стилистических особенностей; пунктуация приведена в соответствие с современными языковыми нормами. Присутствующие в документах сокращения расшифрованы в тексте или примечаниях, опечатки исправлены. Вступительная статья и подготовка текста к публикации М.Б. Сердюк, К.И. Родионова.

КОСТЕЛ СВЯТОГО СТАНИСЛАВА

(в честь Св. Станислава епископа-мученика)

Находится на Большом пр. № 27. Здание кирпичное с центральным отоплением, площадью 227,61 кв. метр (50 кв. саж.), вмещает до 500 человек. Сумма, затраченная на постройку храма, 44 172 р. 96 к.

До постройки собственного храма приход обслуживал военный капеллан, в часовнях временного характера, устраивавшихся в помещениях Военного Ведомства. Была ещё домовая церковь в Корпусном гор., удовлетворявшая потребности харбинского прихода и обслуживавшаяся также военными капелланами. Первым военным капелланом был ксендз Шпиганович, затем ксендз Пшелуский и ксендз Антоний Мачук, – все поляки по национальности.

В 1906 г. возник вопрос о постройке храма и был создан строительный комитет во главе с ксендзом Пшелуским. Земельный участок был получен от КВЖД дарственно на вечные времена, а постройка производилась на пожертвования разных лиц.

Закладка храма и освящение фундамента были произведены 7-го октября 1906 г., освящение храма состоялось 1-го августа 1909 г. и было совершено специально приехавшим для этого в Харбин из Петербурга архиепископом Яном Цепляк, по национальности поляком. Его приезд для харбинского прихода уже сам по себе являлся выдающимся событием, так как он был главой Могилевской митрополии, к которой принадлежал Харбинский приход.

Храм строился по плану и под наблюдением инж. Николая Казы-Гирей и выстроен в готическом стиле.

Первое время богослужения совершались непостоянно, так как военные ксендзы по [р]оду службы принуждены были переезжать с места на место. Но в декабре 1909 г. первым настоятелем храма был назначен приехавший сюда от. Владислав Островский и жизнь прихода вошла в свою колею.

В настоящее время настоятелем прихода является каноник Павел Ходневич. При храме имеется ещё два священника: от. Александр Эйсымонтт и от. Витольд Зборовский – все поляки.

Приход в подавляющем большинстве состоит из лиц польской национальности, почти 90%, из лиц др. национальностей в приходе числятся: литовцы, латыши, французы, немцы, венгерцы, русские, маньчжуры, ниппонцы, эстонцы, португальцы, итальянцы и армяне. В настоящее время приход насчитывает около 1500 чел., маньчжур в приходе около 40, ниппонцев 30–40 человек.

Приход миссионерской деятельностью не занимается и присоединения к вере носят случайный характер, в большинстве случаев, когда в брак вступают лица различных вероисповеданий. За время с 1917 г. новообращенных было

284 человека. В данное время храм существует от дохода за совершение треб, добровольные пожертвования, периодические благотворительные сборы и т.д.

Богослужения производятся на латинском языке. В праздничные дни евангелие читается на польском, французском, русском, китайском и японском языках. Проповеди ведутся на польском языке, а в большие праздники также и на русском.

На церковном участке имеются и др. постройки, общей площадью включая церковь 180 кв. саж., т.е. 819, 40 кв. м, а именно: жилое помещение для причта, здание польской гимназии и эксплуатируемый дом. Все это является собственностью прихода.

Приход представляет помещение под гимназию безвозмездно. Гимназия носит название «Гимназия имени Генриха Сенкевича» и имеет права для учащихся. Ранее с 1912 г. она существовала как начальная школа, а с 1916 г. – как гимназия.

При костеле существует с 1910 г. Благотворительное О-во св. Викентия, оказывающее помощь бедным католикам без различия национальности.

Одно время, с 1922 по 1942 г., при костеле издавался журнал «Тыгодник (еженедельник) польский». В 1942 г. был закрыт властями. Журнал носил религиозно-общественный характер.

Со времени начала прихода, таковой находился в ведении Могилевской митрополии. Одно время был подчинен Владивостокскому епископу, а ныне Гиринскому епископу Августину Гапэ, французу по национальности.

Большим событием в жизни прихода было посвящение Владивостокского настоятеля о. Карла Сливовского в епископы, совершившееся в костеле св. Станислава в Харбине 28 октября 1923 г. Посвящение совершал Папский делегат епископ Константины (итал.) в присутствии Гиринского епископа о. Авг. Гапэ и местного духовенства.

КОСТЕЛ СВ. ИОСАФАТА

(в честь св. Иосафата епископа-мученика)

Пристань, Аптекарская, 115.

В 1921 г. приезжал в Харбин из Пекина Папский делегат епископ дэ-Гербиан и обратил внимание, что на Пристани есть много католиков, которым трудно посещать Новогородний костел, и высказал мысль, что для них следует построить костел на Пристани.

Вскоре был создан Строительный комитет во главе с ксендзом Антонием Лещевич и 3 сентября 1922 г. была произведена закладка храма, а 15 июня 1925 г. совершил его освящение миссионер, уполномоченный на это епископ, о. Мавр Ключэ.

Костел выстроен в готическом стиле по плану и под наблюдением инж. Владислава Янкевич. Постройка деревянная с печным отоплением, площадь храма 19 м на 8 м, т.е. 152 кв. м, вмещает до 300 чел. Находится храм на Аптекарской ул., № 115.

Средства на постройку храма добывались таким же путем, как и на постройку новгородного, т.е. – пожертвования. Затрачено на постройку 14.000 мекс. долл.

Первым настоятелем храма был от. Антоний Лещевич. В настоящее время настоятеля нет, а исполняющим его должность является о. Грациан Колодзейчик – он же и единственный священнослужитель данного храма.

Общая цифра прихожан около 800 чел. Большинство поляки, затем лица тех же национальностей, что и в Новом городе плюс небольшой процент корейцев.

Богослужения совершаются также на латинском языке с чтением воскресного евангелия на тех же языках, что и в новом городе и, кроме этого, на корейском.

Средства существования храма аналогичные с новгородным.

Приход с 1925 по 1938 г. содержал приходскую школу.

Количество присоединенных к вере редки и носят случайный характер, храм обслуживает приход и миссионерской деятельностью не занимается.

ГАХК. Ф.Р. 831 Общество единения народов в Манчжурской империи «Кио-Ва-Кай» г. Харбин. Оп. 2, д. 29, л. 41–44.

Подлинник. Машинопись.

Примечания к документу:

Новый город и Пристань – районы Харбина.

Новгородный – т.е. находящийся в Новом городе.

Ниппонцы – японцы.

В тексте использованы сокращения:

гор.	– городок;
инж.	– инженер;
к.	– копейки;
кв. м	– квадратные метры;
кв. саж.	– квадратные сажени;
м	– метры;
мекс. долл.	– мексиканские доллары;
о., от.	– отец (о духовенстве);
р.	– рубли;
св.	– святой.

1. Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / авт.-сост.: о. Б. Чаплицкий, И.И. Осипова. – М.: Серебряные нити, 2000. – 832 с.

2. Рошко, Г., протопресвитер. На службе беженцам мира: свидетельствует русский католический священник / Г. Рошко. – М.: «Stella Aeterna», ПКПО, 2001. – 208 с.

3. 10 лет Лицея св. Николая. 1929–1939. – Харбин: Русская католическая миссия, [1939]. – 83 с.

4. Ватикан и Маньчжу-Ди-Го // Рубеж. – 1934. – № 27. – С. 2.

5. Осипова, И.И. «В язвах своих сокрой меня...»: Гонения на католическую церковь в СССР: По материалам следственных и лагерных дел / И.И. Осипова. – М.: Серебряные нити, 1996. – 223 с.

6. Аннотация к фондам Советского периода ГАХК // Архивы Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: https://archive.khabkrai.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=186&Itemid=71

ИВАН ЩЕЛОКОВ – «ЧЕЛОВЕК МАНЬЧЖУРСКОГО ФРОНТИРА»

С.В. Смирнов

*Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия*

Активное освоение Россией Дальнего Востока во второй половине XIX в. привело к формированию здесь зоны особых социально-культурных условий или фронта (порубежья) [6]. Фронт, официально являясь частью государства, тем не менее, выпадал из зоны обычных правовых отношений. Здесь малозначимыми были социальные различия и социальные перегородки, привычные культурно-религиозные ограничения. Фронт притягивал к себе людей активных и деловых, ищущих лучшей доли и «земли обетованной», авантюристов и проходимцев всех мастей, готовых рисковать всем ради солидного куша. После подписания в 1896 г. российско-китайского соглашения о строительстве на территории Северной Маньчжурии Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и начала строительных работ, привлечших в Северо-Восточный Китай тысячи российских граждан, зона фронта передвинулась на китайскую территорию.

В отечественной литературе начала XX в., посвященной дальневосточной окраине России и Северной Маньчжурии, отчетливо выделяется особый тип людей, которых притягивало порубежье и столь грандиозное предприятие, как строительство КВЖД [4, 5, 8–11]. В полосе отчуждения сложился даже особый тип авантюриста – «маньчжурец». Как писал профессор П. Головачев, Маньчжурия привлекла «в качестве строителей, главным образом особый тип людей, который получил название «маньчжурец», тип еще более хищный и определенный, чем прославленные Щедриным “ташкентцы”. При плохой технической подготовке, люди эти отличались невероятной жадностью и бесцеремонностью...» [5, с. 165, 166]. Хорошей иллюстрацией атмосферы в зоне КВЖД может служить поговорка времен строительства железной дороги: «Сто рублей – не деньги, пятьдесят верст – не расстояние, китаец – не человек». Некоторые из «маньчжурцев» покинули Северо-Восточный Китай после кризиса 1905 г., другие прочно обосновались и пустили корни.

Биографии многих харбинских предпринимателей, людей известных и уважаемых в общественных кругах, содержат не одно темное пятно. По словам Ф.А. Львова, неплохо знавшего ситуацию в полосе отчуждения, владельцы большинства выдающихся российских торговых фирм Дальнего Востока «в самое недавнее время были охотниками на манз, “спиртоносами”, беглыми солдатами, обокравшими своих хозяев приказчиками, наконец, поставщиками “живого

мяса». Они то и являются ныне господами положения на Дальнем Востоке...» [10, с. 11]. Иван Тихонович Щелоков – крупный предприниматель и общественный деятель «русского Харбина» – и был одним из таких «людей маньчжурского фронта».

О деятельности И.Т. Щелокова сохранилось немало различных свидетельств, но все они крайне фрагментарны и лаконичны. Стремясь как можно полнее охватить жизненный путь этого человека, мы обратились к материалам следственного дела, возбужденного в его отношении органами МГБ в 1946 г. [1, ф. Р-1, оп. 2, д. 34913].

Иван Тихонович родился в 1878 г. в селе Борщ Сапожковского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. О его детстве и юности практически ничего неизвестно, за исключением того, что он получил среднее образование, окончив гимназию. Вероятно, находясь на военной службе в Забайкалье, Щелоков во время восстания ихэтуаней оказался в Китае.

Восстание ихэтуаней, начавшееся в 1898 г. на севере Китая, было направлено против иностранцев. Императорские власти Китая, первоначально стремившиеся подавить восстание, в дальнейшем решили использовать ихэтуаней в качестве инструмента давления на иностранные державы, имевшие широкие привилегии в Поднебесной. Это привело к войне между Китаем и восьмью державами. Летом 1900 г. в Маньчжурии развернулись боевые действия между русскими и китайскими регулярными войсками.

Один из русских отрядов, направленных для разгрома китайских войск в Маньчжурию, возглавлял генерал Н.А. Орлов. Отряд Орлова, сформированный в конце июня 1900 г., имел в своем составе 3814 штыков, 1205 шашек и 6 пушек. Орловцы вступили в Маньчжурию 12 июля в зоне западной линии КВЖД, быстро подчинив себе несколько станций. 20 июля был взят Хайлар – крупный город и железнодорожный центр на западной линии, за ним был занят Хинганский перевал. В течение августа отряд Орлова совместно с отрядом генерала П.К. Ренненкампа установили контроль на всей западной линии КВЖД.

В составе отряда генерала Орлова Щелоков попал в Харбин. В 1901 г. Иван Тихонович был переведен в Харбинскую телеграфную компанию чиновником, заведующим экспедицией, поскольку имел средний образовательный ценз, а почтовые учреждения КВЖД испытывали в это время нехватку в кадрах.

До 1903 г. служба Щелокова на харбинском телеграфе протекала вполне успешно. Но в 1903 г. на западной линии состоялось крупное ограбление почты, пропали большие деньги. В организации ограбления были обвинены почтовые служащие – Савин, Полуянов и Щелоков. Разбирательство по этому делу шло несколько месяцев. Всю вину за совершенное преступление взял на себя Полуянов, он и был осужден. Савина и Щелокова в 1905 г. освободили за недостатком доказательств их вины, но лишили права занимать чиновничьи должности. Тем не менее, большая часть похищенных казенных денег так и не была обнаружена. Уже через несколько месяцев после прекращения дела Щелоков совместно с неким Розенблюмом открыл на Харбинском вокзале киоск, где продавались газеты и порнографические карточки. В 1906 г. начинающий предприниматель сблизился с богатой вдовой Филипповой, что позволило ему вскоре открыть писчебумажный магазин в Новом городе, одном из активно формирующихся районов Харбина.

В течение последующих четырех лет Щелоков приобрел в центре Харбина два дома и участок земли в малозаселенном в то время пригороде – Модя-

гоу. Приобретение этой недвижимости имело характер настоящей детективной истории. По секретным данным, которые не один год собирались на Щелокова эмигрантской администрацией и, в конце концов, оказались в руках советских органов госбезопасности, наш герой для приобретения домов занял крупную сумму денег под расписку у жены доктора Кирчева. Эта расписка вскоре таинственным образом исчезла, в чем злые языки обвинили Щелокова, якобы организовавшего ее похищение. В довершение ко всему жена Кирчева примерно в это же время умерла от заражения крови и дело о хищении расписки не получило огласки.

В 1910 г. Щелоков, человек уже достаточно состоятельный, женился на вдове ротмистра Иванова, которая в свое время обвинялась в убийстве мужа и находилась под следствием, но была оправдана. Как отмечал один из информаторов, Иванова, «женщина культурная и начитанная, сумела из его магазина создать крупное торговое дело». С этого времени дела Щелокова заметно пошли в гору. Помимо непосредственно коммерческой деятельности Иван Тихонович занимался благотворительностью, являясь членом Московского Филаретского и Холмского благотворительных обществ.

В годы Первой мировой войны Щелоков, как ратник 2-го разряда, по требованию штаба Заамурской железнодорожной бригады в начале 1916 г. едва не был призван на военную службу. Казалось бы, не помогут ни возраст, ни активное участие в деятельности Общества по оказанию повсеместной помощи раненым воинам и их семьям. Но помогли связи – Щелоков получил заступничество со стороны коменданта Харбина подполковника С.Ф. Левицкого, который испросил у Петрограда разрешение оставить его в качестве делопроизводителя в столице полосы отчуждения КВЖД.

Революция 1917 г. заметно активизировала общественно-политическую жизнь полосы отчуждения. Здесь стали действовать отделения и филиалы общероссийских политических организаций, появился и целый ряд местных политических образований. Заболевание большевизмом Северная Маньчжурия пережила быстро и в легкой форме, превратившись в дальнейшем в один из центров антибольшевистского белого движения, что и обусловило появление здесь целого ряда организаций, выступавших за свержение советов.

Щелоков, захваченный революционной волной, ушел с головой в политическую жизнь, не проявляя в то же время большой щепетильности в вопросе политической ориентации. Сначала он вступил в Партию народной свободы и входил в харбинский комитет партии (1917–1918). В 1918 г. стал председателем Российской конституционно-монархической партии в Маньчжурии и возглавлял ее вплоть до 1925 г., тесно сблизившись с крупным идеологом монархического движения в Китае, присяжным поверенным В.Ф. Ивановым. В декабре 1918 г. при непосредственном участии Щелокова было выпущено антибольшевистское воззвание «К гражданам Великой России», направленное в Шанхай, Тяньцзинь и Дайрен. Одновременно он являлся председателем Харбинского комитета Русского патриотического общества (1919–1922), возглавляемого бывшим губернатором Приамурья Н.Л. Гондатти.

В начале 1920-х гг. дом Щелокова был одним из центров притяжения эмигрантской общественности, чаще всего впуская сотрясавшей воздух проклятиями в адрес сатанинской власти большевиков и предрекая ей скорый конец. Вот, что пишет в своих воспоминаниях Вс.Н. Иванов: «У И.Т. Щелокова каждый

день на солнечной веранде дома “накрывали завтраки” на столько-то персон, куда приглашались лица выдающиеся. Все эти генералы, князья, бароны, профессора были людьми прошлого, сильно ущемленными настоящим, и потому они старались сохранить некоторую способность думать. Завтраки-собрания происходили под авторитетным председательством князя А.А. Кропоткина... Кадетов здесь не бывало, им не доверяли за сырость и мягкотелость, не было и евреев, хотя Л.А. Кроль, член Государственной думы от Иркутска, очень старался пробиться в этот кружок... Эта компания завтракавших составила некий “совет”, который должен был “давать установки”...» [7, с. 15]. Отсутствие евреев на завтраках у Щелокова, несмотря на их мощные экономические позиции и общественное влияние в Харбине, объяснялось изрядным антисемитизмом хозяина: Щелоков участвовал в распространении «Протоколов сионистских мудрецов», разоблачая мировой сионистский заговор.

Достаточно близкие отношения у Ивана Тихоновича сложились с атаманом Г.М. Семеновым. Он временно предоставил под штаб-квартиру атамана свой дом на Почтовой улице и получил некоторую толику от «семеновского золота». Возможно, именно просеменовскую позицию занимал Щелоков, участвуя в 1921 г. в работе 1-го и 2-го несоциалистических съездов во Владивостоке.

В годы Гражданской войны Щелоков продолжал заниматься благотворительностью, жертвуя средства в помощь юнкерам и военнослужащим Белой армии. В знак благодарности в марте 1921 г. Союз Георгиевских кавалеров Российской Восточной окраины принял его членом-соревнователем в свой состав. Жертвовал он и в пользу харбинских студентов и беженцев, являясь почетным членом Русского студенческого общества и участником Харбинского комитета помощи русским беженцам, одной из крупнейших общественных организаций Харбина.

В 1920-е гг. Щелоков продолжал активно участвовать в общественно-политической жизни «русского Китая». В 1924 г. он стал одним из учредителей Лиги борьбы с III Интернационалом, заняв должность товарища председателя (глава организации – Г.Г. Сатовский-Ржевский). Организация оказалась недолговечна, просуществовав лишь несколько месяцев. С образованием в Харбине фашистской организации крупный книгоиздатель, последовательный антибольшевик, оказал финансовую поддержку этому новому в жизни русской эмиграции политическому течению.

В середине 1920-х гг. в эмигрантской среде Китая развернулось движение за объединение эмиграции, важную роль в котором играл живший в это время в Пекине бывший управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, имевший поддержку со стороны великого князя Николая Николаевича. В Маньчжурии идея объединения эмиграции была подхвачена многими и в 1926 г. в Харбине было учреждено Общество русских эмигрантов в Трех Восточных Провинциях Китая. Почетным председателем Общества стал Хорват, председателем – профессор Н.И. Миролюбов, а двумя вице-председателями – Сатовский-Ржевский и Щелоков. Объединение, едва начав работу, погрузилось в «межфракционную» борьбу и развалилось [2, ф. Р-5826, оп. 1, д. 141, л. 34, 97]. В 1927 г. под председательством Хорвата было сформировано Дальневосточное объединение русской эмиграции, получившее широкую поддержку русской эмиграции Китая.

С приходом в Маньчжурию японцев Щелоков отошел от активной общественной деятельности, хотя и имел достаточно близкие отношения с некоторыми

крупными представителями Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), ставшего с середины 1930-х гг. центральным административным органом и основным консолидирующим центром эмигрантской колонии. Наиболее доверительные отношения сложились у Щелокова с М.Н. Гордеевым, начальником переселенческого отдела Бюро. Несмотря на отход от активной общественной жизни, Щелоков, по словам В.А. Морозова, предоставлял в 1940 г. свою дачу за рекой Сунгари для собраний кружка монархистов, близких к В.Ф. Иванову и не входивших в созданное в 1938 г. Б.Н. Шепуновым Монархическое объединение. Эти встречи именовались «вечера на даче Щелокова» [3, ф. 1337, оп. 5, д. 12, л. 16].

Ситуация в регионе для крупных собственников, не имевших «японской крыши», заметно ухудшилась. Различными, чаще всего не вполне законными способами японцы заставляли русских предпринимателей и держателей недвижимости расставаться с частью своей собственности. Чувствуя это, Щелоков отправил своих уже взрослых сыновей и дочь в Соединенные Штаты. К сороковым годам финансовое положение Щелокова существенно пошатнулось: в его владении остался лишь один дом в районе Модягоу (угол улиц Церковной и Гоголевской), в котором располагался магазин одной из самых известных в Китае русских фирм «Чурин и К°». По некоторым сведениям, он пытался переписать его на сына, жившего в США, но не смог.

В августе 1945 г. после прихода советских властей в Харбин Иван Тихонович вместе с другими известными деятелями эмиграции был арестован и вывезен на Урал, в Востураллаг (Тавдинское отделение). Ужасные условия жизни, тяжелый труд сломили старого и больного человека. 7 февраля 1947 г. И.Т. Щелоков скончался в лагерном лазарете и был похоронен на кладбище лагерного пункта «Карьер», следы которого на сегодняшний день найти практически невозможно.

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
4. Верещагин, А. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг. / А. Верещагин. – СПб., 1903.
5. Головачев, П. Россия на Дальнем Востоке / П. Головачев. – СПб., 1904.
6. Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – №5. – С. 75–88.
7. Иванов, Вс.Н. Харбин. 20-е годы / Вс.Н. Иванов // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
8. Кауфман, А.А. Колонизация и переселение / А.А. Кауфман. – СПб., 1905.
9. Купчинский, Ф. «Герои» тыла (Очерки преступной деятельности чинов интендантского ведомства во время русско-японской войны) / Ф. Купчинский. – СПб., 1908.
10. Львов, Ф.А. Лиходеи бюрократического самовластия как непосредственные виновники первой русско-японской войны / Ф.А. Львов. – СПб., 1906.
11. Надин, П. Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк 1895–1903 гг. (По личным воспоминаниям) // Вестник Европы / П. Надин. – СПб., 1904. Дек.

УДК 625.1(571.6+518.3)

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЭСТАКАДЫ

И.Н. Суворов, Н.И. Суворов

г. Сидней. Австралия

Предисловие

Николай Иванович Суворов, автор рассказа «На строительстве эстакады», родился в 1900 г. в с. Мариинск, Кемеровской области, в семье Ивана Фёдоровича и Марии Васильевны Суворовых. Глава семьи работал в Мариинске «лесным кондуктором-землемером и городским лесничим». С 1914 г. семья Суворовых жила в Чите. Здесь Н.И. окончил гимназию и поступил в Читинское Военное Училище (ЧВУ), которое окончил в 1920-м г. в чине портупей-юнкера. Пошёл служить в Дальневосточную армию, в 1921 г. с частями армии эвакуировался в Харбин.

В Харбине поступил в 1923 г. в Русско-Китайский Политехнический Институт (Харбинский Политехнический Институт – ХПИ, в конце 1928 г.). Окончил Институт в 1925 г. Сдав экзамены по окончании двухгодичных «Курсов по подготовке к экзаменам на звание Техника Путей Сообщения», получил диплом Техника Путей Сообщения. Проработав 2 года у подрядчика инженера Рахманова, в конце 1929 г. получил направление на постройку эстакады на станции Сочинцзы, на восточной линии КВЖД. В 1935 г. женился на дочери полковника И.А. Абрамова, с семьёй которого был знаком, живя в Чите. В 1937 г. у них родился сын Иннокентий. В 1943 г. Н.И., по приглашению японских властей Харбина, выехал в числе других харбинцев на «японскую целину» в район Тооген, на севере Маньчжурии. В августе 1945 г. был там арестован органами СМЕРШ и отправлен в ссылку в «Озерлаг». Был освобождён из лагеря по амнистии в 1956 г. и жил у брата в Луганске. Жена с сыном Иннокентием уехала в Австралию в 1957 г., и только в 1965 г. они смогли оформить выезд отца в Сидней, где он умер в начале 1989 г. и похоронен на сиднейском кладбище «Руквуд».

Разбирая старые письма и бумаги отца, я обнаружил рукописный рассказ «На строительстве эстакады», в котором отец описывал свой первый опыт работы инженером на большой стройке на линии КВЖД, написанный им по памяти в 1974 г. Сделав компьютерный набор рукописи, я отправил его И.К. Капран для возможной публикации.

О непонятных словах. «Коккойды» – русифицированное китайское слово, означающее «Быстро! Скорей! Поторопись!». Хана – китайская рисовая водка, главным «достоинством» которой является то, что, натившись вечером и выспавшись за ночь, если выпьешь утром стакан воды, то снова становишься пьяным! Второе значение выражения – «Ну, дело – хана!», т.е. безнадежное дело. Гарцовщики – люди, которые смешивают лопатами цемент и песок.

Примечание. Н.И. Суворов женился на той девушке с «голубым конвертом», а его друг Николай Николаевич Крупицкий остался «вечным другом семьи» до самого нашего отъезда в Австралию. Умер в Бельгии в старческом доме.

И.Н. Суворов

На строительстве эстакады

Ст. Сочинцзы КВЖД. 1929 год.

В начале 1927 года, сдав экзамены, по окончании двухгодичных «Маньчжурских Технических Курсов по подготовке к экзаменам на звание Техника Путей сообщения», функционировавших при Харбинском политехникуме, и получив диплом техника путей сообщения, я поступил на работу к подрядчику инженеру А.А. Рахманову, имевшему в то время подряды почти исключительно от КВЖД.

Помощником А.А. Рахманова и руководителем всех наружных работ (кроме завода железобетонных изделий, которым руководил сам Рахманов) был инженер А.А. Быков. К нему я и был прикомандирован, и у него учился начальным азам практической строительной работы.

Первая моя работа была – перекрытие цементной черепицей крыш почти всех казённых зданий КВЖД на Южной линии. Дальше – ремонт внутренней телефонной станции. Затем в 1928 году – прокладка в новом городе подземной телефонной канализации. И в конце лета я был послан на достройку и внутреннюю отделку Железнодорожного Собрания на станции Куанченцзы.

А между тем нас ожидала большая ответственная работа.

Ещё в 1927 году должны были состояться торги на строительство двух железобетонных эстакад стоимостью каждая свыше 100,000 золотых рублей. И в том же году инженер Рахманов был почти единственным претендентом на получение подряда, как специалист по железобетону. Но торги были отложены на 1928 год, и тогда на них были поданы сметы уже от нескольких подрядчиков. И цена строительства была снижена. Подряд всё же получил А.А. Рахманов. И каждый из технических служащих Рахманова лелеял в душе мысль – поработать на эстакаде.

Зимой 1928–1929 годов началась подготовка к строительству. Одна эстакада строилась в Депо станции Харбин, а другая – на восточной линии на станции Сочинцзы, откуда идёт ветка на Мулинские копи.

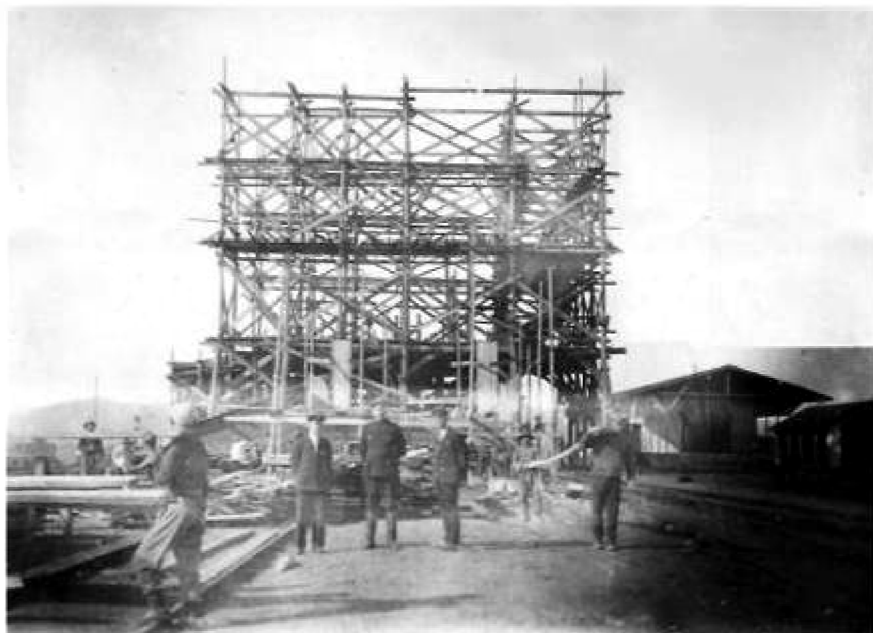
На должности руководителей деповской эстакады были приняты инженер П.С. Кравченко и И.Ф. Качин – оба питомцы Харбинского Политехникума. Руководителем работы на станции Сочинцзы был назначен техник И.Б. Тайгуров.

Эстакада – это высокое, свыше 20 метров высотой, сооружение из железобетона, для механической загрузки паровозов углём и песком. Проект эстакады чехословацкого завода Шкода, причём вся техническая документация, машинное оборудование и металлическая арматура, полностью соответствующая чертежам, были уже присланы и направлены по назначению в Депо Харбина и на станцию Сочинцзы.

И уже зимою на строительных площадках разворачивалась подготовительная работа: строились временные склады, навесы, заготавливался материал для лесов.

Моя работа на станции Куанченцзы закончилась после Нового года – и по прибытии в Харбин меня направили на работу на деповскую эстакаду, в распоряжение инженера Кравченко. К этому времени уже начали устанавливать леса. А моя работа пока сводилась к заведыванию хозяйством. Попутно я знакомился

с чертежами, присматривался к работе. А вдруг да меня пошлют на Сочинцы! Вот я уже немного и «подкован».

Эстакада для загрузки паровоза углем и песком в лесах

Возле паровой машины для откачки воды: первый слева Н.И. Суворов, рядом с ним инженер Тайтуров, руководитель строительства эстакады

В середине апреля вызвал меня А.А. Разманов в контору и предложил ехать на Сочинцзы помощником к И.Б. Тайгурову. Отказываться, конечно, не стал. Но всё же попросил прибавку к жалованью. Я получал 75 даянов, а запросил 100. Александру Алексеевичу это не особенно понравилось и он, так сказать «в порыве чувств», заявил мне, что на эту работу у него просятся до десяти человек студентов и притом бесплатно!

Пожимаю плечами:

– Ну что же, тогда посылайте бесплатных студентов, а я уж как-нибудь обойдусь...

Подумал минуту А.А.:

– Завтра можете выехать?

– Могу.

– Вот вам аванс, и отправляйтесь не задерживаясь. Там Иван Борисович уже не справляется один с работой.

На следующий день я уже был в поезде и ехал к месту работы, столь для меня заманчивой и интересной, тем более, что работа не в городе, а на линии, на лоне природы. Ночь провёл в вагоне, а утром уже подъезжал к станции Сочинцзы. Восточная линия здесь – не девственный лес, не глухие пади, не хребты и не скалы.. Долина речки Мулинь-хэ, светлая, раскидистая; луга, озёра, увалы, перелески, крупного леса не видно, горизонты далёкие.

Станция Сочинцзы не из первоклассных. Одни железнодорожные постройки, частных домов не видно. Но имеется коммерческое Агентство, и против вокзала большие добротные склады.

На вокзале встретили меня Иван Борисович и старший рабочий Александр. Чемодан и постель взял Александр, я с другим чемоданом следовал рядом.

Пошли по путям. Впереди эстакада. А, вернее, её остов – леса в полтора яруса. Леса над самыми путями. Слева, не доходя эстакады, навес, под ним дымит паровик. Прошли эстакаду, спустились с полотна, – рядом конторка строительства.

Иван Борисович остановился:

– Ну, вот здесь и будет ваша резиденция!

Конторка построена добротно и аккуратно – коридор, большая комната, большие светлые окна, столы, шкаф, табуретка и деревянная кровать с тумбочкой, один единственный стул.

– Располагайтесь, как вам удобно. В коридоре умывальник, чистая вода в ведре. В двенадцать часов будет сигнал на обед – удар по рельсу. Приходите ко мне обедать. Я живу вон в том доме, что напротив. Хозяин – стрелочник. Столоваться будете со мною. А кормить нас будет моя хозяйка, кормит хорошо, сытно, вкусно... Завтрак, обед, ужин – всего 15 даянов в месяц. Ну, а после обеда будем знакомиться с рабочими и руководителем работ – представителем Мулинского участка Службы пути.

Иван Борисович вышел. Я принялся за работу – распаковал постель, открыл чемоданы, достал что надо, всё разложил по местам. Своя готовальня, угольники, линейки... Метр – сразу же в карман.

В 12 часов сигнал на обед. Рабочие потянулись в свой барак – он на той стороне путей. Семейные – в теплушки. Да их и было всего-то четверо.

Обед у Ивана Борисовича уже на столе. Знакомлюсь с хозяевами. Оба молодые, недавно поженившиеся, по виду симпатичные. И не менее чем сами хозяе-

ва, оказался симпатичным и обед. С таким обедом я ещё в Харбине знакомства не сводил. Там обед по столовкам, да по дешёвым ресторанам. Сегодня там, а завтра – здесь... Сегодня в 12-ть, а завтра в 3–4, а то и вовсе без обеда.

У стрелочника две коровы, куры, гуси, свиньи... Да к тому же он сам охотник и рыболов. Так что обед приготовить есть из чего!

Во время обеда Иван Борисович познакомил меня слегка с личностью представителя от КВЖД – инженера Андрея Ивановича Г. (латыш, инженер ещё царского времени).

Так что я уже узнал, что А.И. очень приятный господин, культурный, с покладистым характером, учтивый в обращении, но, в то же время, весьма требовательный по работе. Никаких скидок! Как инженер – опытный и деловой.

В час дня – сигнал на работу.

Все рабочие в сборе возле лесов. Иван Борисович знакомит рабочих со мной:

– Мой помощник техник Николай Иванович.

Я разглядываю их, они – меня. Взаимным осмотром как будто остались довольны!

Рабочих около сорока человек, из них четверо китайцев.

– Рекомендую вам, Николай Иванович, старшего плотника: Соколов Пётр Тимофеевич. Опытный плотник, хорошо разбирается в чертежах. Не пьёт. Один недостаток – боится высоты: на первый ярус лесов поднимается по сходням ползком! – Соколов смущённо улыбается.

– С Александром, старшим рабочим, вы уже знакомы. Он, собственно, больше по хозяйственной части – в технике он слаб. Пьёт, и довольно крепко. Так что смотрите за ним в оба!

– А вот рекомендую самого лучшего... лодыря! Нет ему равного. Видите – и на работу плетётся последним.

Приблизился среднего роста парень, развалистая походка, лицо уже подержанное – следы знакомства с водкой.

– Как плотник он так сляк. Но плачу я ему, как самому лучшему плотнику. А почему – потом узнаете.

Следом за Латкиным ещё один персонаж – кузнец. Не надо и спрашивать: пьёт – или не пьёт! Пьёт! Кряжистый мужик лет сорока; голова открытая, ноги немного запинаяются.

– Что, Ерофеич?

– Да мне, Иван Борисович, людишек бы надо...

– А зачем тебе «людишки» понадобились?

– Да двое пусть арматуру разбирают, а одного мне в кузницу...

– Забирай Латкина сейчас, а остальных я пришлю позже, – объясню им кое-что. А на Латкина жми, не давай ему лодырничать.

– Ну, а вот и Андрей Иванович!

Иван Борисович пошёл навстречу инженеру. Он мне сразу понравился – наружность располагающая, открытое лицо.

– Андрей Иванович, познакомьтесь: мой помощник техник Николай Иванович. Только что прибыл из Харбина.

– А, очень приятно! Угощайтесь, прошу! – Правую руку протягивает для рукопожатия, а в левой предлагает горсть китайских орехов.

Я в недоумении. Иван Борисович смеётся.

– Андрей Иванович всех так угощает... И надеюсь, что вы споётесь? Оставляю вас одних, а я в свою контору.

Андрей Иванович сразу же решил ознакомить меня со строительством и пошёл на леса, затем к плотникам, в кузницу, к китайцам, промывальщикам гальки.

– Андрей Иванович, а для чего кузница, для чего кузнецы?

– А видите, в чём дело: на нашу эстакаду завезли всю арматуру с какой-то другой эстакады и нам приходится всю арматуру – а её несколько десятков тонн, – переделывать заново – какие прутья обрезать, какие наращивать, перегибать концы, так что работы кузнецу хватает. А вы почаще к нему наведывайтесь. За арматуру с вас будет спрос. Не позволяйте ни на сантиметр длиннее, ни на сантиметр короче.

Походил он со мной часа два, а затем тоже ушёл в свою контору. Недалеко от вокзала, совершенно отдельно стоял новый рубленый дом, с ещё не покрашенными дверьми и окнами, с фасадной стороны всегда закрытыми ставнями. Это и была резиденция Андрея Ивановича, где он был полным хозяином – один занимал весь дом.

А к окончанию работ Андрей Иванович был на эстакаде.

– Угощайтесь, Николай Иванович!

Обошёл всю постройку, посмотрел, что сделано. Встроём наметили работу на завтра.

Первый мой рабочий день благополучно закончился.

И как раз время познакомить читателей с самой эстакадой. Что это за сооружение? Как оно будет выглядеть в законченном виде?

Эстакада, как я уже говорил, это сооружение для механической загрузки углём и песком тендера паровоза. Четыре железобетонных столба размером $1 \times 0,6$ м стоят над путями. Поверх столбов железобетонные балки, а на них железобетонная плита. На плите опять столбы. Плита в квадрате 8×8 м. Столбы поверху перекрыты опять балками, а вниз от балок, между столбами сплошные стенки по всем четырём сторонам. На известной высоте от плиты поверх площадки стенки под углом в 45° образуют опрокинутую усечённую пирамиду, которая уже ни на что не опирается, а как бы висит в воздухе. Это и есть так называемый силос, который загружается углём (ёмкость его 300 тн), и уж из него через два отверстия внизу пирамиды уголь должен высыпаться на весы, стоящие на площадке, а с весов – в тендер паровоза.

Силос перекрыт шатровой крышей, и на одной из плоскостей стоит будка механизации. Через будку уголь и поступает в силос.

Рядом с основным сооружением котлован – размером, если не ошибаюсь, $3 \times 3 \times 3$ м, возможно, и больше. Котлован – бункер имеет железобетонные стенки и основание, перекрыт металлической плитой с отверстиями. На плиту из вагона опрокидывается уголь, там он дробится до нужной величины и через отверстия в плите попадает в бункер. Из бункера с помощью нории (черпаковый подъёмник) поднимается наверх в будку, а оттуда в силос.

Общая высота сооружения, – точно не помню, но, вероятно, около 25 м.

Замечка: под площадкой могут проходить поезда любого габарита. По своём прибытии на Сочинцзы я застал работу уже в стадии начала основного строительства. Фундаментальные столбы были уже забетонированы. Бункер – почти подготовлен под бетонирование. Леса вокруг эстакады подняты уже на два яруса. Готовится опалубка и арматура для основных несущих всю нагрузку

столбов. Леса – стойки из трёхсаженных брёвен, наращиваемых друг на друга. Они окружают эстакаду с четырёх сторон пролётами шириною в три метра. Все столбы связаны с переходными брусьями на болтах. Настил из двух с половиной дюймовых досок. Запас прочности, видать, основательный.

Между прочим, уже через короткое время я узнал, что и Иван Борисович и Андрей Иванович – поклонники «большого запаса прочности» во всём. Правда, на данный «запас» уходило много лишнего материала – леса, болтов, но – он зато оправдал себя: за весь почти годовой период строительства, бетонирования, а, главное, усиленного трамбования, ни разу, даже на сантиметр не разошлись коробка опалубки, ни разу раствор не нашёл малой щелки, чтобы просочиться наружу, как не было и ни одного несчастного случая, ни одной травмы.

На следующее утро на разводе мы все трое... Иван Борисович обращается с рабочими, как со своими лучшими друзьями. У него исключительно мягкий характер, и по характеру – голос и обращение. Рабочие его любят.

Чувствуется, что и у Андрея Ивановича характер «мирный». Рабочим он делает замечания всегда ровным и полусутоливым тоном. А уж потом, когда делает рабочему какое-либо замечание, сразу же говорит о том мне, чтобы и я был в курсе того, какое упущение заметил Андрей Иванович.

Иван Борисович предупредил меня, что в дальнейшем развод должен буду делать я, а к разводу у меня должны быть готовы нужные рабочие чертежи, и я должен всё время проверять как идёт работа. Должен вести ежедневный табель рабочих так сказать «в действии», а также дневник повседневной работы. Всё должен, должен и должен!..

Через несколько дней Иван Борисович повёл меня знакомиться с администрацией станции. Познакомил с заведующим Коммерческим агентством (весьма нужный человек), с начальником станции (не менее нужным), с диспетчером Службы пути, телеграфистом, в общем, со всем станционным начальством.

А затем постучался в одну дверь.

– А здесь, – говорит он, – самый главный начальник.

Самым главным начальником оказался жандармский унтер-офицер – китаец. Представил Иван Борисович меня, как своего помощника – «хорошего человека». Обменялись рукопожатиями. Он назвал меня, как и Ивана Борисовича, «капитаном», а мы величали его «господином начальником». Даже проводил до двери. Мы шутя подумали – вот сейчас скажет: «Угощайтесь»! (Прим. И.С.)

Через неделю я уже был в курсе почти всех эстакадных дел. С Андреем Ивановичем полный альянс. Быстро спелись. Он оказался, действительно, открытым и дельным инженером. И я от него многому научился. С рабочими быстро нашёл общий язык и в дальнейшем – никаких с ними разногласий, никаких эксцессов.

Но вот и первая серьёзная работа. Назначен день бетонирования бункера. Ждали лишь прибытия второго насоса для откачивания воды. Котлован под бункер вырыт в водоносном слое и вода заполняла его на три четверти высоты.

Опалубка для стен и арматуры была поставлена ещё до моего приезда.

Утром на строительстве оживление. Кроме наших постоянных рабочих, ещё человек тридцать китайцев – в помощь гарцовщикам, а, главное, на подноску бетона. У большого бойка – дежурный техник из конторы Участка. На его обязанности наблюдать за точной дозировкой составных бетона, а также за тем, чтобы очередной запас бетона был использован не более, чем за 30 минут. Если

нет, – он должен отправлять неиспользованный остаток в отвал. На бойке четверо китайцев-гарцовщиков, несколько рабочих – подносчиков гальки, песка, воды.

Галька недалеко, уже готовая к употреблению, т.е. промытая на подобии вашгерда до идеальной чистоты. Тут уж Андрей Иванович доводил свою требовательность до предела. Даже иногда носовым платком пробовал чистоту промывки. Цемент Тяньшанский, в металлических бочках. Признан комиссией Участка самым лучшим и подходящим для бетонирования. С ним конкурировали Спасский в деревянных бочках и «Онода» в мешках.

Состав бетона – 1: 2 1/2: 4. Одна часть цемента, две с половиной – песка, четыре – гальки. Бетон трамбовочный. И на трамбовке – специалисты своего дела из постоянной русской артели. Ну а так как Андрей Иванович при бетонировании сам наблюдал за трамбованием, то он только этих специалистов и признавал – других уж ему не подсунешь!

Андрей Иванович – у котлована. Иван Борисович и там и сям, но больше у бойка. А я больше между бойком и котлованом: и там и сям интересно и поучительно.

И недаром Иван Борисович оплачивал высоко наших четверых китайцев. В обычное время они – промывальщики гальки, а в необычное, как сегодня – и непревзойдённые гарцовщики. Засыпан цемент, на него – песок. Гарцовщики стоят по два друг против друга. У них как то по особенному загнутые лопаты. Враз набирают на лопату состав, враз поднимают вверх и вперёд и – неуловимым движением, как-то встряхивают лопатами, и цемент вместе с песком одной струёй падает на боёк почти идеально перемешанный. С одного раза, с одного так сказать захода!

Попросил я у одного из них лопату, встал вместо него, набрал на лопату состав, метнул в воздухе лопатой и... и на боёк легли цемент отдельно, песок – отдельно. Не вышло!

Китайцы засмеялись: – Не могу, капитана!

Потом-то я всё же научился, но научить своих русских бетонщиков – не научил. Или не захотели, или не смогли...

Как могли эти четверо работать на гарцовке целый день, почти не отдыхая, чтобы не задерживать подносчиков бетона? Тем более, что они с помощью, правда, ещё двух человек, выполняли и самую трудоёмкую работу: перелопачивание смеси с галькой.

Два насоса откачали воду из котлована, но она непрерывно поступает со дна, из стен. Вот первые подносчики бетона: коромысло с двумя корзинами через плечо – вот и вся механизация того времени. Первые корзины опрокидывают бетон на арматуру стен. Но трамбовщикам мало дела: бетон сразу же смачивается водой и «литой» бетон уже не потрамбуешь. Но это низ. А верх всё же трамбуется.

Вышел из строя один насос. Вода пошла на повышение. На дно опустили мешки с чистым цементом.

– Быстрей! Скорей! – Бетонщики уже бегом заканчивают засыпку стен. Включается и второй насос. Вода медленно заполняет бункер. Вода – как цементное молоко.

Аврал закончен. Очищается и моется боёк; моют корзины подносчики бетона; моются трамбовки, лопаты.

Раньше положенного «отбой». Эстакада пустеет. Техник идёт с нами ужинать. Андрей Иванович идёт к себе. У нас он никогда не обедает, не ужинает: вероятно чтобы не быть обязанным и м.б. даже связанным.

У Ивана Борисовича хорошие отношения с заведующим Коммерческим агентством – он легко и свободно продвигает наши грузы; мы – отдаём его плотниками, штукатурами.

Как-то в конце мая он сообщил Ивану Борисовичу, что в ближайшее воскресенье при Агентстве состоится аукцион невостребованных грузов. А среди них ящик настоящего ямайского рома и ящик изюма.

«Невостребованный груз» – ром и изюм, по дешёвой цене приобрёл Иван Борисович. Ром пошёл на общую пользу, ну а изюм – только на одну мою. Ром, безусловно, хороший подарок, и несколько бутылок в тот же день отправили по назначению. Бутылку рома заполучил и я. Крепкий, горячий чай, которым я любил баловаться, куда как хорош с натуральным ямайским ромом!

Приезжало начальство (своё) из Харбина, – есть чем угостить. Приезжает начальство линейное, – тоже есть чем угостить.

Изюм в моём распоряжении. Каждое утро загружаю им один карман и целый день жую, жую... А наперед – встреча утренняя с Андреем Ивановичем и... он мне орешки: «Угощайтесь, Николай Иванович»! А я ему – изюм и тоже: «Угощайтесь, Андрей Иванович»! И так повелось каждый день.

Работа на эстакаде идёт бесперебойно, ритмически: наращивание лесов, устройство настила, заготовка опалубки, вязка арматуры – всё в нужное время, по графику.

Андрей Иванович сидит на эстакаде целыми днями, когда устанавливается опалубка. И несколько раз за день проверяет инструментом опалубку столбов, балок; каждое звено, каждый узел. И уж ни на миллиметр отклонения от вертикали и горизонтали. Придирчив, дальше некуда. Ну, а мы-то уже знаем его и, конечно, стараемся, чтобы он ни к чему не мог придраться.

– Всё в порядке, можно устанавливать арматуру! – На арматуре мне приходится сидеть самому, почти не отходя от рабочих. Прутья разнофасонные, и вяжутся в глубоких коробах. Андрей Иванович скрупулёзно проверяет укладку и сопряжение каждого прута балки с прутьями столбов.

Вязка арматуры: кто с плоскогубцами, кто с клещами, с специальными крючками. Посмотрел я на одну работу – то плоскогубцы выскользнут из рук и полетят вниз, то клещи завязнут в арматуре, – возятся, сбегают вниз... Нет, так не годится! Дал им всем по пачке четырёхдюймовых гвоздей, показал, как меня учили китайцы с ними управляться, и – дело пошло на лад. Выверется гвоздь из рук, застрянет в коробе – туда ему и дорога – взял другой гвоздь и продолжай в том же духе! А продуктивность работы, конечно, больше.

Иван Борисович и сам каждый день заглядывает на леса, проверяет работу, иногда критикует и иногда пушит рабочих.

До бетонирования ещё далеко.

Андрей Иванович как-нибудь забежит вечером. Быстренько обегает все ярусы, пролёты лесов.

– Ну, как, Николай Иванович, что вы предполагаете делать завтра?

– Да вот то-то и то-то. А вообще ничего серьёзного...

– Ага! Ну, тогда я утром не приду. Буду заниматься отчётностью канцелярской... Вы уж, пожалуйста, меня не беспокойте!

– Хорошо! Хорошо! – усмехаемся с Александром. – Знаем мы эту отчётность!

Днём, часа в два я посылаю Александра к Андрею Ивановичу.

– Скажи ему, что у меня кое в чём неувязка и я прошу его придти на эстакаду.

Александр идёт... Александр стучит в двери, стучит в ставни окон – никакого отклика.

– Не иначе, куда-то вышел, – докладывает Александр.

– Ладно, обойдёмся...

В 6 часов вечера, к отбою, Андрей Иванович тут как тут:

– Ну, как, Николай Иванович, всё в порядке? Что сегодня делали? – И честно смотрит в глаза...

– Да вот, Андрей Иванович, у меня не ладился один узел. Я послал Александра к вам, а вас дома не оказалось!

– Как? Нет, я всё время был дома. Он плохо стучал. Не знаю! Не знаю! Ну, а как с узлом?

Смеюсь:

– Справились!.. Ну, а... а как вы справились с добычей? Что принесли домой?

Доверительно улыбается:

– Двух таймсней поймал! Угощайтесь, Николай Иванович, прошу!

– Угощайтесь, Андрей Иванович, прошу!

Страстный охотник и не менее страстный рыболов (на большую рыбу). И когда работа на эстакаде не ответственная, нет-нет да исчезнет на целый день...

И вот подошла Троица. Иван Борисович решил дать рабочим отдых. В субботу работу закончили раньше с тем, чтобы рабочие смогли сходить в русский посёлок Сочинцзы-вторая, да там в баньке как следует помыться.

Оставшиеся в бараке сходили за зеленью – нарезали веток и украсили ими барак. На полу ковёр из свежей травы. Троица ведь!

С утра – кто куда. Одни поехали на копи, другие кто на станцию Мулин, а большинство направили свои стопы на Сочинцзы-вторую. Там водка, там хана, там знакомство, там и молодёжь! Иван Борисович тоже подался на копи. А я остался один, как дежурный – и по постройке, и по жилому барaku – там никого не осталось.

Поздней уже ночью с песнями и гамом возвращались ребята из посёлка. Не все! Некоторые положили там и головы свои – заночевали, где кого свалил хмель. И, вероятно, часов до двенадцати ночи провожал барак Троицу – с водкой и песнями.

Наутро на разводе один Соколов.

Иван Борисович пошёл в барак. Посмотрел: вид разгромный! Постоял, понимающе улыбнулся. И – к рабочим:

– Ну, вот что, ребята, сегодня, я вижу, вы не работники. Отдыхайте сегодня, ну, а завтра... завтра кто не выйдет – штраф!

– Спасибо, Иван Борисович! Спасибо!

Затормошились и – на опохмел опять, кто куда.

Александра Иван Борисович задержал:

– Ну, вот что, дорогой! Ты пойдёшь с Николаем Ивановичем на озёра, на рыбалку, а то ему одному будет скучно, да и тебе одному в бараке будет скучновато.

Повесил голову Александр. Но... – приказ – есть приказ! И через полчаса мы с ним уже перебрались речку, а ещё минут через пятнадцать я располагался с удочками и жерлицами у ближнего озера. А Александр... Александр достал из кармана маленькую «чекушку», опохмелился и... залёг под кустом. Я уже и рыбу половил, и чаю с костра напился, а он всё спал и проспал до самого вечера.

Часам к девяти почти все рабочие на месте, кто на своих ногах, а кто и при помощи чужих, а до барака всё-же добрались. Во вторник на работу не вышли кузнец и Латкин.

Остальные с большим трудом принялись за работу. Работали, правда, весь день, но как работали!..

А в своё свободное время возле конторки я разбил небольшой огород. Жаль было смотреть на хороший чернозём, лежащий втуне. Редис, лук, огурцы, помидоры, горох и, конечно, подсолнухи. Полное удовлетворение для моей огородной страсти!

В своё время, т.е. через три недели после бетонирования бункера, опять откачали воду. Сняли опалубку – перед глазами картина не из приятных: по стенам большие раковины, и вода через них бьёт мелкими, но сильными ключами.

Попробовали их забивать бетоном, пробками – мараковали так и эдак, и – отключили насос. Андрей Иванович сообщил об этом в контору Участка, а Иван Борисович – в Харбин, хозяину. На том пока и остановились.

А через некоторое время Андрей Иванович с таинственным видом вдруг мне сообщает:

– Николай Иванович, вы знаете – к нам едет...

– Кто едет? Ревизор?

– Цемент-пушка едет! Вот кто!

Дня через три приехала и сама «Цемент-пушка». Платформу подали к самой эстакаде. Сгрузили её: она на четырёх колёсах – к бункеру подкатили легко. А вместе с «пушкой» прибыл и сам «пушкар», механик, видать, знающий себе цену. Когда «пушка» была уже готова к действию, из Харбина приехал сам Рахманов, а из Мулина помощник начальника Участка.

Опять откачали воду. Механик облачился в брезентовый костюм, резиновые сапоги и противогаз. Спустился вниз, подали ему шланг и включили мотор. Струя сухого цемента под высоким давлением направлена на раковину. Цемент с шипеньем входит в горловину раковины и... мокрой жижей назад! А сухой цемент белым облачком начинает заполнять бункер.

Пробился так механик минут пятнадцать, весь котлован заполнил цементным туманом, и на том бомбардировка водяных ключей закончилась...

Бункер опять заполнили водой. А всё начальство, пообедав у Ивана Борисовича, отправилось на дрезине в Мулин, в контору Участка. И там было решено поставить в бункер металлический кессон. Механик по просьбе заведующего Коммерческим агентством попробовал забить в подвальном помещении агентства едва заметные трещинки, через которые просачивалась вода, и... всё напрасно! «Цементная пушка», как таковая, себя не оправдала.

Снова погрузили её на платформу; механик, сам предварительно «нагрузившись», погрузился в вагон, и «Цемент-пушка» нас покинула.

Забетонировали балки и столбы. Аврал был – одно загляденье! Около ста человек только рабочих. Из конторы Участка два дополнительных техника

и студент-строитель. У бойка техник и студент. На засыпке бетона и трамбовке Андрей Иванович и другой техник. Я на подгонке и направлении к месту бетонирования подносчиков бетона. Тут работа труднее: надо с корзинами, полными бетона, подняться по сходням на первый и второй ярус лесов.

Иван Борисович, несмотря на свою солидность, как метеор – туда, сюда и обратно туда. Старшинке китайцев он что-то, видно, пообещал – по сходням бегом, на бойке без перерыва гарцовка, засыпка бетона в корзины – только от-вернулся, а они уже полные.

Бетонирование закончилось только в 8 часов.

А обещанное? Обещанное: русским рабочим по полстакана, а кому и стакан водки! Китайцам – всем хана и китайские пельмени – сколько съешь! Русским тоже дополнительно к их ужину по хорошей порции пельменей.

Бетонирование прошло без каких-либо недоразумений и без могущих быть, при столь большой спешке, травм.

Ну, а теперь можно несколько дней поработать и с прохладцей. И мне посвободнее стало.

А мои развлечения? Да почти никаких. Разве что вечером к 9-ти пойдёшь на перрон к прибытию дачного харбинского поезда, погуляешь там, да помотришь на дачниц...

Книг нет. По правде сказать, некогда и читать.

Ну, а разве купание в реке по два, по три раза в день, не развлечение? А катание на лодке, что сделал нам Соколов для общего пользования, – не развлечение? Что же касается писем, то в те далёкие времена я ими ещё не увлекался – увлечение пришло позднее. Но всё же иногда письма я получал.

И такое одно письмо лежало теперь на столе, и от голубого конверта и голубой бумаги источался лёгкий аромат духов. Я – отвечал... Обращение: «Дорогой Николенька!...» – Ну, как тут не умилится душа, не разыграет сердце! Пишу и умиляюсь!..

В окно вижу: к станции подошёл дачный поезд. Третий звонок. Поезд весь в огнях, проходит мимо моей конторки. Вышел за дверь – проводить.

Но что такое? От вокзала, прямо по путям кто-то бежит и, видать, в мою сторону.

Станционный полицейский: – Капитана, тебе нада вокзала ходи!

– А что там?

– Тама начальника-жандара ваша люди седи!

– Что, думаю, за оказия? Кто там что наделал?

Бетонирование эстакады, предназначенной для заправки паровозов углем

Закрыв конторку и на вокзал. Вхожу в жандармскую. За столом сам жандарм, а против него мой кузнец. Но в каком виде! Как поётся про камаринского мужика:

«Голова его всклокочена
И дешёвкой подмочена.
Свежей крови струи алые
Покрывают щёки впалые...»

Точно так выглядел и кузнец. Только щёки у него не впалые, а надутые.

Рубашки вовсе нет, по груди и спине грязь и кровь. Бос! Штаны в растерзанном виде.

– Здравствуйте, господин начальник!

– Здравствуй, капитана! Это твой люди?

– Гм, мой!

– Карасивый?

– Ничего себе! Что он наделал?

– Моя думай эта люди бамбука давай! Поезд ходи. Мадама, девочка гулай...

А его по перрону бежи, кричи, ругайся... Кака так можно? Мадама, девочка шибко пугайся, тоже кричи, в вагона кокойда бежи!

Стоит мой кузнец, как потерянный. И слёзы с кровью размазывает по лицу.

– Ваша капитана хороший люди... Моя знай ваша люди – хо! Моя пускай его. Другой раза – десять бамбука!

– А ну, – говорю, – Фёдор! На полусогнутых – в барак!

Поплёлся за мной. Грузный, здоровый мужик, а куксится, как маленький.

Да, получил бы он десяток «бамбуков» по голым пяткам – калекой на всю жизнь остался бы.

– За что, – спрашиваю, – так тебя разукрасили?

– Н-н-не знаю! Набросились все и давай бить!

В бараке никто ещё не спал. Смотрят на нас, подсмеиваются.

Говорю кузнецу: – Иди умойся и оденься, а потом спать...

Спрашиваю ребят: – За что вы его так разукрасили?

– А за его задиристый характер! Напился и давай ко всем лезть с кулаками, а потом палку схватил! Зудырный мужик! Ну, мы его немножко и поучили...

На эстакаде самая ответственная работа – установка опалубки силоса и укладка арматуры. Тут уж мы все трое около рабочих. Иван Борисович не отходит от плотников. Опрокинутая висячая пирамида требует особого внимания. А с арматурщиками мы с Андреем Ивановичем: сидим в силосе и сложные узлы сопряжения прутьев сами вяжем и крепим. В самом низу силоса, где два отверстия для выхода угля – столько арматуры, что хоть в пору вязать сплошными пучками.

Погода позволяла и работа шла как по заказу. Рабочим был обещан один выходной день за счёт Конторы. А надо сказать, что Иван Борисович с поощрением рабочих тем и другим не стеснялся, может быть, даже против воли главной Конторы, но, в конечном итоге, поощрения оправдывали себя и у нас оказалось очень мало нерабочих дней. Зачастую работали и в непогоду и под дождём.

Как-то вызвали Ивана Борисовича в Харбин. А тут и Андрея Ивановича вызывают в Контору Участка на какое-то там совещание и согласование. Решили на день-два прекратить работу. А как раз и погода испортилась – мелкий дождик с проблесками.

Сговорил Александра на рыбалку. За червями он побегал за речку. Там когда-то что-то обмолачивали и в отвале сгнившей шелухи червей видимо-невидимо. Я в своей конторке готовлю снасти. Рабочие в бараке, а некоторые на речку пошли, постирать кое-что, другие на лодке покататься.

Слышу – кто-то кричит:

– Николай Иванович! Николай Иванович!

«Что такое, – думаю, – приключилось?» – От реки бежит рабочий.

– Николай Иванович, там, за рекой, Александр что-то голосит, вас зовёт!

Пошёл к речке. Всего-то ходу пять минут. На том берегу у воды лежит Александр.

Быстро скинул сапоги, брюки, позвал двух рабочих покрепче.

– Пошли, ребята! Что-то там видно с Александром неладно.

Перебрали по перекату на ту сторону.

– Что, Александр?

– Змея укусила.

– Куда, где?

– Наступил на кочку, а она там – между пальцев укусила.

Вот ещё история! Нога его уже опухла, чувствую, что у Александра сильный жар. Подхватили его на руки и скорее домой. На этой стороне ещё рабочие подсобили, и вот водворили мы Александра в мою конторку, уложили на запасную кровать. Смерил тут же температуру – 40°C. Ого! Надо что-то предпринимать! А уж конторка почти полна, пришли рабочие, прибежали со станции, пришла жена стрелочника.

Кто-то посоветовал:

– Я эти змеиные дела знаю! Надо его водкой отпаивать.

– Водкой, так водкой! – Послали за водкой.

Жена стрелочника принесла таз с простоквашей: «Суй ногу в таз! Простокваша – самое верное средство!»

Один из Диспетчерской службы пути: «Погодите, я сейчас настой из змеи на спирту принесу.» – Наложили компресс. А тут и водка подоспела. Рабочий говорит:

– Пусть пьёт, сколько может!

Смеются другие: «Вот подвезло Александру – сам техник водкой его поит!»

Горит Александр. Думаю, может быть, средства эти и хороши, но для очищения совести надо всё же фельдшера вызвать. Сходил на вокзал. Вызвали по диспетчеру Мулин. Начальник станции пообещал, как найдут фельдшера, прикатит на дрезине. День воскресный, фельдшер – кто его знает, где он...

А тут один из рабочих, из посёлка Сочинцзы-вторая говорит: – А что, Николай Иванович, я сбегая в посёлок; там у нас старик есть, он заговором лечит от змеи.

– Гони! – говорю.

Понемногу народ стал расходиться.

Александр стонет, ноет...

Минут через сорок пришли из посёлка. Старик высокого роста, длинные седые волосы, окладистая седая борода. Держится с достоинством. Зашёл, осмотрелся, нашёл в углу икону, перекрестился.

– Ну, где же у вас больной? – Голос мягкий, певучий.

– Ага! Ну, дайте мне серебряный крестик. – Дали. Повесил на спинку стула, придвинул его к изголовью больного.

– А теперь оставьте нас вдвоём!

Все вышли на волю, я остался в коридоре: авось услышу заговор. Чуть слышны отрывки молитв, обращений к Господу Богу, Богородице.

Минут через пятнадцать старик вышел в коридор. Смотрю: по лицу стекают струйки пота! Трудно, видно, достался заговор.

– Ну, я пойду, немного отдохну, а потом опять приду...

А пока он отдыхал, прибыл фельдшер.

– Ну как, что у вас?

Рассказал ему, что как было. – Вероятно, – говорю, – щитомордник ужалил.

– Ага! Простокваша – хорошо. Спиртовый компресс – обязательно. Водка внутрь? – Очень хорошо! Вот я ему ещё жаропонижающие порошки дам. Дня через четыре поднимется.

– А как, – спрашиваю, – в дальнейшем с водкой?

– Бутылку в день обязательно, завтра; ну а потом поменьше.

Вошёл старик. Посмотрел, поклонился:

– Ну, мне здесь больше делать нечего. – Перекрестился на икону и вышел.

Проводил я его на улицу, поблагодарил.

– Не за что! Это Божие, не моё.

Три дня поил я Александра водкой. Пьёт и не пьянеет. Есть – почти ничего не ест. Наконец, опухоль спала, температура – нормальная. Выписываю Александра из «больницы».

– Дня два ещё не выходи на работу. Ну, а водку – прекрати.

С Иваном Борисовичем из Хабина приехали четверо «верхолазов». Четверо здоровых кряжистых мужиков. Они закончили установку столбов верхних ярусов лесов на харбинской эстакаде и их прислали на подмогу к нам.

С нижними ярусами справлялись и наши рабочие, ну, а на верхние поопасались их посадить. Опасно! А хорошего опыта нет.

Дал Иван Борисович им в помощь несколько плотников покрепче, а с ними и Латкина.

День-два поработали они на земле – подготавливали столбы, прогоны, укосы.

А вечером на второй день их старший и говорит Ивану Борисовичу:

– Иван Борисович, а для чего вы дали нам этого самого Лыткина? Какой он, к лешему, плотник? Гнать его... – Иван Борисович улыбается.

– Ну, не гони, пожалуйста, его. Он вам ещё пригодится...

– Ваше дело, но только на верха я его не пущу!

Конечно, наращивание столбов высотой от трёх до четырёх сажен – дело серьёзное и опасное. И работа должна быть слаженной. Старший командует – остальные – настороже: столбы поднимаются на растяжках и все действия рабочих должны быть согласованными. Одно, когда наращиваются первые столбы – ещё близко от земли, а совершенно другое дело, когда работа идёт на высоте 15–20 метров. Тут уж держи ухо востро. Да и вообще при наращивании столбов, даже и внизу – требуется большая осторожность самих рабочих, а к тому же и пристальное наблюдение со стороны «начальства».

А на верхах наш Латкин показал себя так, что «верхолазы» только почёсывали себе затылки: – Ну и стервец! Вот и возьми его за рупь – за сорок!

Латкин без когтей, без пояса, легко поднимался на верхушку любого столба. Ноги калачиком вокруг столба, в руке центровка – откинется ещё назад и спокойно сверлит отверстия для болтов. И ветер, и дождь – всё ему нипочём! Сверлит, закручивает гайки на болтах – поёт! И когда он на столбе – возле эстакады постоянный народ: смотрят и ахают. А Латкин словно только и живёт, что на столбе! Поёт, и... куражится!

В несколько приёмов забетонировали силос. Всё сошло благополучно. Поработали на славу. И даже заслужили похвалу от хозяина – самого инженера Рахманова, приехавшего специально на бетонирование силоса; и особенной похвалы заслужили гарцовщики:

– У нас, – говорит, – на харбинской эстакаде я таких не видел!

Оставалось теперь только бетонирование крыши силоса, и также башенки над ним...

А между тем на КВЖД разгорался конфликт. И работать нам стало тревожно и суетно. Частые поезда, эшелоны с солдатами на станционных путях; лишний народ из приграничной полосы – всё это нервировало и настораживало.

Пострадали наши огороды. Прибыл как-то эшелон с кавалерией. Выгрузились и пошли «по сено». Стоял возле наших огородов стожок сена, заготовленный стрелочником, – убрали его, а заодно и перепахали ногами оба огорода – и мой, и стрелочника.

Народ под эстакадой и возле эстакады и днём и ночью – туда и сюда. Пришлось по согласованию с конторой Участка ставить на ночь сторожей. А вдруг ненароком пожар – леса эстакады, как факел, вспыхнут!

На дворе – сентябрь.

Работа по бетонированию силоса закончена. Башенка на силосе для механизмов и управления – в арматуре. Последнее бетонирование крыши башенки – и мы с Андреем Ивановичем и всеми верхними рабочими на самом коньке башенки, а Иван Борисович нас фотографирует на «венце» нашей работы, весьма ответственной и не менее интересной.

Двадцать девятого сентября я прощался с эстакадой и уезжал в Харбин – моя работа на ней закончилась. Дальше продолжать и заканчивать строительство эстакады остаётся один Иван Борисович.

В последний раз обегал все этажи лесов; в последний раз с высоты полюбовался дальним горизонтом. Сходил на вокзал – попрощался с работниками станции. В рабочем бараке пожал руки всем рабочим и поблагодарил их за нашу совместную работу.

На вокзал к отходу поезда пришли Иван Борисович, почти все рабочие и Андрей Иванович.

– Угощайтесь, Николай Иванович, прошу! – Я беру в последний раз орехи.

– Угощайтесь, Андрей Иванович, прошу! – В его руку переходит последняя горсть изюма.

– Всего наилучшего! Счастливо оставаться!

– Счастливого пути, Николай Иванович!

Поезд тронулся. Впереди – Харбин. Что-то он мне даст?

А тридцатого я был в Харбине и... получил полный расчёт. В связи с конфликтными делами строительство на КВЖД застопорилось и инженер Рахманов оказался без дальнейших подрядов на КВЖД. Часть служащих пришлось уволить, тем более, что дело шло к зиме, к сезону не строительному.

Вечером 30-го я заглянул к своим друзьям из нашей холостяцкой компании. Все оказались в сборе, и все, по случаю дня ангела Софии собирались отметить данное событие в ресторане Гидуляна. Я от ресторана отказался и предложил своей корреспондентке «голубого конверта» пойти со мною в кино. – Отказалась! Не пошёл в ресторан и мой хороший друг, тоже Николай. И мы с ним отправились в «Коммерческое кафе» на Китайской улице. Там заказали десяток пирожков, чай с вином и допоздна проговорили о своих летних делах. Он тоже был в командировке на станции Хайлар, и тоже только что оттуда приехал.

Во время разговора я случайно вынул из кармана «голубой конверт». Смотрю, он тоже лезет в карман и... вынимает точно такой же конверт! Ну, хорошо! Я вынимаю самое письмо и читаю: «Дорогой Николенька!...» Он делает то же самое и читает – вот это да! – тоже «Дорогой Коленька...». Взглянули друг на друга: не то улыбнулись, не то скривились в улыбке.

Молодец барышня!

Итак, закончилась моя трёхлетняя работа у А.А. Рахманова и... в тот же день закончилось очередное сердечное увлечение...

Вот почему я так хорошо и запомнил этот ранний период моей рабочей жизни.

*Техник Путей Сообщения Н.И. Суворов.
Август 1974 г. Сидней, Австралия*

УДК 314.743(=161.1)(518.3)

СУДЬБЫ РУССКИХ СЕМЕЙ В ЭМИГРАЦИИ

А.Г. Сумская

г. Хабаровск, Россия

Статья посвящена биографии харбинца Паневина Георгия Евгеньевича (1922–1982), основана на автобиографических воспоминаниях самого героя, в основном освещены 1932–1945 годы жизни Г.Е. Паневина в Харбине и на Чоле. Некоторое время он состоял в переписке с моим отцом Г.Г. Пермяковым. Его письма сохранились в архиве Г.Г. Пермякова. На примере этой конкретной личности раскрываются события истории нашей родины, когда десятки тысяч людей по тем или иным причинам оказались в Китае. Описаны события глазами очевидца, попавшего в экстремальные условия данной эпохи.

Ключевые слова: Харбин, станица Тырбагры, воспитание мальчика, переселенцы Трехречья, гимназия, японские порядки, оборонцы, пораженцы, ВОВ, ЯВМ, Бунсицу.

ПАНЕВИН Георгий Евгеньевич (1922 – после 1982)

Начать биографическую статью хочется словами самого Георгия Евгеньевича к отцу Георгию Георгиевичу Пермякову, которые звучат как эпиграф:

Вам хочу передать все свои воспоминания, которые колом стоят в моей голове, да и живые и мертвые товарищи призывают к тому, чтобы никто не был забыт, ничто не было забыто...

Г.Е. Паневин проживал последние десятилетия своей жизни в Ленинграде, взяв себе псевдоним Егор Ивановский. Георгия Евгеньевича чаще звали Юра или Егор, поэтому он взял себе имя Егор, а долгое время в СССР проживал на станции Ивановской. Отсюда и псевдоним.

Вот что пишет Пермякову Г.Г. сам Г.Е. Паневин в письме от 04.12.1981 года из Ленинграда: «Мысль о том, что надо написать воспоминания, мемуары... сидит у меня в голове вот уже 20 лет. Считаю, что это мой долг перед 300 тысячами обогнанных русских людей. Они были заброшены в Китай волнами позорного 1905 года, волнами революции и гражданской войны... Да и живые и мертвые мои товарищи требуют от меня отчета. Что у меня получится, не знаю. Но если мои записки попадутся кому-нибудь доброму писателю..., то буду считать свою задачу выполненной...».

Известный переводчик, писатель и востоковед Г.Г. Пермяков родился в Никольске-Уссурийском в семье коммерсанта и аптекаря в 1917 году. В 1921 году в возрасте 4-х лет с семьей был вывезен как советский гражданин в Китай – сначала в Тяньцзинь, а в 1927 году семья переехала в Харбин. Там юный Жорж Пермяков получил блестящее образование, с отличием окончив гимназию, затем Восточный институт. Параллельно окончил английскую, китайскую и японскую школы, многочисленные курсы при ХСМЛ (Христианском союзе молодых людей). Имел частных учителей иностранных языков, танцев и рисования. Был известным спортсменом-десятиборцем, чемпионом Китая по конькобежному спорту.

Имея великолепную память и дар к языкам, блестяще выучил несколько иностранных языков, в 1937 году открыл свою школу китайского и японского языка «Ориента», а с 1939 года работал в Генеральном Консульстве СССР, сначала учителем иностранных языков, а затем переводчиком, в 1942 году возглавил Отдел Переводов при ГК СССР.

В августе 1945 года во время войны с Японией был арестован японцами и помещен в камеру смертников, только стремительное наступление Красной армии спасло ему жизнь. После освобождения из тюрьмы явился в ГК СССР, где был создан Штаб обороны Харбина – ШОХ, став заместителем начальника штаба. Принимал самое активное участие в организации охраны города вплоть до отъезда в СССР в начале ноября 1945 года по приглашению МИДа СССР, был награжден двумя боевыми медалями.

С 1945 по 2005 г., вплоть до своей кончины, Г.Г. Пермяков проживал в Хабаровске: с 1945 по 1950 г. работал на Хабаровском спецобъекте № 20–45 – в лагере высокопоставленных военнопленных японцев и китайцев, был личным переводчиком последнего китайского императора Айсингёро Пуи. Участвовал в трех процессах: Хабаровском над военными преступниками-бактериологами, Токийском международном военном трибунале и Семёновском.

Будучи уволен из органов по сокращению, в 1951 г. занялся литературной деятельностью, печатался в газетах и журналах, издал ряд книг. Как ученый-краевед, действительный член ГО СССР, много времени и сил потратил на изучение природы ДВ, его знаменитых людей, вел обширную переписку.

С 1980-х гг. особо активно вел переписку с бывшими харбинцами, собрав огромный архив по харбинской тематике. С письмами одного из харбинских друзей по переписке хочу ознакомить читателя в своей статье.

Вот что сам ПАНЕВИН ГЕОРГИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ прекрасно рассказывает о себе в двух больших письмах.

Часть 1

«Я, Паневин Георгий Евгеньевич, родился 6 марта 1922 года на ст. Гродеково Приморской области в семье офицера. Отец из семьи фабриканта-банкира с Украины, в 1915 году призвался и, закончив военное училище, был определен в 12-й лейб-гвардии Литовский полк. Недовольный отношением офицеров к солдатам перевелся в Уссурийский казачий полк. После несостоявшегося похода на Петроград вместе с полком уехал на Уссури. В этом полку служил мой будущий дед (кадровый военный). К нему из Москвы приехала его дочь (моя будущая мать). В 20-м году мои родители поженились, в 21-м родилась моя сестра. Дед

уехал на Филиппины и там погиб. Отец был мобилизован атаманом Семеновым и во время боев под Волочаевкой заболел сыпняком и был эвакуирован в госпиталь на станцию Пограничную (Китай). Мать последовала за ним. Так мы оказались в Китае.

В 1924 году мои родители разошлись и мать вышла замуж за Шелепова Ивана Яковлевича. Из крестьян, но грамотный, в белой армии вольноопределяющийся, в Китае полицейский, затем начальник уголовного розыска ж/д полиции, ярый монархист и антисоветчик.

Раннее детство провел в семье матери, у отца и даже у чужих людей. Помню себя с тех пор, как поселились на ст. Имяньпо (1926–29 гг.), жил у матери. В 1929 году отчим получил перевод на ст. Ханьдаохедзы и мы переехали туда. Там пошел в гимназию, где мать преподавала английский язык.

В 1932 году отчим, как и все русские полицейские, был арестован китайцами якобы за связь с наступающими японцами. После освобождения уехал с семьей в Харбин, я стал жить у отца, который работал рабочим на водочном заводе Антипаса в Харбине. Через год отец женился на советской гражданке Соновской Елизавете Петровне.

Воспитание у отца сильно отличалось от воспитания отчима: не было бесконечных подзатыльников и порки до потери сознания, тем более сквозных протыканий руки вилкой, не было монархического угара.

Мое политическое воспитание в то время выглядело так: жида совместно с большевиками и коммунистами завоевали Россию, убили батюшку-царя, отняли у нас поместья, фабрики и прочее, а нас выгнали в этот задрипанный Китай. На полном серьезе спрашивал мачеху, почему она не ходит в синагогу (советская должна быть иудейкой). Первая моя «борьба за Родину» выражалась в избиении мальчишек из еврейской школы Талмудторы. В играх в солдатики белые, конечно, громили красных в пух и прах, а на это отец говорил: «Играй, играй, но помни, рано или поздно ты станешь советский, другого пути на Родину нету». На мой вопрос, почему их, честных и благородных, мужественных и отважных (у отца часто собирались его однополчане), красные победили? Отец: «Красные приходили и землю крестьянам давали, а мы приходили это отбирали и шомполов давали».

В Харбине учился в Пушкинской гимназии, жил на Пристани, часто бывал в семье матери, мачеху ненавидел за то, что она мачеха, хотя она много для меня сделала, заступалась за меня, когда отец наказывал, но это меня только возмущало – чего, мол, лезет не в свои дела.

В 1935 году ранней весной отец уволился и выехал на переселение на реку Чол (протекает примерно параллельно западной ветке КВЖД южнее 150–200 км). Это переселение организовал казачий союз, деньги и главное руководство, конечно, было японское. Цель переселения – создать казачьи поселения, с казачьими обычаями, укладом жизни и правами. В начале было создано 7 поселков, селились по признаку прежнего места жительства – харбинцы, цикикарцы, чжалайнорцы, маньчжурцы и только староверческий поселок был организован по религиозному признаку. Каждый переселенец получал коня, телегу, пилу, топор, 3 десятины поднятой тракторами земли. Покосы и целина в неограниченном количестве. Выдавалось и оружие – винтовка, в крайнем случае берданка. Вскоре почти все, особенно взрослая молодежь, стали заядлыми охотниками, благо зверье и рыба в этих глухих местах были не пуганы.

Японцы добились своего, поселения действительно стали казачьими. Во главе всего переселения стоял станичный атаман генерал Бакшеев, в поселках были поселковые атаманы. Все дела решались на сходках. Военное обучение с 14 лет. Сначала под руководством старого казака с палками, а потом с винтовками и даже пулеметами с японскими инструкторами под японские команды. Первых добровольцев в отряд Асано дал Чол, а точнее Оненорский район, позднее переименованный в Южный Чжаланьтунь.

На переселении отец стал работать трактористом. Летом 1935 года мы с матекой и другими семьями переселенцев выехали в Чол. Со ст. Наньцишань матека уехала на автомашине, а мне вручили запряженного в двуколку коня (первый раз в жизни так близко подошел к лошади), помогли выгрузить вещи на телегу и начались мои хождения по мукам. Все 6 дней движения обоза от станции до нашего харбинского поселка Тырбагры (180 км) были насыщены для меня всевозможными приключениями, они сыпались как из рога изобилия, били ключом и в основном по темячку и преболно. Сглаживал мои неприятности пес Каро, который был неразлучен со мною. А конь... зверь монгольский, он не только кусался и лягался, но еще бил передней лапой (пусть вас не смущает – казачий жаргон, лягается только задней ногой, а если передней, то «бьет лапой»), не давался запрягать, а поймать его даже в путах мог только в компании таких же мальчишек, как и я. (В дальнейшем я оценил Серого, это был сильный конь, отлично спускал под гору, с придурью его освоился). Взрослые же казаки только посмеивались, приговаривая: «Давай, давай... Учись... Какой же ты казак, если с конем совладать не можешь?». (По тому, как я расписываю Чол, Вы можете понять, что это была самая яркая страница моего детства, да не только, это была суровая, но очень полезная школа жизни, школа ненависти к японцам).

На Чоле я прожил год, не учился, школы не было даже начальной (казак ученость не к чему, его дело конь, винтовка и шашка). Чтобы не забыть математику, ходил за 4 км на конный завод атамана Семенова и занимался с поваром, бывшим сподвижником Вертинского. Летом 1936 года уехал в Харбин, поселился у отчима и поступил в 1 Правительственную гимназию, в которой царил дух кадетского корпуса, первое время прививался чисто русский патриотизм без примеси низкопоклонства перед японцами, чувство товарищества, без наушничества и прочих гадостей. Но так было первое время.

Летние каникулы проводил в ставших родными Тырбаграх, работал как конь и на полевых работах, и на лесоповале, и на извозе. Старенькие трактора, подаренные переселению богачом Шильниковым, постепенно выходили из строя, работы у отца становилось все меньше, и он больше занимался единоличным хозяйством. Все у него получалось из рук вон плохо, сказывалось его некрестьянское происхождение, непригодность.

В поселке происходит постепенное расслоение. Если в 1935 году все мы были голь перекатная, все имели то, что выдавали, то последующие годы стали выделяться удачливые охотники, хваткие хозяева, а кто и батрачить у них начал. Появились 2 новых поселка, переселенцы Трехречья, крепкие хозяева со скотом за 30-50 голов. Уже говорили: «Взяли в добровольцы», фактически была введена необъявленная воинская повинность. После убийства начальника переселения Тирбаха (бывший начальник контрразведки у барона Унгерна) начальником переселения стал японец, а при нем, как пришей кобыле хвост, станичный атаман

Парыгин (генерала Бакшеева перевели в Хайлар начальником Бюро эмигрантов).

К новому 1939 году, по японским порядкам, закончил гимназию. Расставался с ней без сожаления, жаль было покинуть друзей, товарищей по «Коммунистической партии», которую мы организовали в классе. Уже в январе был в Тырбаграх и возил бревна на очередной мост, а затем объединился с Борисом Куц, который на 2 года раньше закончил ту же Правительственную гимназию, и закатился с ним на большую охоту. Били в основном белку. А козу и кабана только на еду, т.к. проехать можно было только верхами или пешком. Отец уже дома не жил. Уехал работать на тракторах Чурина.

Блаженствовал только до весны, а потом начались нудные и беспросветные полевые работы – пахота, посев, лошаденки слабенские, Серого уже давно не было, сгубил его сап. Начало тянуть в город, к токарному станку, который освоил и полюбил еще в школе. Списался с отцом, получил его благословение и поехал в Харбин учиться. Мачеха осталась, чтобы распродать все и посев на корню, скотину, дом и тоже выехать в Харбин.

Ну, а дальше... были авторемонтные мастерские Чурина, затем архив ж/д, на деле оказавшийся радиоперехватом штаба Квантунской армии, подготовка к побегу в Союз, встреча в 42-м с нашим товарищем, его слова: «Если перейдете границу, будем считать дезертиром, здесь вы нужнее». Затем г. Муданьцзян, работа в Бюро эмигрантов, стремление проникнуть в группу диверсантов Гутмана. Вербовка меня Матковским и наконец война, долгожданная, необходимая. А потом новая, уже советская жизнь».

Этой фразой заканчивается первое биографическое письмо, напечатанное на машинке, а вторая часть написана от руки. Протицирую ее с сокращениями.

Часть вторая

«Итак опять в Харбине. Покинул свой любимый Чол, чтобы поступить в Ремесленное училище. Но наведенные справки дали неутешительные сведения, в училище опять будет муштра. Опять зубрежка, опять японский язык и японцы. Да и не хотелось попадать снова в зависимость от отчима. Глядеть из его рук.

Приехал в Харбин отец за деталями для тракторов, пригласил в китайский ресторан (харчидиданс) своего полкового врача Приходько (впоследствии был врачом в Ханьдаохецзском русском воинском отряде, задержан, осужден), который имел знакомство у Чурина. Поговорили о моей судьбе и стал я учеником в авторемонтных мастерских Чурина и К°. Но зависимости от отчима не избежал – ученику 3 месяца жалования не платят, затем (хотя и доверяли уже средний ремонт) положили 15 гоби в месяц. Даже не прокормишь себя, а тут осень пришла, а на мне одни брючата да шелковая рубашка. В такой «спецовке» под машиной не поваляешься, когда начнутся холода.

Тут выступает на сцену друг моего отчима Георгий Иванович Модестов. Работник Японской военной миссии (ЯВМ), монархист, антисоветчик. Предлагает работу в архиве ж/д.

– Георгий Иванович, учтите только, что никуда, где ведется работа против России, я не пойду.

– Что ты. Что ты! Я сам не знаю, как мне вырваться из миссии. Поработаешь зиму, заработаешь на одежду и уйдешь работать по машинам.

Немного настораживал оклад – 100 гоби. Слишком большой, но в то же время он и соблазнял. Дал согласие.

Через несколько дней на квартире будущего начальника состоялась встреча. Были два японца Накамура и Наказава да русский Голиков Георгий Сергеевич. Расспрашивали меня обо всем, бесцеремонно разглядывая, чуть в зубы не смотрели. Я слышал, что в городе ведется набор в «слухачи» и решил проверить, не туда ли я лезу. На вопрос о здоровье ответил, что здоров, но только очень плохой слух. Японцы переглянулись, буркнули что-то по-японски и сказали, что это ничего, работе не мешает.

На другой день входил на Большом проспекте в здание железнодорожного училища, но во 2-й подъезд. Встретил меня Голиков. Вел по бесконечным, как мне тогда показалось, коридорам. Затем попали в большую комнату. Молодые русские парни сидели за пишущими машинками, перед ними тянулись на специальных аппаратах телеграфные ленты, стоял треск от машинок. Подошел, посмотрел, что печатают: «Из Москвы, в Новосибирск, дата вчерашнего дня, текст экономический, что-то отгрузили, что-то недогрузили». Вот тебе и архив!

Прошли в другую комнату, поменьше. Перед сверкающими лаком и никелем аппаратами сидят в наушниках и строчат на бумаге непонятными знаками. Вот они самые «слухачи», в которые я так боялся попасть!

Проходим в кабинет Голикова. Заявляю ему, что здесь работать не буду.

– Как это, не будешь? Все посмотрел, все наши секреты узнал, а теперь работать он не будет. Что же за тобой всю жизнь следить, чтобы не растрепал. Будешь работать, как миленький, никуда не денешься... На вот лучше подпиши эту расписку.

Она гласила: «Я, нижеподписавшийся (имярек) обязуюсь свято хранить служебную тайну и в случае разглашения ее, несу ответственность по законам военного времени – расстрел». (Тогда уже шла война Японии с Китаем.)

Посидел я над этой распиской... и подписал ее, куда денешься?

Так я стал предателем Родины, причем, несмотря на свои 17 лет, совершенно четко понимал, что работа в Бунсицу есть самое настоящее предательство. (Бунсицу – общий отдел, шифрованное наименование пункта радиоперехвата штаба Квантунской армии.)

Для начала решил повеситься, но ой как хотелось жить, хотелось найти другой выход.

Через несколько дней почти все знал о работе в Бунсицу. Вновь поступившие сажались за пишущую машинку и обучались машинописи по слепому методу десятью пальцами. Одновременно учили азбуку Морзе, но не на слух, а зрительно. Как только осваивали машинопись, получали перематывающие аппараты, телеграфную ленту и печатали все, интересующее японцев. Телеграммы экономического характера, телеграммы, отражающие настроение людей, все, в том числе и личные, идущие в адрес воинских частей (ВЧ) и почтовых ящиков (ПЯ). Аппаратура по приему радиотелеграфа, в том числе и фототелеграфа находилась на втором этаже и обслуживалась японцами.

Когда новый работник осваивал как следует чтение и печатание телеграмм, его начинали посылать на курсы стенографии (2–3 часа в день). Освоивший стенографию становился слухачом, т.е. принимал сообщения советских широковещательных радиостанций, радиотелефонные разговоры Москвы с Новосибирском, Хабаровском, Владивостоком, Петропавловском на Камчатке. Проскаль-

зывали и более слабые телефонные станции Иркутск–Якутск–Чита, станции пароходства на р. Лена. Этими станциями японцы интересовались больше, но самый ценный, с их точки зрения, материал давали отделения Бунсицу в городах Хайлар и Сахалин (Хэйхо). Там перехватывались радиостанции воинских частей, сельские, а особый интерес вызывали передатчики БАМ-проекта, связывающие отдельные изыскательские партии, разбросанные по трассе БАМа.

Вот тут и созрел более разумный план, чем лезть в петлю. В командировки в отделения на 2 месяца посылали лучших работников и это было, конечно, выгодно, получали хорошие командировочные. Нужно как можно скорее пройти обучение, достигнуть высокого класса в работе. Зарекомендовать себя в отношении дисциплины, попасть в командировку в Сахалин, расположенный на берегу Амура против Благовещенска, и перейти по льду или переплыть Амур – попасть на Родину. Там сообщить все, что знаю о радиоперехвате. Хайлар для этой цели не подходил, там сплошной укрепрайон в глубину 70 км – мышь не проскочит.

Стал интересоваться и работой ЯВМ. Мог черпать материалы о работе 6-го отдела ЯВМ, занимающегося изучением советской литературы, всеми периодическими изданиями, военной технической и даже художественной. В этом мне помогала мать, которая работала там в библиотеке. Кое-что пробалтывал и Модестов – он работал в том же отделе военным спецом. Собрал скудные сведения и о диверсионных группах и их подготовке.

Усиленно, даже дома, осваивал машинопись и стенографию. На работу приходил раньше всех, с охотой оставался и после работы, если была необходимость. Летом посвящал много времени плаванию – ведь надо будет переплыть Амур-батюшку.

Вначале с Голиковым были очень прохладные отношения, но вскоре стал его любимчиком, хотя, конечно, не показывая вида, и продолжал ненавидеть эту очкастую крысу.

Меньше, чем за год освоил все «премудрости» и в 1940 году поехал в первую командировку, но в Хайлар. Поехал с хорошим парнем и отличным работником Шуркой Рекачевским. Он ехал за старшего, да и по возрасту был старше меня, ему не повезло, вскоре он заболел брюшным тифом, попал в японскую больницу... приехали его мать и сестра. Они о нем так заботились, так его обихаживали, что выходили его...

Прислали другого старшего – Котляренко Гэбку. По работе стало легче (материал все равно требовали, хоть и болел напарник) ...

Наступил 41-й год. Весной мне была обещана командировка на Сахалин. Усиленно собирал материалы. Открытых записей не вел. Вел только заметки стенографией. Поделится своими планами с любимой девушкой, советской гражданкой Зоей Казаченко. Договорились в дальнейшем установить связь через Хабаровский главпочтамт до востребования.

Форменным образом за пару дней до командировки мне объявили, что поеду не в Сахалин, а в Хайлар. Почему? Не объясняли. Бунтовать было подозрительно, ведь условия в Хайларе были лучше. Срывался мой план.

Вернулся в Харбин уже летом... Все дни для меня стали серыми... а этот понедельник черным...

В понедельник тащился на работу, думая о том, что бы выкинуть такое из ряда вон выходящее, может, побить окна в отеле... решил опоздать на работу. По тем временам ЧП.

Поболтался на улице. Японец на пропускном пункте на меня посмотрел, как на выходца с того света, записал фамилию... Захожу в большую комнату, никто не обращает внимания... жужжат... Вижу что-то неладное. Спрашиваю Игорька Преучилия. – Ты не знаешь? Немцы напали на Советский Союз. Киев, Севастополь, шагают как на параде. Да это, конечно, врут, день-два и наши дадут им прикурить.

Вот тут уж стало совсем черно. Братья мои кровь проливают, а я все в предателях хожу... В эти трудные для Родины дни начали поляризоваться и выкристаллизовываться настроения русских людей. Очень удачно нас разделили на оборонцев и пораженцев... Если пораженцы были последовательны в своих суждениях и действиях, то мы, оборонцы, представляли собой противостественный, жалкий гибрид. Всей душой мы были за Родину, даже за советскую Родину, за успехи Красной Армии, а на деле продолжали работать на японцев, продолжали предавать в той или иной мере. В Бунсицу наши ребята шли дальше, все мы стояли по стойке смирно, когда по радио передавали гимн Советского Союза, кричали ура по случаю даже малых успехов Красной Армии, особо важные телеграммы вырывали из ленты и бросали в корзины... но все это была поза, пустые слова...

Справедливости ради должен заметить, что было не совсем так, русские сопротивлялись, кто сидячей забастовкой, кто вредил тихой сапой, кто более активно... Тогда еще не вышла в эфир наша подпольная радиостанция «Отчизна», еще под руководством начальника 3-го отдела Бюро эмигрантов не захватывалась городская ширококвещательная радиостанция, а Наголен и Смирнов Я.Я. ходили в предателях...

Во время командировки в Хайлар произошли важные события – разгром немцев под Москвой. Конечно радость, больше того – счастье...

Но наряду с этим торжеством в душу холодной змеей закрадывается тяжелая мысль: а как же ты? Что ты сделал для этой победы?..

Второе событие тоже приятное – японцы напали на американцев. Японцы втягивались в большую войну. Их успехи были колоссальными, все же было ясно, что им не осилить войны и с Китаем, и с США. И с Англией... главное, меньше шансов за то, что японцы теперь рискнут напасть на Советский Союз.

Наступила весна 1942 года. Мои приятельские отношения с Б.К. постепенно переросли в дружбу. Его спокойный, уравновешенный характер был для меня очень полезен... Б.К. был твердый оборонец... и я решил поделиться с ним своими планами... и вот теперь я не один, со мной надежный друг...

А время идет, пошел второй год войны, а ничего не сделано...

Наконец в конце лета нам твердо обещают командировку в Сахалин. Б.К. подает мысль: А что если мы оба погибнем, переходя границу, как материалы? А как нас встретят? Может быть, очередью или залпом? Нужно установить связь здесь. С кем? Через кого? Проникнуть через советское консульство почти невозможно. Кругом жандармы...

А если через Зою? (любимую советскую девушку). Ловлю ее на улице и прошу передать письмо куда следует.

– Ни на какие провокации я не поддамся. Оставь меня в покое. – Таков был ее ответ.

– Вонючая патриотка! Когда надо рискнуть для Родины, так ты в кусты...

Говорили друг другу много обидного, вспомнили все, говорили зло. Остервенело...

Зоя что-то обдумывала. Вдруг она остановилась, долго смотрела прямо в глаза... потом произнесла с расстановкой:

– Хорошо. Ты бросишь письмо в наш почтовый ящик, только не сегодня, а завтра точно в 11 часов вечера. Пока!..

Посоветовались с Б.К. и решили: «Надо бросать, другого выхода нет». На другой день точно в 23.00 опустил пакет без адреса и без подписи.

Потянулись дни ожидания...

Сижу дома, никуда не хочется идти и вдруг мамкин радостный возглас:

– Зоя?! Проходи, детка, Юра дома.

Посидели немного... Вышли прогуляться. Отошли от моего дома и Зоя сказала: – Все сделала. С тобой хочет встретиться один товарищ.

А дальше, как пишут в романах про разведчиков: в таком-то месте, в такое-то время, костюм серый, шляпа фетровая, в правой руке газета. Подойти и попросить закурить. Предложит сигару, спросить нет ли папиросы. Тогда он назовет меня по фамилии.

Встреча состоялась. К этому времени расшифровал все материалы и передал. Товарищ Толстый (ФИО его я узнал только после войны) задал мне несколько вопросов. А затем спросил:

– Какие ваши планы на будущее?

– Через два дня в командировку в Сахалин... перейдем в Благовещенск или его окрестности... На фронт, бить немцев...

– Если перейдете границу, будем считать вас дезертирами.

Договорились о встрече после командировки. Расстались. Сердце переполняли противоречивые чувства. Ты солдат великой армии Советов. Ты нужен Родине, отныне ты не предатель. Но впереди опять японцы, опять опостылевшие стонущие слезливые эмигранты, тоскующие по России и предающие ее. Опять прикидываться, скрывать свои истинные чувства. А потом жестокая смерть в застенке японской жандармерии без товарищей и друзей... А выдержишь ли «чайники» и другие пытки, на которые кэмпейтай большой мастак...»

В конце статьи хочется процитировать прекрасные слова Георгия Евгеньевича:

«Пройдут годы военного лихолетья. Почти 200 миллионов советских людей отпразднуют День Победы над империалистической Японией. 20 миллионов советских людей не будут праздновать, они будут лежать в земле как укор тем, кто ничего не сделал для победы, для нашей победы. Десятки тысяч будут за колючей проволокой среди бывших власовцев, бендеровцев и прочей сволочи. И какой-нибудь асановец, глядя на унылые бараки, на часовых, на проволоку тоскующим сердцем выкрикнет: – Родина! За что?»

И Родина ответит: «Ни за что... Твое сердце было переполнено любви ко мне? Но не та это любовь. Вот сердце Матросова по-другому любило меня, но оно пробито фашистскими пулями... Ты патриот? А может быть, шкурник?»

Отец Г.Е. Паневина тоже в 1945 году оказался в СССР, но отсидел 10 лет. Вот что пишет по этому поводу Георгий Евгеньевич: «Там же будет и мой отец. Уже в 1945 году его мобилизуют японцы на 2 недели на курсы диверсантов, для засылки в Советский Союз... Суровая Родина воздаст ему по заслугам. А может быть, несколько больше. 10 лет лишения свободы за двухнедельные курсы диверсантов. Служба в Белой армии у Семенова давно уже была прощена и в вину не ставилась. В конце 1955 года еду по заснеженным берегам Енисея в строящийся поселок Ново-Маклаково (300 км севернее Красноярска) – место ссылки отца после окончания срока заключения. Не видел его больше 10 лет. Волнуюсь. Как встретит?..

Встретились ночью, говорили до утра, а потом и весь день. Отец с бородой, постаревший, согнувшийся в три погибели, но не потерявший украинского юмора, с живой душой. Наконец задаю главный вопрос, мучающий меня: – Ну как ты относишься к тому, что за 2 недели тебе дали 10 лет?

– Ха, правильно дали! А если бы меня забросили? Что делал бы? Нет, я должен был отказаться от курсов. Ну расстреляли бы. Показал пример молодым. Все правильно, сынку! Война – время суровое.

Все стало на свои места. Все хорошо и отец у меня хороший, правильный».

В заключение хочется сказать, что благодаря простым парням и девочкам Харбин выстоял во все годы лихолетья. Из их ярких судеб и ткется разноцветное полотно нашей такой нелегкой истории, которую следует чтить и помнить нашим потомкам.

1. Личный архив Г.Г. Пермякова.

2. Личный фонд Г.Г. Пермякова в Хабаровском краевом музее им. Гродекова / ХКМ КП 12064/700 – 706, письма 1979, 1981, 1982 гг.

УДК 281.9(518.3)

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩИНЫ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ХАРБИНЕ

Е.Н. Чернолуцкая

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток, Россия*

Харбин конца XIX – середины XX в. представлял собой уникальное в культурно-цивилизационном смысле место, где бок о бок с китайским было воспроизведено российское сообщество «в миниатюре», в том числе его этническая структура. Конечно, пропорциональные соотношения этой структуры отличались от материнской и постоянно менялись под воздействием миграционных процессов, которые в свою очередь развивались в зависимости от политических и экономических обстоятельств. Но, несмотря на специфику разных этапов этой истории, нахождение вне границ своей родины всегда являлось мобилизующим мотивом к сохранению национальной идентичности россиян. Это в полной мере относится к восприятию ими своей принадлежности к общероссийской культуре и сообществу как целостности. Вместе с тем каждая из входивших в него этнических групп опиралась и на свои внутренние культурные традиции, стараясь сохранить их и передать следующему поколению. В данной статье мы ставим задачу рассмотреть данный аспект на примере ряда российских этнических групп (кроме русских) в Харбине с выделением роли конфессиональной деятельности в этих процессах.

Известно, что с самого начала строительства КВЖД не только потребности в работниках, но и царившая там атмосфера религиозной и национальной терпимости привлекали представителей нерусских меньшинств и неправославных конфессий Российской империи, способствуя быстрому росту их сообществ в Харбине. Этнокультурное самовыражение и идентичность переселенцев из России проявлялись в различных сферах. Первоначальным по времени, как правило, было конфессиональное единение. В большинстве случаев созданные там этнические общественные организации либо сразу носили смешанный религиозно-светский характер, либо вначале создавались религиозные, а уже позже – светские. И это закономерно, ведь в условиях того времени отправление религиозных обрядов было неотъемлемой потребностью повседневной жизни людей, а конфессии – одним из стержневых элементов национальных культур. Важно также отметить, что в дореволюционный период некоторые другие виды обще-

ственной деятельности на этнической почве были просто невозможны либо существенно ограничены. После слома Российской империи россияне в Маньчжурии столкнулись с новыми – эмигрантскими – проблемами, и церковь продолжала оставаться одной из точек их духовно-психологической опоры.

Наибольшая этноконфессиональная консолидация была характерна для моноэтнических конфессиональных общин или тех, в которых одна этническая группа являлась преобладающей, то есть там, где этническая идентичность совпадала с религиозной. К таким относились: иудейская – еврейская, мусульманская – тюрко-татарская, армянская – армяно-григорианская. Церковь и конфессиональные общины в этих группах становились неотъемлемыми структурными частями общественных объединений.

Традиционно высокой степенью самоорганизации отличалась еврейская религиозная община, что на протяжении длительного времени помогало этому народу противостоять притеснениям в странах проживания. В Маньчжурии эта свойственная им черта легла на благодатную почву, так как там отсутствовали ограничения на их свободу передвижения, проживания, получения образования. Их первым и самым устойчивым во времени общественным институтом на этой территории стала Харбинская еврейская духовная община (1903–1964 гг.) во главе с выборным правлением. ХЕДО имела разветвленную сеть организаций. В дореволюционный период в неё входили постоянные структуры – Главная синагога (1907), Похоронное братство (1907), Еврейская женская благотворительная организация (1907), Комитет социальной помощи (1916); и кроме того временные организации – Комитет поддержки сирот дальневосточной войны (1912–1924), Комитет поддержки евреев – жертв войны (1914–1922). После революции к ним добавились: вторая синагога (1919 или 1921), Ассоциация медицинской помощи бедным и больным евреям (1920), Комитет помощи инвалидам и престарелым евреям (1921), временный Благотворительный комитет для евреев – жертв наводнения (1932).

ХЕДО осуществляла регистрацию рождений, смертей, браков и разводов. В других общинах эта функция выполнялась церковными приходами. Даже присоединение к иудейской вере представителей других национальностей, ставшее возможным для выходцев из России после 1919 г., находилось в ведении ХЕДО, а не синагог. Но присоединившихся было немного: их число по Главной синагоге с 1920 по 1943 г. составило 214 чел. [1, ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 69, 72; 2, р. 2, 3, 5].

Большое внимание ХЕДО уделяло образованию детей. В 1907 г. оно открыло начальную еврейскую школу, позже – еврейскую гимназию и училище. При начальной школе Талмуд-Тора им. Л.Ш. Скидельского имелся детский сад «Гадасса» и класс для девочек им. С.С. Купицкой, куда принимались 5-6-летние дети. В них шло обучение древнееврейскому, русскому и английскому языкам. После двух лет занятий в подготовительных классах ученики поступали в специальный класс Талмуд-Торы, где получали не только национальное религиозное, но и общее образование по программе российских начальных училищ [7, 23 мая, с. 3; 10, 1931, № 27. 27 июня, прил.].

За время существования ХЕДО в Харбине было построено две синагоги и молельный дом. Сначала (с 1903 г.) богослужения совершались в помещении, приспособленном для молельни (ул. Артиллерийская, 5), в годы русско-японской войны известной как «Солдатская синагога», где службы вел приглашенный раввин Читы и Омска Шевль Левин. В 1907 г. была построена первая

синагога на Пристани (ул. Артиллерийская, 44), названная Главной, в 1919 (или 1921) г. – вторая синагога «Бейс-Гамедрош» (ул. Диагональная, 88), в 1917 г. – молитвенный дом в Модягоу (ул. Сербская, 5). Правление ХЕДО и общественные инициативные группы были организаторами строительства, которое велось на пожертвования, собиравшиеся не только в Харбине, но и среди еврейского населения европейской части России. В июне 1931 г. Главная синагога горела. Пожар уничтожил почти все дотла, но свитки Торы и др. священные предметы были спасены. В том же году синагогу вновь отстроили и расширили. Первым настоятелем Главной синагоги стал раввин З. Гашкель, затем – Ш. Левин. С 1913 г. настоятелем всех трех синагог служил раввин А.М. Киселев, имевший статус главного раввина всего Востока Азии. Богослужения совершались на древнееврейском языке [1, ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 69–74; 3, с. 75–76; 24, р. 97].

Главная синагога была местом не только отправления религиозных ритуалов, но и проведения массовых сборов еврейской общественности в особо важных случаях – для проведения отчетно-выборных собраний общины или митингов. Самый массовый митинг, собравший свыше 2500 чел., состоялся в апреле 1933 г. по инициативе харбинского горкома сионистской организацией для выражения протеста против гонений на евреев в Германии [7, 17 мая, с. 3, 24 мая, с. 3; 3, с. 7–8].

Значительную роль в общественной жизни этнических общин играли наиболее авторитетные, образованные и энергичные священнослужители. Для еврейской общины таким был раввин Арон Киселев, живший в Харбине с 1913 г. до своей кончины в 1949 г. Кроме исполнения обязанностей священнослужителя, он принимал живейшее участие во многих общественных делах еврейской колонии: присутствовал на приеме экзаменов у школьников, помогал лидерам Палестинского движения, уделял большое внимание воспитанию молодых членов общины, в том числе в 1941 г. опубликовал для них сборник статей «Национализм и еврейство» [3, с. 75–76; 6].

Таким образом, иудейская община была первой и долгое время единственной общественной организацией в Харбине, через которую евреи имели возможность удовлетворять не только свои религиозные, но и социальные и культурные потребности. Чисто светские объединения этой колонии были созданы позже (в 1910-е гг. – литературно-музыкально-драматическое и Палестинское общества, в 1930-е – отделения сионистских организаций с их молодежными ответвлениями и др.) и существовали непостоянно.

Подобная этноконфессиональная консолидация была присуща и харбинскому тюрко-татарскому сообществу, в котором общественная и религиозная сферы деятельности переплетались еще более тесно. Татары стали прибывать на строительство КВЖД из Пензенской и Тамбовской губерний, в дореволюционный период колония пополнялось большой массой военных и гражданских татар и башкир из районов Урала. Ведущую роль в самоидентификации членов этой группы играла принадлежность к исламу, которая поглощала некоторые межэтнические различия.

В 1904 г. в Харбине была создана тюрко-татарская национальная и духовная мусульманская община. До 1913 г. ее главой был Гиниетулла Селихметов (мулла Харбина с 1907 по 1926 г.), а в последующее время – правление. С 1908 г. община содержала тюрко-татарскую начальную школу «Гениетт», с 1937 г. – приют для инвалидов и престарелых мусульман, с 1941 г. – детский приют. При общине действовали женский и молодежный кружки, некоторое время издава-

лись на татарском языке журнал «Ерак-шарк» (Дальний Восток) и газеты «Чаткы» (Искра) и «Ерак-шарк» [1, ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 66–68; 15, с. 83; 18, с. 295–296].

Общими усилиями члены тюрко-татарской общины построили сначала деревянную мечеть (1901), затем заменили ее каменной одноэтажной (1906–1907; ул. Артиллерийская, 58). В 1922 г. в связи с ростом числа прихожан решено было построить двухэтажную мечеть в честь юбилейной даты – 1000-летия принятия ислама булгарами. Инициатива принадлежала имаму Г. Селихметову. Старая мечеть была снесена, и на ее месте в 1923 г. заложен фундамент новой. Строительство продолжалось до 1926 г., приостановилось в связи со смертью имама. И завершилось оно только в 1937 г. Настоятелем новой Харбинской соборной мечети стал имам Мунир Хасбибуллин (умер в 1942 г.). Богослужения совершались на арабском языке с переводом на тюрко-татарский. В 1930-е гг. общественно-политическая жизнь российских эмигрантов-мусульман в Маньчжурии не отличался высокой активностью, так как её центр переместился в Японию [подробнее см.: 20].

Еще одной этнической группой со смешанным конфессионально-светским принципом построения была армянская. Харбинское армянское национальное общество было создано намного позже других – только в 1917 г., когда малочисленная армянская колония стала разрастаться из-за наплыва беженцев из России. Правление общества, во главе которого стояли председатель и глава церковной общины, руководило всей религиозной и общественной жизнью армян. Должность председателя в разное время занимали М.А. Тер-Овакимов, В.Я. Согомоньян, Каскалян.

Церковные службы до 1918 г. проводились в Армянском молитвенном доме в Новом городе. В 1918–1923 гг. были построены церковь св. Григория-просветителя Армении (ул. Садовая, 18) и собственный дом общины. Первый духовный наставник о. Египше Ростомьянц в дореволюционный период периодически приезжал из Владивостока, а затем с семьей эмигрировал в Харбин, где пробыл до своей смерти в 1932 г. (Семья его сына в 1947 г. из Шанхая репатрировалась в Советский Союз.) Харбинская Армяно-григорианская церковь стала резиденцией духовного пастыря всех армян в Маньчжурии, Китае и Японии, так как являлась единственной в дальневосточном зарубежье, представлявшей данную конфессию. После смерти о. Е. Ростомьянца несколько лет она оставалась без священника. В 1937 г., благодаря усилиям М.А. Тер-Овакимова, из Иерусалима прибыл 27-летний архимандрит о. Ассогик Казарьян (в годы войны был заключен в лагерь для англо-американских подданных в Мукдене, в 1950 г. вернулся в Иерусалим). Хорошо образованный, владевший пятью языками он пользовался большой любовью прихожан и сделал много полезного для прихода [подробнее см.: 19].

Армянское национальное общество поставило перед собой цель оказывать помощь нуждающимся соотечественникам и поддерживать у них национальный дух. Организация брала на себя часть расходов на лечение больных, похороны беднейших членов колонии, выдавала единовременные ссуды безработным, заботилась о сиротах и стариках. Значительную часть благотворительной работы проводил дамский кружок при правлении общества. Другим направлением деятельности было культурно-просветительное. Правление организовало класс обучения родному языку и истории, устраивало национальные вечера, силами

молодежи ставились пьесы на родном языке, в дни национальных и религиозных праздников организовывались «чашки чая» [4, с. 312].

Большей частью совпадающими можно считать также польскую и католическую общины харбинцев, поскольку практически все поляки исповедовали католицизм. До 90% прихожан костелов, а также почти все священнослужители были поляками. И лишь незначительную группу верующих составляли литовцы, латыши, немцы и др. Поляки не создали смешанной религиозно-светской организации, что, очевидно, исходило от традиций европейских культур. Центральную роль в общественной жизни польской колонии Харбина сыграла сугубо светская культурно-просветительная организация «Господа Польска», созданная в 1907 г. (закрыта китайскими властями во второй половине 1940-х гг. [16, с. 6]). Однако католичество является важным элементом польской идентичности, и общественная конфессиональная деятельность всегда пользовалась уважением и всемерной поддержкой у поляков.

Первые польские общественные организации в Харбине были образованы на конфессиональной почве. Самая ранняя из них представляла собой общественный комитет костела, устроенного в 1901 г. в бараче Корпуса пограничной стражи в Корпусном Городке, где большинство прихожан были военными, и службы вели военные капелланы (ксендзы Шпиганович, Пшелусский, Мачук). Так как это здание не удовлетворяло потребностей растущего гражданского населения поляков, то в 1906–1907 гг. создается общественный Комитет по строительству нового костела во главе с ксендзом Пшелусским. С помощью этого комитета и Римско-католического благотворительного товарищества (создано в 1903 г.) удалось безвозмездно получить земельный участок от КВЖД и собрать необходимые пожертвования.

Прекрасный храм готической архитектуры строился в Новом городе (Большой проспект, 27) в 1907–1909 гг. по плану и под наблюдением инженера Н. Казы-Гирея. Костел св. епископа-мученика Станислава был освящен в 1909 г. польским архиепископом Яном Цепляком, специально приехавшим для этого из Петербурга. Первый настоятель костела о. Владислав Островский, благодаря своей высокой образованности и инициативности, сыграл большую роль в культурной жизни харбинских поляков. При костеле с 1912 г. существовала начальная польская школа, в 1916 г. преобразованная в польскую гимназию им. Г. Сенкевича. В 1920-е гг. там же действовали духовная семинария им. св. Карла, благотворительное общество св. Викентия, имелась библиотека. С 1922 г. издавался общественно-религиозный журнал «Тыгодник польский» (в 1942 г. закрыт властями).

Другой костел, названный в честь св. Иозефата, был возведен в 1925 г. на Пристани (ул. Аптекарская, 115) по инициативе приезжавшего в 1921 г. из Пекина папского делегата епископа де-Гебриана. Деревянное строение в традиционном для католиков готическом стиле строилось под наблюдением и по плану инженера В. Янкевича. Первым настоятелем его был о. Антоний Лещевич (в 1938 г. уехал в Европу), его преемником – о. Павел Ходкевич. С 1925 по 1938 гг. при костеле имелась приходская школа.

Евангелие в обоих костелах читалось на латинском языке, а в праздничные дни – на польском, французском, русском, китайском и японском. Проповеди велись на польском языке, в большие праздники – и на русском, а в костеле на Пристани – кроме этого на корейском. [1, ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 41–45; 23, с. 15;

11, 6 июля, с. 3; 9, № 10, с. 140]. Таким образом, польская языковая идентичность поддерживалась через религиозные службы лишь частично. Однако это не представляло для поляков проблемы, так как они имели прочную традицию разговорного и литературного использования родного языка.

Менее значительную роль в жизни этнических колоний сыграли те конфессии, в которых конкретная диаспора составляла меньшинство или была распылена по нескольким конфессиональным общинам. Так, грузины, в большинстве своем исповедуя православие, имели в Грузии до 1917 г. экзархат, а с 1917 г. – автокефальную православную церковь. Однако в Харбине у них не было собственного прихода, они посещали русские православные храмы. На Общесибирском грузинском съезде (Харбин, апрель 1919 г.) докладчик Г. Майсурадзе среди основных целей съезда, «призванного сыграть важную роль в духовном и материальном объединении и сплочении грузин Сибири и Дальнего Востока», выделил также приглашение грузина-священника. Однако это не было осуществлено. Часть грузин принадлежала также к католицизму. И в том, и в другом случаях богослужений на их родном языке не проводилось. Принадлежность к таким конфессиям на правах меньшинства не только не являлась главным фактором этнической идентичности, но действовала в противоположном направлении – как фактор межкультурного взаимодействия и включения в субкультуру.

В культурно-просветительной, экономической и общественно-политической жизни грузины в Харбине были довольно активны: в 1905 г. они создали Грузинское общество взаимной помощи в Маньчжурии, в 1906 г. организовали первую бесплатную грузинскую библиотеку-читальню, а при ней – бесплатную вечернюю общеобразовательную школу для взрослых. Имелся собственный дом общества (Грузинская, 65), где помещалось его правление и амбулатория. В 1920 г. в Харбине базировалось Центральное бюро грузинских национальных обществ Сибири [1, ф. 831, оп. 2, д. 31, л. 45; д. 32, л. 12, д. 34, л. 28; 5, 21 марта, с. 4]. Однако в конфессиональной жизни активность этой этнической группы ограничивалась в основном благотворительностью. Так, грузинский хор, организованный К. Кейдия, обходил членов общества с поздравлениями по поводу православных праздников, во время обхода собирал пожертвования на культурно-просветительные цели [13, с. 42, 87, 66, 98].

Украинцы, исповедовавшие в основном православие, в дореволюционный период также были прихожанами русских храмов, а их этническое самовыражение проявлялось вне церкви. Их первая общественная организация – Украинский клуб (открыт в 1908 г. на базе любительского театрального кружка) – занималась культурно-просветительной и благотворительной деятельностью. В 1916 г. усилиями клуба удалось организовать первую на Дальнем Востоке начальную украинскую школу.

В годы революции на деятельность украинцев в Маньчжурии большое влияние оказали бурные политические события, происходившие непосредственно на Украине, отличавшиеся сильными сепаратистскими тенденциями. В дальневосточном регионе, включая Маньчжурию, украинцы созвали четыре региональных съезда, организовали местные украинские рады и громады, молодежные союзы, новые культурные и просветительские объединения. В Харбине в 1918–1920 гг. Украинский клуб выстроил собственное здание (Украинский национальный дом), в котором среди прочих учреждений разместилась и гимназия [подробнее см.: 21; 22, с. 33–36].

На волне подъема национального движения у харбинских украинцев появилось стремление и к созданию собственной церкви. Но оно носило скорее политический, чем духовный характер, отражая попытку отмежевания от России и всего русского. Можно предположить, что большую роль в этом сыграло известие о провозглашении в Киеве в 1921 г. украинской автокефальной православной церкви. В 1922 г. активисты добились благословения архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия на строительство украинцами храма Покрова Пресвятой Богородицы, что было утверждено епархиальным советом. Образованный в связи с этим церковно-строительный комитет опубликовал «Обращение ко всем украинцам Дальнего Востока», в котором говорилось, что возведение храма есть «насущнейшая потребность украинской народности, расселившейся на далеком от своей родины Азиатском материке, в изыскании такого центра, который мог бы объединить вокруг себя украинцев всех политических, социальных и общественных оттенков». Комитет поставил перед собой задачу «организации при таковом храме украинского церковного прихода с восстановлением полностью прав древних украинских церковных братств и церковной службой на украинском языке». Но строительство растянулось почти на 10 лет, поэтому комитет организовал домовую церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы при украинской гимназии с целью «установить немедленно более тесную связь между прихожанами вновь организуемого храма» [11, 1 сент., с. 4]. Первым её настоятелем стал протоирей о. П. Гордзиевский, а с 1925 г. – протоирей о. Н. Труфанов. В те же годы в Харбине действовало украинское религиозно-просветительное общество «Покровское братство» [22, с. 36].

Однако приход Покровской церкви все же не сыграл роли объединяющего украинцев центра. В 1920-е гг. после перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление и поражения сепаратистских сил на Украине политическая деятельность украинцев Харбина затухает, а руководство Украинского клуба и украинская гимназия попадают под советское влияние. Во второй половине 1920-х гг. из-за внутренних интриг среди лидеров и пассивности рядовых членов общины работа клуба почти остановилась. Украинский национальный дом был конфискован, а Украинский клуб закрыт китайскими властями, прекратила работу гимназия. Постепенно распалось «Покровское братство». Лишь культурно-просветительное общество «Просвіта», настроенное антисоветски, поддерживало слабое дыхание «этнокультурной самостийности».

В этих условиях роль прихода свелась к чисто культовым функциям. Вместе с тем конфискация Украинского дома активизировала работу церковно-строительного комитета, возглавленного о. Н. Труфановым. В 1931 г. церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Старом кладбище была, наконец, построена. Здание воздвигалось под наблюдением инженера М.А. Тер-Овакимова по извлеченному из архива проекту инженера Ю.П. Жданова, составленному еще в 1905 г. по заказу управления КВЖД как храм-памятник пионерам-строителям КВЖД [10, 1930. № 40. 27 сент. С. 15]. Протоирей о. Н. Труфанов продолжал оставаться настоятелем церкви еще длительное время. Службы велись на украинском языке.

Окончание строительства церкви, очевидно, внесло некоторое оживление в конфессиональную жизнь украинцев Харбина. Вместе с тем с установлением японской власти в Маньчжурии вновь происходит резкая активизация политического и культурно-просветительного направлений, которые стали доминировать в общественной деятельности колонии [подробнее см.: 22].

Представители немецкой и прибалтийских этнических групп в большинстве своем были лютеранами. По инициативе служащих КВЖД этих национальностей в Харбине в 1905 г. образовался лютеранский приход. Богослужения совершались сначала в бараках. В 1909 г. управление КВЖД для постройки кирхи отвело землю в Новом городе (Большой проспект – угол Мукденской, 13). В 1914 или 1915 г. при активной роли инициативной группы приход начал строить собственный храм. Большое двухэтажное готического стиля здание было закончено и освящено в 1916 г. Евангелическо-лютеранская церковь управлялась общественным церковным советом. Проповедники и пасторы исполняли чисто культовые функции. Благотворительных организаций постоянного характера приход не имел. Время от времени при необходимости изыскания средств возникал дамский комитет. Особенно активно он работал в 1932–1939 гг., оказывая помощь беженцам из СССР и ведя другую благотворительную работу. Иногда члены общины собственными силами устраивали духовные концерты [1, ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 46–50; 11, 9 июля, с. 3; 9, № 10, с. 140].

В 1942 г. в церкви числилось около 600 прихожан. Однако платящих взносы было только 281, из них: немцев – 137, русских – 59, латышей – 52, эстонцев – 28, финнов – 3, японцев – 2. Немцы, эстонцы и латыши образовали при приходе внутренние группы со своими старостами и проповедниками. Связанная с полиэтничностью общины языковая проблема решалась достаточно просто: каждая из воскресных служб шла на одном из языков прихожан в принятой очередности – на немецком, эстонском, латышском и русском языках. Богослужение на русском языке сопровождалось песнопением на всех языках.

До 1922 г. харбинская лютеранская церковь являлась филиалом владивостокской. Службы в ней совершали проповедники Саллум, П. Лассман и военный пастор Я.А. Дризуль. Примерно раз в год из Владивостока приезжал пастор Леста, который проводил богослужения с конфирмациями и святым причастием, исполнял требы по частным заказам. В 1922 г. харбинская церковь потеряла связь с владивостокской и стала самостоятельной, подчиняясь церковной консистерии в Риге, Таллине и Берлине. В связи с этим встал вопрос о постоянном пасторе. На общем собрании лютеранской общины 1 марта 1925 г. обсуждались две кандидатуры для приглашения на эту службу – пасторов В.Ф.-В.А. Рейхвальда из Владивостока и Ч.В. Кастлера из Пекина. Собрание долго не смогло прийти к единому мнению из-за яростных споров, разгоревшихся между этническими группами прихожан, что свидетельствовало о существовании в лютеранской общине определенных трений на этнической почве [8, 2 дек., с. 4; 11, 11 окт., с. 3].

В конце концов, вопрос решился в пользу Кастлера. Он занимал должность настоятеля харбинской кирхи во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Пастор Кастлер был этническим немцем с французским гражданством. Современники характеризовали его как широко образованного человека, владевшего несколькими европейскими языками, древнееврейским и четырьмя китайскими диалектами. Он пользовался большим уважением и авторитетом среди прихожан. С середины 1930-х гг. церковная консистория в Германии, которой административно подчинялась евангелическо-лютеранская церковь Харбина, находилась под влиянием фашистской власти. Это обстоятельство заставило пастора Кастлера, не разделявшего фашистских убеждений, в 1936 г. уйти из харбинской кирхи вместе с сочувствующими ему прихожанами и основать

второй лютеранский приход. Оставшуюся часть прихожан в кирхе по Большому проспекту обслуживали пасторы Розен (1934–1943), а после его отъезда в Германию – Я.А. Дризуль. Богослужения продолжали совершаться на немецком, латышском, эстонском и русском языках.

Что касается отделившейся группы лютеран, то она сначала временно арендовала помещение в армянской церкви. Позже Кастлер предоставил приходу часть своего дома на углу Приютской и Пограничной улиц и основал там новую кирху под названием «Дом Лютера» (закрылась в 1954 г. в связи с отъездом Кастлера во Францию). В 1942 г. в «Доме Лютера» насчитывалось 176 прихожан: русских – 70, немцев – 40, французов – 18, швейцарцев – 8, датчан – 10, других (латышей, литовцев эстонцев и др.) – 21. Богослужения совершались на немецком языке и раз в месяц на русском. Как видим, в этом приходе численно преобладали русские, а также было больше граждан европейских стран. Можно предположить, что этот состав отражал политические пристрастия данной группы харбинских лютеран, разделявших неприятие п. Кастлером фашизма [1, ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 46–50; 9, № 10, с. 140].

Таким образом, лютеранская община Харбина, состоявшая из нескольких этнических групп, несла сугубо конфессиональные функции и не являлась фактором, который способствовал бы развитию общественной деятельности ее членов на этнической почве в других сферах. Сами немцы, литовцы, латыши, эстонцы, как отмечено выше, в конфессиональном отношении не были едины. Кроме лютеранства, они исповедовали также католичество и другую веру. Культурно-просветительную и общественно-политическую нагрузку у них несли светские организации: Харбинское латышское общество (образовано в 1912 г.), Латвийский центральный комитет в Харбине (1920 г., способствовал репатриации латышей), Латышский кружок самообразования «Старс», Литовское общество «Ausra» («Заря»), Немецкий клуб, Немецкое, Латвийское, Эстонское и Литовское консульства в Харбине и др.

Таким образом, роль конфессий в общественной жизни российских этнических диаспор в Харбине была неоднозначной. Для тех групп, где имело место полное или почти полное совпадение этничности и вероисповедания, конфессии выступали в качестве стержня этнической идентичности, способствуя сохранению духовных основ национальной культуры, ее традиций, языка, национального образования и просвещения, воспроизводству материальных ценностей (например, культовой архитектуры), а также чисто физическому выживанию этнической группы посредством благотворительности и социальной помощи. Однако в полиэтнических конфессиональных и поликонфессиональных этнических группах восприятие религиозной сферы в качестве элемента культуры представителями конкретных национальных диаспор имело двойственный характер: и как «свое», и как «общее» с элементами «чужого». Поэтому этническое самовыражение в таких диаспорах переносилось большей частью в неконфессиональную сферу.

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).

2. A Brief Introduction of the Complete Haerbin Judaist Organization Archive / Manuscript. (Копия получена автором от П. Бертонна на Хабаровской конференции в июне 1998 г.).

3. Бюллетень «Игуд Иоцей Син» (ж-л). – Тель-Авив. – 1997. – № 352.

4. Великая Маньчжурская империя. К 10-летию юбилею. – Харбин: Изд-во

гос. организации Кио-Ва-Кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942.

5. Голос Родины (газ.). – Владивосток, 1920.

6. Национализм и еврейство: сб. статей и лекций раввина А.М. Киселева. – Харбин: Изд-во газеты «Еврейская жизнь», 1941.

7. Новости жизни (газ.). – Харбин, 1915.

8. Новый мир (газ.). – Владивосток, 1920.

9. Политехник (ж-л). – Сидней, 1979.

10. Рубеж (ж-л). – Харбин, 1930, 1931.

11. Свет (газ.). – Харбин, 1922.

12. Трибуна (газ.). – Харбин, 1925.

13. Юбилейный сборник Грузинского общества в Маньчжоу-Ди-Го. 1905–1935. – Харбин, 1935.

15. Гильфанов, Р. Татарская эмиграция / Р. Гильфанов // Татарстан. – Казань. – 1995. – № 5-6. – С. 80–84.

16. Голко, В. К вопросу о конце польской колонии в Маньчжурии / В. Голко // На сопках Маньчжурии. – 1999. – № 63 (апр.).

17. Ефимова, М.И. Епископ Владивостокский Кароль Сливовский / М.И. Ефимова. – Владивосток, 2003. – 48 с.

18. Мелихов, Г.В. Маньчжурия далекая и близкая / Г.В. Мелихов. – М.: Наука, 1991. – 317 с.

19. Чернолуцкая, Е.Н. Из истории армяно-григорианской общины в Харбине (1920–1940) / Е.Н. Чернолуцкая // Духовная жизнь Дальнего Востока России: материалы регион. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2000. – С. 86–90.

20. Чернолуцкая, Е.Н. Общественная деятельность татарской диаспоры в дальневосточном зарубежье / Е.Н. Чернолуцкая // Вестник ДВО РАН. – 1998. – № 3. – С. 101–108.

21. Чернолуцкая, Е.Н. Украинская национальная колония в Харбине (первая половина XX в.) / Е.Н. Чернолуцкая // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры: доклады и сообщ. науч. конф. – Южно-Сахалинск, 1994. – С. 87–98.

22. Черномаз, В.А. Общественно-политическая деятельность украинской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) / В.А. Черномаз // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков: материалы первой междунар. конф. Кн. 2. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 33–42.

23. Cabanowski, M. Tajemnice Mandzarii: Polacy w Harbinie. – Warszawa: Muzeum Niepodleglosci, 1993. – 152 с.

24. Wolff, D. To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, California: Stanford University Press, 1999. – 255 p.

УДК 070(=161.1)(73)''192/197''

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ В США В 1920 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг. (на примере ряда крупных изданий)

Т.С. Шугайло

*Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева
г. Владивосток, Россия*

В любой точке мира, где бы ни оказывались русские эмигранты, как представители первой волны эмиграции, покинувшие Россию после Октябрьской революции 1917 г., так и последующих волн, появлялись в огромных количествах русскоязычные газеты и журналы. Эмигрантская пресса, на страницах которой звучали голоса видных деятелей Русского зарубежья, оказывала заметное влияние на формирование общественного мнения в среде русской диаспоры и на западе. Нередко редакции изданий совместно с русскими общественными организациями или самостоятельно занимались благотворительностью, выступали с различными инициативами в поддержку соотечественников. Мы можем говорить о том, что редакции крупных эмигрантских изданий, объединяя вокруг себя наиболее активных представителей русской диаспоры, являлись движущей творческой и общественно-политической силой Русского зарубежья. Изучение истории и особенностей развития русскоязычной периодики на разных континентах позволяет проникнуть в духовную жизнь русской эмиграции, воссоздать картину мира, присущую этим людям, все помыслы и надежды которых были связаны с покинутой родиной.

Тема истории русской периодической печати в США в XX веке не является досконально изученной, и сегодня в ней остается множество лакун и «белых пятен». Ценные сведения о возникновении, развитии, деятельности русскоязычных эмигрантских изданий в США можно почерпнуть из трудов Ю.А. Азарова, А.В. Антошина, П.Н. Базанова, О.С. Зацепиной, Э.Л. Нитобурга, А.Б. Ручкина, А.А. Хисамутдинова, а также ряда других исследователей.

Основателем русскоязычной прессы в Америке принято считать православного священника российской миссии в Афинах Агапия Гончаренко (А. Гумницкого), приехавшего в США в 1865 г. В 1867 г. он обосновался в Сан-Франциско, где уже в следующем году по предложению американского правительства выпускал газету «Вестник Аляски» на русском и английском языках. Издание должно было способствовать ассимиляции русского и креольского населения

только что купленной у России Аляски, а заодно и проживавшего в Калифорнии [14, с. 36; 21, с. 248].

По данным русского эмигранта Ивана Кузьмича Окунцова, за период с конца 1860-х по 1930-е гг. в США было основано 188 русско-американских периодических изданий (68 газет и 120 журналов). В зависимости от содержания прессы и характера читательской аудитории этот журналист и общественный деятель выделял политические, военные, экономические, церковно-религиозные, общественные, литературно-научные, юмористические и другие издания. Многие из этих газет и журналов просуществовали недолго и закрылись из-за недостатка финансирования. К 1939 г. из 52 дореволюционных изданий выходили только «Новое русское слово», «Русский голос», «Рассвет» и «Русско-американский православный вестник» [21, с. 255–256].

В период 1930–1940-х гг. крупными изданиями оставались газеты «Новое русское слово» и «Русский голос», созданные дореволюционными эмигрантами, а также газеты «Русская жизнь», «Новая заря» и «Россия», зародившиеся в 1920–1930-е гг. [22, с. 65]. Развитие этих изданий-долгожителей, активно участвовавших на протяжении всего своего существования в жизни русской общины в США, следует рассмотреть более подробно.

Газеты «Русский голос» и «Новое русское слово» были основаны И.К. Окунцовым. Уроженец Забайкальской области, член партии эсеров, в 1905 г. он участвовал в выступлениях против власти, оказался в Акатуевской каторжной тюрьме, откуда бежал в Америку. С 1907 по 1909 гг. в Нью-Йорке Окунцов издавал газету «Русский голос», но вынужден был прекратить ее выпуск по экономическим причинам. Затем при более благоприятных финансовых обстоятельствах 1 февраля 1917 г. он возродил издание «Русского голоса» [21, с. 257].

С апреля 1910 г. Окунцов был назначен редактором газеты «Русское слово» (изменившей название на «Новое русское слово» в 1922 г.). В 1915 г. данное издание стало первой ежедневной газетой в Америке [9, с. 8].

Как писал один из редакторов этого издания М.Е. Вейнбаум, в то время газета издавалась, не имея серьезной финансовой поддержки, без сотрудников и читателей. Сотрудников надо было создавать из одиночек-интеллигентов и даже из полуграмотных людей, тянувшихся к газете. Читательскую аудиторию составляли политические эмигранты, безземельные крестьяне, рабочие, ремесленники, покинувшие Российскую империю [14, с. 29, 34, 36, 41]. Русская пресса притягивала этих людей, оказавшихся в совершенно новых условиях, желавших узнать о событиях на родине, нуждавшихся в любой информации о жизни в США. Вейнбаум, начинавший работать в газете «Русское слово» в 1920-х гг., вспоминал, как к редакции по воскресеньям приезжали читатели из окрестных городов и поселков. Они обращались за советом или помощью, для многих редакция была своего рода универсальным магазином [9, с. 8].

Другая уникальная русскоязычная газета возникла летом 1921 г. в Сан-Франциско и выпускается по сей день группой журналистов. Газету «Русская жизнь» основали дореволюционные эмигранты – П. Мордус, Н. Кочергин, Н. Абрамов, И. Гайдо, Е. Шлыков и Г.Г. Григорьев [32, с. 9; 33, с. 167].

После Октябрьской революции, которую представители дореволюционной эмиграции и американского общества восприняли с воодушевлением и интересом, многие русскоязычные издания в США стояли на просоветских позициях.

В этот период возросла популярность газеты «Русский голос», изначально поддерживавшей идеи большевиков. В 1919 г. по инициативе журналиста А.Я. Яковлева, ставшего редактором «Русского слова», газета приняла коммунистическую линию. В 1920–1921 гг. журналисты издания активно призывали своих читателей к возвращению в Советскую Россию [2, с. 90–91; 9, с. 8].

Если «Русский голос» оставался просоветским изданием и в дальнейшем, то «Русское слово» превратилось в антибольшевистскую газету при М.Е. Вейнбауме, который вошел в число редакторов в апреле 1922 г., став компаньоном издателя В.И. Шимкина. В этот период изменилось и название газеты на «Новое русское слово», отныне издание прочно занимало либерально-демократические позиции [8, А1].

Надо сказать, что настроения русской диаспоры в Америке начали меняться с прибытием представителей послереволюционной волны русской эмиграции, крайне негативно настроенной к большевикам. К концу 1930-х гг. «Новое русское слово» стало крупнейшей ежедневной русскоязычной газетой в США, отражавшей на своих страницах мнения разных социальных групп русской диаспоры в Америке [9, с. 8].

Газета «Русская жизнь», поддерживавшая на своих страницах при первом редакторе Г.Г. Григорьеве Советскую Россию, в дальнейшем, после того как ее возглавил новый издатель, американец Ф.М. Кларк, встала на антикоммунистическую платформу [34, с. 90; 10].

Издание не изменило политических позиций и в последующие годы. В 1937 г. [33, с. 167] или, по другой версии, в 1938 г. [10; 32, с. 9] Ф. Кларк из-за финансовых трудностей продал газету Петру Петровичу Балакшину – известному в среде русской эмиграции журналисту, литератору и общественному деятелю. Он родился в 1898 г. в пос. Барабаш Южно-Уссурийского края. Принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах, сражался на стороне белого движения в составе Приморского драгунского полка. В 1920 г. Балакшин уехал через Владивосток в Японию, затем в Шанхай, откуда эмигрировал в США по студенческой визе [3, с. 43].

Приобретенное издание публицист объединил с еженедельной газетой «Русские новости», которую он выпускал с 28 апреля 1937 г. [7, с. 6]. В новом издании, первоначально называвшемся «Русские новости. Русская жизнь», а затем – «Русские новости-жизнь», печатались известные литераторы и поэты Русского зарубежья: Н. Тэффи, Т. Баженова, Е. Грот, Н. Лаврова (Шапиро), М. Осоргин, Е. Малоземова, А. Несмелов и др. [32, с. 9].

5 декабря 1941 г. П. Балакшин из-за сложного финансового положения продал издание Русскому центру в Сан-Франциско. Правление Русского центра в это время ощущало необходимость в образовании собственного органа печати, который бы отстаивал его интересы и защищал от нападок сторонников коммунистов в США. Первый номер новой газеты, название которой вновь изменили на «Русскую жизнь», вышел 20 декабря 1941 г. под редакцией профессора Г.К. Гинса – известного юриста, публициста, активного участника белого движения на востоке России, являвшегося в прошлом членом Совета министров при А.В. Колчаке [1, ф. 10143, оп. 44, кат. 8, к. 256, 296]. Находясь с 1920 г. в эмиграции в Харбине, он редактировал газету «Русское обозрение», преподавал на русском юридическом факультете, служил при Управлении КВЖД. В 1941 г. Гинс уехал к сыновьям в Сан-Франциско [3, с. 131; 28].

В целом газета, которую издавали представители первой волны эмиграции, позиционировала себя как издание внепартийное, русское национальное и антикоммунистическое [1, ф. 10143, оп. 44, кат. 8, к. 156, 256, 296].

Другое русское издание «Новая заря», которое выпускал предположительно с 1926 г. в Сан-Франциско общественный деятель и издатель Г.Т. Сухов, выступало за освобождение России от коммунистической власти и установление в стране демократических свобод [33, с. 123–124; 3, с. 491]. Григорий Тимофеевич Сухов, уроженец Томска, работал линотипистом во Владивостоке, а в дальнейшем руководил типографией штаба 9-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской армии адмирала А.В. Колчака. Он эмигрировал в Харбин после 1920 г., где по приглашению редактора-издателя газеты «Заря» М.С. Лембича был назначен управляющим издательством газеты [3, с. 491; 20, с. 269].

С «Новой зарей» в 1920–1930-е гг. сотрудничали известные журналисты, прибывшие в Америку после Октябрьской революции 1917 г. Работать над выпуском ежедневной газеты в Сан-Франциско Сухову помогала и его супруга Матрона Андреевна [33, с. 124].

16 апреля 1933 г. в Нью-Йорке начала выходить монархическая газета «Россия», которая издавалась до 1963 г. под руководством Н.П. Рыбакова – полковника Генерального штаба царской армии, участника Первой мировой войны и Великого сибирского ледяного похода, эмигрировавшего после 1922 г. в США [12, с. 2–3; 25, с. 22]. Данное ежедневное издание на протяжении всего своего существования вплоть до 1973 г. выступало в своих материалах против политики СССР и коммунистических идей в целом. Авторы издания считали возможным восстановление монархической власти в России.

С началом Второй мировой войны в среде русской эмиграции в США резко возрос интерес к русскоязычной прессе, увеличилось число ее читателей. Великая Отечественная война в то же время разделила представителей русской диаспоры во всем мире на два лагеря, так называемых «оборонцев» и «пораженцев». Сторонники «оборонческой» позиции поддерживали Советскую Россию в ее борьбе с фашизмом, вне зависимости от того, какой политический режим находился у власти. «Пораженцы» видели главным врагом России советскую власть и надеялись на то, что Гитлер уничтожит большевиков [19, с. 12–13].

Многие представители русской диаспоры в США относились к первому лагерю и развернули мощную кампанию в поддержку СССР. Такие крупные эмигрантские газеты в Америке, как «Новое русское слово», «Русский голос», «Русская жизнь», меньшевистский журнал «Социалистический вестник» переживали за судьбу родины и осуждали на своих страницах взгляды «пораженцев». «Русская жизнь» и «Новое русское слово», несмотря на негативное отношение к коммунистической идеологии и советскому режиму, сочувствовали Советскому Союзу, вступившему в нелегкую схватку, и на своих страницах говорили о необходимости оказывать помощь русскому народу в его сражении с фашистскими захватчиками.

«Новое русское слово», «Русская жизнь» и «Русский голос» в годы войны печатали военные сводки с советско-германского фронта, помещали письма-отклики русских эмигрантов в США и общественных организаций в защиту СССР. «Новое русское слово» публиковало художественные патриотические произведения, в которых рассказывалось о боевых подвигах русского народа и

Красной армии, перепечатывая их из советских «Правды» и «Известий» [18, с. 5; 4, с. 125].

Данные эмигрантские издания в период Великой Отечественной войны принимали участие в благотворительных акциях, на которых собирались пожертвования на закупку медикаментов и одежды для населения СССР.

Существенное влияние на развитие русскоязычной прессы в США оказали представители второй волны эмиграции – советские послевоенные беженцы, прибывшие в США в 1945-м – начале 1950-х гг. В это же время в Америку приезжали послереволюционные эмигранты, проживавшие в странах Европы и Азии после 1917 г., среди которых было много талантливых и опытных журналистов и литераторов. Эта «новая» эмиграция повысила профессиональный уровень русской прессы в США, за счет появления множества авторов расширились штаты редакций, улучшились внешний вид и содержание изданий [22, с. 68].

После завершения Второй мировой войны газета «Новое русское слово» являлась крупнейшим русскоязычным изданием в Америке, на страницах которого публиковались многие выдающиеся писатели и журналисты: И.А. Бунин, М.А. Алданов, Н.А. Тэффи, М.А. Осоргин, А.М. Ремизов, Е.Д. Кукова, С.М. Рафальский, С.М. Шварц, Дон Аминадо, И.В. Одоевцева и др. [22, с. 69; 30, с. 1]. Успех издания объяснялся и тем, что оно являлось своего рода «парламентом мнений»: на его страницах печатались публицисты разных политических лагерей – от социал-демократического до монархического [8, А2].

С началом в 1946 г. идеологического противостояния «холодной войны» в русских эмигрантских газетах и журналах в США, в большинстве своем являвшихся антикоммунистическими изданиями, изменилась общая тональность материалов по отношению к Советскому Союзу – в них вновь, как и в 1930-е гг., зазвучала жесточайшая критика советского режима. В Америке в этот период развернулась антисоветская кампания, некоторые лозунги которой были созвучны идеям послереволюционных и послевоенных русских эмигрантов. В оппозиции антикоммунистическим изданиям в период «холодной войны» находилась просоветская эмигрантская газета «Русский голос». Издание в этот период призывало СССР и США стремиться к установлению мирных и прочных дружественных отношений, какие связывали державы в период Второй мировой войны.

Прибывшие на американский континент эмигранты не только сотрудничали с уже существовавшими русскими изданиями, но и основывали новые газеты и журналы. Создавали свои органы печати в США и представители монархического лагеря, продолжавшего играть весомую роль в среде русской общественности за рубежом и после Второй мировой войны [5, с. 347]. Так, в 1949 г. в Нью-Йорке под руководством журналиста и общественного деятеля Н.Н. Чухнова начал выходить общественно-политический журнал «Знамя России» [3, с. 560–561]. Издание являлось одним из печатных органов Общероссийского Монархического Фронта (ОМФ) – организации, объединившей в 1949 г. консервативные монархические силы русской эмиграции [6, с. 194]. Первоначально большую финансовую поддержку изданию оказал меценат князь С.С. Белосельский-Белозерский. Журнал, выступавший за освобождение России от власти большевиков и восстановление в стране монархического строя, издавался вплоть до 1981 г.

С декабря 1951 по 1994 гг. в Лос-Анджелесе выходил общественно-политический журнал «Согласие» [31, с. 16]. Это монархическое издание было основано организацией «Русское согласие», созданной представителями эмигрантской общественности в Калифорнии под руководством И.Е. Носкова. Жур-

нал, как и данное общество, стоял на антикоммунистических позициях и ставил перед собой задачу способствовать объединению русских общественно-политических организаций разных направлений в Лос-Анджелесе, таким образом усиливая их шансы в борьбе против коммунизма. Издание выступало за освобождение России от правительства большевиков и установление монархической власти в стране, улучшение социально-экономического положения на родине. «Согласие», как и другие представители монархической прессы Русского зарубежья, активно выступало против идей разделения России на отдельные национальные образования, распространенных на западе с середины 1950-х гг. [13, с. 44]. Журнал призывал своих читателей сохранять и приумножать традиции русской культуры.

Первым издателем и редактором журнала был уроженец Симферополя, участник Первой мировой и Гражданской войн, ученый и журналист Юрий Павлович Канаков. В эмиграции он оказался в Константинополе, затем в 1929 г. уехал в США, где работал до 1966 г. в Музее естественной истории округа Лос-Анджелес. Канаков занимал должность куратора отдела морских беспозвоночных плейстоценового и плиоценового возраста. Владея десятью языками, он в качестве переводчика сотрудничал с Государственным департаментом США [3, с. 238]. Канаков являлся издателем журнала вплоть до февраля 1973 г. Редколлегия журнала «Согласие» также возглавляли Г.П. Апанасенко и Г.М. Богданов [35, с. 97].

С 1940 г. выпускался в Нью-Йорке журнал «Социалистический вестник». Издание было основано 1 февраля 1921 г. в Берлине «при ближайшем участии Р. Абрамовича и Л. Мартова» как партийный орган ЗД РСДРП (Заграничной Делегации Российской социал-демократической рабочей партии), затем с 1933 г. журнал выходил в Париже, а с 1940 г. вместе с представителями движения меньшевиков переехал за океан [5, с. 39–40, 281–82; 36, с. 25]. На протяжении существования «Социалистического вестника» его редактированием занимались – Р.А. Абрамович (Рейн) в 1921–1957 гг., Ф.И. Дан в 1922–1940 гг., Д.Ю. Далин (Левин) в 1923–1933 гг., С.М. Шварц в 1957–1963 гг. [29].

В Америке пост главного редактора по-прежнему занимал Р.А. Абрамович (Рейн) – журналист и политик, участник революции 1905–1907 гг., покинувший Россию в 1920 г. и входивший в состав заграничной делегации РСДРП [5, с. 281]. С 1954 г. вместе с ним издание редактировали С.М. Шварц, Ю.П. Денике и Б.И. Николаевский. В начале 1957 г. Абрамович обратился с просьбой временно освободить его от должности главного редактора для работы над книгой по истории русской революции. С этого периода времени деятельностью газеты руководил С.М. Шварц [24, с. 80].

С 1946 г. издание выходило всего один раз в месяц. На страницах «Социалистического вестника» публиковался довольно ограниченный круг авторов – кроме редакторов, печатались Б.М. Сапир, А.М. Югов, В. Александрова, Б.Л. Двинов (Гурвич), а после 1945 г. в журнале выходили статьи и эсеров – М.В. Вишняка, В.М. Чернова и В.М. Зензинова [3, с. 40, 281–282].

В годы Великой Отечественной войны «Социалистический вестник», выступавший против сталинской диктатуры в СССР, стоял на позициях защиты Советского Союза от нападения фашистской Германии и осуждал взгляды «пораженцев» в среде русской эмиграции. В дальнейшем издание говорило на страницах журнала о своем негативном отношении к просталинской эйфории, охва-

тившей западное общество после окончания Второй мировой войны. По мнению журналистов, И. Сталин собирался создать «мировой СССР», охватывавший все пять континентов [23, с. 195]. В последующие годы авторы издания продолжали отстаивать «идеи демократии и социализма на русской почве» [16, с. 126]. Журнал не поддерживал политику мирного сосуществования между странами западного блока и СССР, о которой заявляло «коллективное руководство», пришедшее к власти в Советском Союзе после смерти Сталина [15, с. 55–57].

В «Социалистическом вестнике» печатались материалы, в которых анализировалась внешняя и внутренняя политика СССР, рассматривались экономическая и культурная жизнь страны. На страницах журнала публицист В.А. Александров пыталась понять подлинные настроения советских людей через литературу СССР. В 1950-е гг. в рубрике «Из прошлого» издание печатало воспоминания представителей второй волны русской эмиграции о Советском Союзе.

С апреля 1963 г. «Социалистический вестник» издавали С.М. Шварц, Ю.П. Денике и Б.И. Николаевский [27, с. 3].

15 сентября 1961 г. в Лос-Анджелесе Калифорнийским обществом участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода был основан журнал «Вестник первопоходника». Данное общество являлось одним из отделений Союза участников 1-го Кубанского похода (февраль–апрель 1918 г.), созданного в Америке в 1951 г. Организация оказывала значительную помощь единомышленникам, находившимся в лагерях для «перемещенных лиц» в Европе, а также содействовала объединению русской эмиграции, выступала против коммунистической идеологии и советской власти, раскрывала идеологию Белого движения и занималась сбором документальных материалов по истории Гражданской войны [17, с. 4; 11, с. 3].

В издании журнала, отражавшего основные идейные направления Союза, принимали участие «первопоходники», прибывшие в США из Европы после завершения Второй мировой войны. На его страницах публиковались воспоминания, очерки и фотографии участников 1-го Кубанского похода, Гражданской войны в целом и антибольшевистской борьбы, которая велась позже [11, с. 3].

Во второй половине 1960-х гг. в русской диаспоре в США наметился кризис, связанный с естественной причиной, – смертью многих представителей послереволюционной эмиграции. Приходившее им на смену молодое поколение русских американцев нередко слабо владело русским языком или вовсе его не знало и не читало русскоязычную прессу. К середине 1970-х гг. данная тенденция усилилась.

После завершения Второй мировой войны неумолимо сокращались тиражи русских изданий в Америке. Так, если в 1946 г. тираж газеты «Россия» составлял 12 тыс. экземпляров, то в 1961 г. – 2,1 тыс. экз., а в 1972 г. – 1,6 тыс. экз. У газеты «Русская жизнь» тираж к 1961 г. снизился до 2,3 тысяч экземпляров. Тираж газеты «Новое русское слово» упал с 32,4 тысяч экземпляров в 1921 г. до 26 тыс. в 1976 г.

Разовый тираж просоветской газеты «Русский голос» в 1921 г. составлял 35 тыс. экз., в 1961 г. – 5,3 тыс. экз., а в 1976 г. – 2,6 тыс. экз. Одной из причин снижения читательского интереса к данной газете стала политическая позиция издания. Многие из прибывших в Америку после 1945 г. советских невозвращенцев, столкнувшихся с репрессиями на родине в 1930-е гг., были настроены антикоммунистически и просоветскую газету воспринимали негативно. В то же время ряд читателей «Русского голоса» с началом «холодной войны» и усилением

ем гонений на коммунистов в Америке в начале 1950-х гг. предпочитали скрывать свои симпатии к этому изданию [21, с. 260–262, 265]. Но несмотря на данные обстоятельства, «Русский голос» продолжал издаваться вплоть до второй половины 1990-х гг.

В 1960–1970-х гг. закрылся ряд русскоязычных изданий в Америке, выпускавшихся представителями первой и второй волн эмиграции. После смерти Р.А. Абрамовича в декабре 1963 г. прекратил выходить «Социалистический вестник» [5, с. 282]. В последующие два года социал-демократы издали четыре сборника под тем же названием. Как сообщали представители редколлегии, основной причиной закрытия журнала стал уход из жизни к середине 1960-х гг. ряда активных работников издания и в целом многих представителей движения меньшевиков. Меньшевики не воспитали молодых последователей в эмиграции. «Наше младшее поколение, оторванное от русской почвы, либо уходит в профессиональную жизнь, либо в общественную жизнь стран, в которых они выросли, либо в науку, и в лучшем случае сохраняет чувства симпатии к российской социал-демократии, но и только», – писал один журналистов «Социалистического вестника» в 1963 г. [27, с. 3–4].

27 ноября 1973 г. закрылась ежедневная газета «Новая заря» в связи с ухудшением здоровья Г.Т. Сухова [33, с. 124; 3, с. 491]. В этом же году остановился выпуск газеты «Россия» после того как публицист Г.Б. Александровский, редактировавший издание с 1967 г., получил тяжелые травмы в автокатастрофе [3, с. 17]. «Знамя России» после смерти в 1978 г. своего редактора Н.Н. Чухнова лишь эпизодически выходило до 1981 г. в виде одного из отделов монархического журнала «Зарубежная Русь».

В 1970 г. закрылся «Вестник первоходника» из-за «отсутствия достаточного количества работников по его изданию». Но уже спустя год в Лос-Анджелесе появился преемник журнала под названием «Первоходник», который также публиковал материалы по истории антисоветской борьбы белой русской армии. Издание выпускала группа энтузиастов, создавших в 1971 г. «Объединение первоходников». В 1976 г. данный журнал фактически закрылся в связи со смертью издателей и многих участников движения «первоходников», находившихся в преклонном возрасте [17, с. 5]. Оставшиеся немногочисленные члены «Объединения первоходников» выпустили два последних номера издания в 1981 г. небольшим тиражом [26, с. 34].

Русская пресса зародилась в Америке во второй половине XIX века и развивалась в непростых экономических и политических условиях. Русские газеты и журналы выходили во многом благодаря огромной жертвенности людей, посвящавших себя этой деятельности. Печатание и распространение русского слова, несмотря на все трудности, позволяли эмигрантам продолжать творческую деятельность и поддерживали развитие их интеллектуальной и культурной жизни. Представители первой и второй волн русской эмиграции активно участвовали в издании уже существовавшей прессы в Америке, но чаще основывали собственные газеты и журналы.

В исследуемый период можно выделить следующие этапы развития русской прессы в США: 1920–1940 гг., 1941–1945 гг., 1946 – первая половина 1970-х гг. Октябрьская революция в России привлекла внимание русской диаспоры в США, в целом позитивно воспринявшей перемены на родине. В это время ряд эмигрантских изданий поддерживали просоветские позиции. Однако взгляды

русской колонии начали меняться после приезда представителей послереволюционной волны русской эмиграции, негативно настроенной по отношению к большевикам.

Вторая мировая война и особенно Великая Отечественная война разделили русскую эмиграцию на два лагеря – «оборонцев» и «пораженцев». В этот период такие крупные эмигрантские издания в Америке, как «Новое русское слово», «Русская жизнь», «Социалистический вестник», несмотря на негативное отношение к советской власти, занимали оборонческие позиции и участвовали в США в различных акциях по оказанию помощи СССР. Также выступала в защиту родины в ее борьбе с фашистской Германией газета «Русский голос».

В 1946 г. с началом противостояния «холодной войны» между СССР и США вслед за развернувшейся антисоветской кампанией в Америке резко изменилось восприятие Советской России на страницах эмигрантских антикоммунистических изданий. После завершения Второй мировой войны в период второй половины 1940-х – начале 1950-х гг. в США приехали советские невозвращенцы, а также представители послереволюционной эмиграции, покинувшие Европу и Азию. В числе послевоенных эмигрантов на американский континент прибывали опытные издатели и редакторы, повысившие профессиональный уровень русского издательского дела и журналистики на американском континенте. В период между 1945–1965 гг. в Америке появилось 106 новых эмигрантских изданий [21, с. 265].

С другой стороны, после окончания Второй мировой войны в США началось падение тиражей русских изданий. Постепенно уходили в мир иной представители дореволюционной и послереволюционной волн эмиграции, а их потомки постепенно в процессе ассимиляции утрачивали национальную идентичность, и уже не читали русской прессы. Данная тенденция привела к тому, что в период второй половины 1960-х – 1970-е гг. прекратили существование многие эмигрантские издания. Но с конца 1960-х гг. в США начали приезжать представители так называемой третьей волны российской эмиграции, среди которых значительную часть составляла интеллигенция, покидавшая СССР в поисках свободы, лучших условий жизни и творческой самореализации. Они привнесли в среду русской диаспоры в США свежие идеи и новые представления об СССР.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

2. Азаров, Ю.А. Русская литературная эмиграция в США 1920–1930-х гг. (по материалам периодических изданий) / Ю.А. Азаров // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2000. – № 3. – С. 83–97.

3. Александров, Е.А. Русские в Северной Америке: биограф. словарь / Е.А. Александров; под ред. К.М. Александрова, А.В. Терешука. – Хэмден – Сан-Франциско – Санкт-Петербург, 2005. – 599 с.

4. Афанасьев, А. Полюнь в чужих полях / А. Афанасьев. – М., 1987. – 285 с.

5. Базанов, П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) / П.Н. Базанов. – СПб., 2004. – 430 с.

6. Базанов, П.Н. Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг. Энциклопедический справочник / П.Н. Базанов, С.С. Кремнев, Т.В. Кузнецова, И.А. Шомракова. – СПб., 2005. – 336 с.

7. Балакшин, П. Дела газетные / П. Балакшин // Русская жизнь. – 1981. – № 9656. – С. 6–7.
8. Вайнберг, В. Я рад быть частью истории! / В. Вайнберг // Новое русское слово. – 2010. – № 34230. – А1 – А2.
9. Вейнбаум, М. Пятьдесят лет / М. Вейнбаум // Новое русское слово. – 1985. – № 26757. – С. 8.
10. Градова, З. К истории газеты «Русская жизнь» / З. Градова // Новый журнал. – 2012. – № 267. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/267/b38.html> (дата обращения: 04.12.2017 г.).
11. Заветы Первопоходника // Вестник первопоходника. – 1961. – № 2. – С. 3.
12. Знаменский, Г.А. Ко дню газеты «Россия» / Г.А. Знаменский // Россия. – 1969. – № 8064 (514). – С. 2–3.
13. И.А.И. Что сулит миру расчленение России / И.А.И. // Согласие. – 1981. – № 76. – С. 44.
14. Ионцев, В.А. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров. – М., 2001. – 490 с.
15. Итоги двух лет. Статья первая: от Маленкова к Булганину // Социалистический вестник. – 1955. – № 4 (681). – С. 55–57.
16. К восьмидесятилетию Р.А. Абрамовича // Социалистический вестник. – 1960. – № 7 (743). – С. 126.
17. Краткие сведения о деятельности первопоходников в Л-А // Первопоходник. – 1981. – № 35. – С. 4–6.
18. Макаренко, Я. Артиллеристы в бою / Я. Макаренко // Новое русское слово. – 1945. – № 11 972. – С. 5.
19. Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война / отв. ред. С.В. Карпенко. – М., 2004. – 346 с.
20. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. – М., 1999. Т.6. Кн. 2. – 723 с.
21. Нитобург, Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург. – М., 2005. – 421 с.
22. Нитобург, Э.Л. Русскоязычная пресса в США / Э.Л. Нитобург // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 1(373). – С. 58–74.
23. Нужно ли говорить о войне? // Социалистический вестник. – 1948. – № 11 (614). – С. 193–194.
24. О «Социалистическом Вестнике» // Социалистический вестник. – 1958. – № 4 (716). – С. 80.
25. Орехов, В.В. Кончина Н.П. Рыбакова / В.В. Орехов // Часовой. – 1963. – № 444 (5). – С. 22.
26. От «Объединения Первопоходников» // Первопоходник. – 1981. – № 35. Июнь. – С. 34.
27. От редакции // Социалистический вестник. – 1965. – № 4. – С. 3–7.
28. Петин, Д.И. Г.К. Гинс: жизнь и деятельность, ученого и эмигранта политика (по документам личного дела из картотеки БРЭМ) / Д.И. Петин // Архивный вестник: информационно-методический историко-краеведческий журнал. – 2013. – № 20. – С. 289–294.

29. Сводный каталог периодики русского зарубежья / руководитель проекта О.А. Коростелев. Проект «Эмигрантика». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/sotsialisticheskii-vestnik-berlin-1921-1963> (дата обращения 04.12.2017 г.).

30. Седых, А. Юбилей газеты / А. Седых // Новое русское слово. – 1985. – № 26757. – С. 1–2.

31. Собрание, посвященное 30-летию журнала «Согласие»...// Согласие. – 1981. – № 354. – С. 14–20.

32. Франкьен, И. Газета «Русская Жизнь» / И. Франкьен // Русские в Калифорнии: иллюстрированный справочник. – Сан-Франциско, 2012. Т. I. – С. 9–10.

33. Хисамутдинов, А.А. После продажи Аляски: Русские на Тихоокеанском побережье Северной Америки (1867–1980-е гг.): материалы к энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2003. – 264 с.

34. Хисамутдинов, А.А. Русские страницы Сан-Франциско / А.А. Хисамутдинов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 7 (439). – С. 73–92.

35. Хисамутдинов, А.А. «Русскость»: диаспора и периодическая печать на Тихоокеанском побережье США (1867–1980 гг.) / А.А. Хисамутдинов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 5 (521). – С. 87–101.

36. Юбилей «Социалистического Вестника» // Социалистический вестник. – 1961. – № 2–3 (750–751). – С. 25.

УДК 625/1(571/6+518/3)''1926''

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В ПРОФСОЮЗЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ КВЖД ОСЕНЬЮ 1926 г.

С.Ю. Яхимович

*Дальневосточный юридический институт МВД России
г. Хабаровск, Россия*

Длительное время отечественная историография дальневосточного российского зарубежья практически не уделяла внимания изучению довольно большой советской колонии в Северной Маньчжурии. Тому был ряд объективных причин, в первую очередь – засекреченность и без того немногочисленных архивных материалов по теме вплоть до середины 1990-х гг. Сегодня возможно реконструировать различные стороны жизнедеятельности сообщества советских граждан в том же социокультурном пространстве, в котором оно существовало бок о бок с российской эмиграцией. Значительную помощь в этом может оказать исследование советских профсоюзных организаций Особого района восточных провинций (ОРВП) Китайской Республики, членами которых являлась большая часть советской колонии.

Основу сообщества советских граждан в Северной Маньчжурии, до преуступки СССР своей части прав на Китайско-Восточную железную дорогу Маньчжоу-Го в 1935 г., составляли трудящиеся этой дороги и их семьи. К КВЖД, как мощнейшему транспортному кластеру региона, с разветвлённой инфраструктурой, были причастны не только собственно железнодорожники, но и множество представителей других профессий. Работать же на дороге по советско-китайским соглашениям 1924 г. могли только граждане этих двух стран [4, с. 344, 461]. Почти вся часть русского персонала КВЖД, которая имела советские паспорта или оформила ходатайство о вступлении в гражданство СССР, в 1924–1925 гг. была объединена в просоветские профессиональные союзы. Членство в них не обязательно подчёркивало искреннее почитание советских суждений об общественном устройстве, но давало возможность стабильности, сохранения рабочего места и определённой защиты трудовых прав.

Крупнейшим из действовавших в ОРВП (бывшей полосе отчуждения) профсоюзов являлся «Производственный союз работников железнодорожного и водного транспорта (Дорпрофсоюз) КВЖД», подчинявшийся напрямую Дальневосточному бюро центрального комитета профсоюза железнодорожников (ДВБЦКЖД) в Хабаровске. К 1 июля 1926 г. весь личный состав

КВЖД насчитывал 22 191 чел. (из них – 7950 были гражданами Китая), при этом в Дорпрофсоже состояло 9799 чел. (включая 257 на тот момент временно безработных) [3, оп. 1, д. 1, л. 1]. Имея такой охват советских граждан, Дорпрофсоюз КВЖД осуществлял по указанию партийных органов скрытое влияние и давление на своих членов, контролировал их лояльность по отношению к СССР и, конечно, подвергал идеологической обработке. Анализ действовавшего в профсоюзе избирательного института может пролить свет на истинное положение дел среди «членской массы» в области доверия своему партийно-профсоюзному руководству, показать завуалированные политический риторикой реальные социальные проблемы.

На ответственные посты в Дорпрофсоже КВЖД официально избирались по демократическим принципам, но на практике кандидатуры сначала должны были получить негласное одобрение со стороны местного руководящего органа – Дорожного комитета (Доркома), или ДВБЦКЖД и Далькрайкома ВКП(б), в зависимости от уровня выбираемой должности. По сути, это выглядело как назначение на должность при формальном одобрении (голосовании) послушного электората, не рисковавшего идти на открытый конфликт с Доркомом, опасаясь гонений с его стороны. Одной из наиболее крупных избирательных кампаний в рамках Дорпрофсоюза стали выборы, организованные в ноябре 1926 г.

Избирательные мероприятия инициировал председатель ДВБЦКЖД И. Чухманенко после инспекторской поездки на КВЖД, в ходе которой было обращено внимание на серьёзные упущения со стороны Доркома в союзной работе. Среди причин, приведших к перевыборам в Дорпрофсоже, Чухманенко в своём секретном проекте предложений для действий Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) в октябре того же года указывал на слабую активность и Доркома и СМК в решении насущных бытовых и трудовых вопросов трудящихся. Такая позиция партийно-профсоюзного руководства на местах привела к тому, что рядовые члены Дорпрофсоюза стали обращаться к ним исключительно с групповыми заявлениями, т.к. они только на такие, хотя и слабо, но реагировали. Вместе с тем в числе заявителей очень часто вместе с членами союза встречались рабочие и служащие, не входившие в Дорпрофсоюз или состоявшие в т.н. «жёлтых союзах» (антисоветских профсоюзах) и явно недоброжелательно относившиеся к политике СССР. Поэтому смысл таких коллективных заявлений приобретал враждебный Доркому и советскому влиянию на КВЖД характер. Чухманенко отмечал, что антисоветские силы на дороге умело воспользовались таким приёмом и «без особых трудностей использовали эти настроения, противопоставляя членскую массу союзу под лозунгом: союз сплёлся с администрацией, союз ничего не сделал для членской массы, советская администрация совершенно не заботится об удовлетворении острых нужд служащих, т.к. она поглощена заботой о своих собственных интересах» [2, оп. 1, д. 44, л. 349–349об.]. Прошедшие осенью 1926 г. перевыборы в Дорпрофсоюз отчасти подтвердили приведённые выводы председателя ДВБЦКЖД.

Кроме того, перед выборной кампанией прокатилась очередная волна репрессий китайской полиции против профсоюзов ОРВП. В октябре ряд руководителей Дорпрофсоюза КВЖД были арестованы за коммунистическую про-

паганду и осуждены к тюремным срокам до одного года, а его председатель И.В. Лошкомоев (занимал этот пост с начала 1925 г.) вынужден был срочно нелегально переправиться на территорию Советского Союза [5, с. 21–22]. Для усиления руководства и поднятия авторитета железнодорожного союза в ОРВП направлялись опытные партийно-профсоюзные функционеры, которых в целях легализации следовало провести через выборы. Надлежало также обновить низовой профсоюзный аппарат и ввести в него как можно больше членов ВКП(б). На должность председателя Дорпрофсожа рекомендовали инструктора ДВБЦКЖД И.М. Степаненко. Вскоре он срочно выехал в Харбин, о чём свидетельствует специальное удостоверение Далькрайкома ВКП(б) от 27 сентября 1926 г. № 2895, выписанное для этого, но по соображениям конспирации цель поездки не указывалась [2, оп. 1, д. 36, л. 47].

Перевыборы в Дорпрофсоже КВЖД были организованы и проведены в ноябре 1926 г. и полностью завершены 25 числа месяца. Тайное голосование осуществлялось анкетным методом, который, как позднее, 11 декабря рапортовал в комфракцию ДВБЦКЖД И.М. Степаненко, «дал возможность выяснить настроение членской массы в отельных пунктах и на дороге». Сама процедура перевыборов предусматривала, что «Дорпрофсожем был составлен список кандидатов в Дорком и разослан на места с предложением дополнить его своими кандидатами». Каждый член союза должен был сделать отметки о согласии или несогласии с той или иной кандидатурой в списке, а затем, запечатав его в конверт, сдать профуполномоченному [2, оп. 1, д. 38, л. 37].

В голосовании приняли участие 8999 чел. из 10 075 членов союза (89,32%) [3, оп. 1, д. 1, л. 17]. Не принимавших участия в голосовании было 1076 чел. (10,68 %), но статистика проигнорировавших перевыборы по неуважительным причинам известна только по городу Харбину – это 157 чел. против 434, отсутствовавших из-за командировок, отпусков или по болезни [2, оп. 1, д. 44, л. 380]. Явка на избирательные участки в условиях напряжённой политической ситуации в ОРВП была достаточно высокой: в Харбине она составила 88,93% членов союза, в Хайларе – 81,98%, в Бухэду – 97,09%, в Ханьдаохэцзы – 85,96%, в Пограничном – 95,34% [2, оп. 1, д. 44, л. 373]. Для организации и контроля процедуры голосования была выбрана Центральная избирательная комиссия Дорпрофсожа КВЖД по подсчёту избирательных записок в следующем составе: председатель комиссии – Ласточкин, секретарь – П.Г. Гренков (занимал должность технического секретаря Доркома), члены – С. Никитин, Трофимов, Костяков. Комиссия работала с 16 по 19 ноября [2, оп. 1, д. 44, л. 376, 379].

По результатам перевыборов в руководстве Дорпрофсожа КВЖД произошли следующие перемещения по выборным должностям. Председателем Доркома вместо И.В. Лошкомоева был избран И.М. Степаненко, секретарём Доркома вместо М.А. Косолапова (арестован китайской полицией) стал П.Д. Беспалов, заведующим тарифно-экономическим отделом – М.А. Иванщенко (откомандирован ДВБЦКЖД в Дорпрофсож 1 июля 1926 г. [2, оп. 1, д. 44, л. 1]), его заместителем стал П.М. Дайгородов, заведующим культурным отделом – К.Н. Мошкин, инструктором Доркома по организационной работе – И.И. Крулик. После перемещений в Дорожном комитете также был

обновлён руководящий состав многих участковых и местных комитетов Дорпрофсожа [3, оп. 1, д. 1, л. 19–20].

Несмотря на то, что перевыборы в Дорпрофсоже КВЖД были проведены оперативно и признаны ДВБЦКЖД в целом удачными, уже приведённые нами недостатки и просчёты в союзной работе, допущенные предыдущим руководством Доркома, дали о себе знать в процессе голосования в форме пассивного протеста части членов профсоюза. «Необходимо отметить, что указанный выше метод анкетного голосования выявил по ряду звеньев и отчётных единиц отрицательные показатели в работе союза» – было отражено в протоколе № 14 заседания комфракции ДВБЦКЖД от 11 декабря 1926 г. [2, оп. 1, д. 38, л. 37об.]. В аналитической записке вновь избранного председателя Дорпрофсожа КВЖД И.М. Степаненко в ДВБЦКЖД от 21 января 1927 г. по итогам прошедших перевыборов указывалось на отрицательные моменты мероприятия, «выразившиеся в воздержании от голосования со стороны некоторой части членской массы, в особенности по району Харбин», что «ясно указывает на наличие <...> враждебных нам группировок, сконцентрированных в районе Харбина и ведущих свою разлагающую работу» [3, оп. 1, д. 2, л. 29]. Дорком и низовые организации Дорпрофсожа обязывались детально изучить эти группировки и не допустить дальнейшего усиления их влияния на членов союза.

Далее Степаненко сообщает, что из 8999 членов Дорпрофсожа КВЖД, принимавших участие в перевыборах, 655 чел. (7,3%) не согласились с предложенными кандидатурами и внесли изменения в бюллетени, а 857 чел. (9,5%) вовсе воздержались от голосования, и большинство из них приходилось на рабочих паровозных бригад [3, оп. 1, д. 2, л. 29–29 об.]. Следует пояснить, что из «воздержавшихся» так отметили свою позицию в избирательных записках только 133 чел., остальные 724 сдали их нетронутыми [2, оп. 1, д. 44, л. 380–381]. Среди причин такого инертного протеста автор записки выделяет три основных: а) «несвоевременное выявление нужд и запросов членской массы»; б) боязнь Доркома напрямую обсуждать насущные вопросы с рядовыми членами союза из-за предубеждения, что «не мы руководим членской массой, а наоборот, плетёмся у неё в хвосте»; в) слабая «отчётность союзных органов перед членской массой о своей работе» [3, оп. 1, д. 2, л. 30].

Голосовавшие не только отмечали в анкете фамилию кандидата, за которого радели или просто игнорировали списки, некоторые из них, пользуясь анонимностью, вольно обошлись с бюллетенями или сделали в них откровенные письменные замечания. В отчётной записке Центральная избирательная комиссия Дорпрофсожа КВЖД констатировала, что при подсчёте бюллетеней, вложенных в конверты, было обнаружено: один пакет с куском газеты, два – с чистой бумагой, один – с антисоветской прокламацией. Кроме того, 45 записок содержали разные надписи, большей частью хулиганского содержания, как например: «Бей жидов – спасай Россию», «Дело и без жидов обойдётся», «Были жулики, и будете», «Все вы паразиты, занимаетесь грабёжом, пейте нашу кровь и пропивайте наши деньги сразу по 9000 рублей», «Тоже выборы, извините за выражение. Так ведь себя вы уже выбрали, зачем ломать эту комедию? Для кого? Вы скажете, что местные условия не позволяют сделать иначе, – ложь! Вы поступили нечестно», «А счетов Ваших нет

уже несколько лет. Куда идут колоссальные средства?» и т.п. Встречались надписи язвительного тона, например: «Что же сделаешь, согласен». Часть записей отличалась более конструктивной критикой, как например: «Мы требуем от Вас справедливой работы и защиты интересов младших служащих», или «Согласна в целом. Почему слабо привлечена работница». Далее члены комиссии отмечают: «Есть надписи с отрывками цеховщины. Один, например, пишет, что со списком не согласен, т.к. очень мало представлены в нём кандидаты от Службы Эксплуатации, другой тоже самое пишет о Службе Пути, третий – о депо Харбин» [2, оп. 1, д. 44, л. 373об., 381].

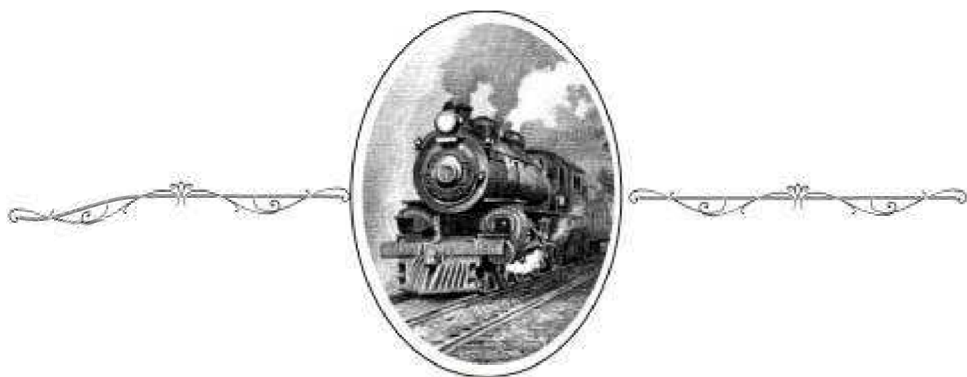
Неоднозначно было и распределение отданных голосов. Так, числившийся в списках по своей должности И.В. Лошкомоев получил наименьшее количество голосов – 7933 (88,15% от числа голосовавших или 78,73% от общего количества членов союза), а наибольшее – 8062 (89,58% и 80,02% соответственно) вновь введённый в аппарат Доркома председатель участкового комитета станции Хайлар А.М. Гончаров. Официально работавший агентом коммерческой части КВЖД И.М. Степаненко получил 8054 голоса (89,5% и 79,94%). Но в целом, из 33 кандидатур, впечатанных в избирательные списки на должности членов и кандидатов в члены Доркома, членов и кандидатов в члены ревизионной комиссии, – почти все получили более 8 тыс. голосов. Центризберком сообщал также, что кандидаты, внесённые в избирательные записки, самовольно «получили ничтожное число голосов: от 1 до 27» [2, оп. 1, д. 44, л. 374, 382].

Подытоживая приведённые данные, отметим, что в ходе избирательной кампании в Дорпрофсоже КВЖД осенью 1926 г. общее количество фактов недоверительного характера руководству профсоюза со стороны его членов, от неявки на выборы по неуважительной причине до крайне негативных письменных высказываний, составило 1669 человеко-случаев (16,57% от общей численности членов союза). Если учесть, что из 385 чел., не голосовавших по разным причинам в других, кроме Харбина избирательных пунктах на КВЖД, были также сознательно не явившиеся, то этот показатель можно увеличить как минимум до 17%. Вместе с тем, резко негативных антипрофсоюзных высказываний было замечено не более 50. Таким образом, округлив цифры, мы получим сравнительно большой процент членов Дорпрофсожа КВЖД, явно недовольных своим социально-бытовым положением и работой профсоюзного начальства, но не считающих этого достаточным для активных форм протеста. Данные граждане СССР, видимо, составляли базу той самой части советской колонии, которую эмигранты на местном жаргоне называли «редисками» [1, оп. 1, д. 9, л. 95], т.е. внешне признающими Советы из меркантильных побуждений, но по своему внутреннему состоянию остающимися людьми старой формации.

Проведённый анализ перевыборов в Дорпрофсоже КВЖД за ноябрь 1926 г. ещё раз подтверждает тезис о неоднородности сообщества советских граждан в Северной Маньчжурии. На протяжении всего первого периода совместного советско-китайского владения КВЖД (1924–1935) профорганы, особенно Дорком, прилагали ощутимые усилия по советизации колонии, но в условиях крайне неблагоприятных политических условий в ОРВП и неизбежных, в этой связи, просчётов в профсоюзной работе, выполнить данную

задачу полностью не смогли. Впоследствии, при первых же серьёзных испытаниях (например, вооружённый конфликт СССР и Китая на КВЖД в 1929 г.) часть советской колонии, те самые «редиски», довольно быстро меняли политическую ориентацию, пытаясь сохранить своё привычное состояние в постепенно исчезающем мире «харбинской старины».

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.П-458.
3. ГАХК. Ф. П-1965.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 7. (1 января – 31 декабря 1924 г.). – М.: Изд-во полит. литературы, 1963. – 760 с.
5. Полевой, Е. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин / Е. Полевой. – М.-Л.: ГИЗ, 1930. – 87 с.

СПИСОК АВТОРОВ

Антошин Алексей Валерьевич – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург.

Буяков Алексей Михайлович – председатель Всероссийской общественной организации «Приморское краевое отделение Русского географического общества» – Общество изучения Амурского края, г. Владивосток.

Василенко Надежда Алексеевна – канд. ист. наук, ФГБОУ ВПО «Морской государственный университет имени адм. Г.И. Невельского», г. Владивосток.

Гартунг Татьяна Сергеевна (ур. Буровникова) – член редакционной коллегии журнала «Австралиада – русская летопись», г. Сидней, Австралия.

Егорова Надежда Алексеевна – канд. пед. наук, главный библиотекарь ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», г. Москва.

Еремин Сергей Юрьевич – руководитель исторической секции Русского клуба в Харбине. Член Русского географического общества.

Имтосими Валентина Петровна – директор Международного театра-музея русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли, г. Кисловодск.

Казачун Галина Александровна – канд. ист. наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Каневская Галина Ивановна – д-р ист. наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Капран Инесса Константиновна – канд. ист. наук, преподаватель КГА ПОУ «Энергетический колледж», председатель секции «Дальневосточный информационно-культурный центр «Русское зарубежье» ВОО ПКО РГО – ОИАК, г. Владивосток.

Кротова Мария Владимировна – д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург.

Ларкина Людмила Леонидовна – редактор журнала «Австралийская лампада» – летопись русских в Австралии. Член Русского географического общества, г. Брисбен, Австралия.

Мисюк Борис Семёнович – член Союза писателей России, г. Владивосток.

Назарова Виктория Львовна – член Русского географического общества, г. Владивосток.

Попов Андрей Владимирович – канд. ист. наук, доцент Историко-архивного института ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва.

Портнягин Александр Дмитриевич – д-р пед. наук, профессор, руководитель Научно-исторического центра «Международный театр-музей русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли». г. Кисловодск.

Родионова Ксения Игоревна – аспирант ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Сердюк Мария Борисовна – д-р ист. наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», член Русского географического общества, г. Владивосток.

Смирнов Сергей Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург.

Суворов Иннокентий Николаевич – член редакционной коллегии журнала «Австралиада – русская летопись», г. Сидней, Австралия.

Сумская (Пермякова) Алла Георгиевна – исследователь, г. Хабаровск.

Чернолуцкая Елена Николаевна – д-р ист. наук, ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук», г. Владивосток.

Шугайло Татьяна Сергеевна – научный сотрудник КГАУК «Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева», г. Владивосток.

Хабибулин Владимир Асхатович – канд. ист. наук, канд. фил. наук, доцент ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Яхимович Сергей Юрьевич – доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России», г. Хабаровск.

Научное издание

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ГОРОДА
ХАРБИНА**
(120-летие строительства)

Сборник научных трудов

Редактор Л.Е. Стрикаускас
Верстка М.А. Портновой
Дизайн обложки Л.А. Харитоновой
В оформлении обложки использована открытка
из личной коллекции А.М. Буякова

Подписано в печать 13.06.2018. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 21,86
Уч.-изд. л. 18,50. Тираж 600 экз. Заказ 593

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

